

От интервенции до дружбы

Так получилось, что в XX веке наш город дважды стал одним из центров военного сотрудничества России (а потом — СССР) с Соединенными Штатами Америки.

Правда, в первом случае от тесного сотрудничества город по собственной инициативе уклонился, а во втором — принимал высоких американцев как дорогих гостей, показывая им все, даже совершенно секретные производства.

В годы Первой мировой войны Россия заказывала в Америке вооружения и материалы, необходимые для оборонного производства. После Октября 1917 года и с началом Гражданской войны США вместе со странами Антанты приняли участие в широкомасштабной помощи антибольшевистским силам в России. Во Владивостоке и Хабаровске высадился американский экспедиционный корпус в 9 тыс. чел.

Официальной причиной высадки (как и появления других войск интервентов) стала необходимость оказания помощи в эвакуации Чехословацкого корпуса. Шли поставки вооружений — в частности, Временному Сибирскому правительству и Верховному правителю адмиралу Колчаку.

В рамках предоставленного США кредита в 262 млн. долларов всего «сибирцам» было поставлено 450 тыс. винтовок, около 4 тыс. пулеметов, сотни орудий, 92 млн. патронов. Впрочем, откровенно говоря, качество большого объема вооружений (за который, кстати, США получили от «сибирцев» в обеспечение кредитов и поставок 2118 пудов золота) оставляло желать лучшего. Вооружения были «б/у», устаревшие, а также сделанные явно «спустя рукава».

В частности, поставлялись изготовлявшиеся в США по российским лицензиям в годы Мировой войны винтовки Мосина.

Их в массовом порядке браковали при приемке военнотехники еще Императорской Русской армии. Ну а для сибирцев «стандарты американского качества» оказались вовсе изумительными. У американских «мошинок» затвор отказывал после нескольких выстрелов, не выбрасывал гильзы; при попытке вести стрельбу с примкнувшим штыком зачастую при первых же выстрелах штык отлетал в сторону. В начале формирования Сибирской армии отношение к Америке было более чем дружелюбным. Рядовые «сибирцы» в эшелонах пели частушки:

*Жри, Вильгешка-ненажора,
Наше русское добро!
С мериканкой, англичанкой
Разорвем твоё нутро!*

После того, как «сибирцы» получили в руки вышеописанное «союзническое» оружие, энтузиазм, понятно, увял. По странному совпадению, именно в это время американское консульство в Новониколаевске было вежливо переселено из центра города (Спасская, 16, район нынешнего «стоквартирного дома») в менее престижное место (на Барнаульскую, 29 — в квартал на пересечении нынешних ул. Урицкого и Щетинкина).

А когда возник план расквартирования в городе 200 американских «союзнических» морпехов, город вежливо, но твердо и язвительно от подобной чести отказался.

Новониколаевские газеты абсолютно без комментариев печатали информацию, которая сама по себе убивала иронией: «Телеграмма в Омск. Городской голова посылает в Омск генералу Думбадзе телеграмму, содержание которой приводим полностью: «Благоволите выяснить, как понимать выражение — снабдить всем необходимым американских бойцов... Город размещает, кроме лечебных и штабных учреждений, 20 000 воинских чинов и 8 000 беженцев, более подыскать квартир нет возможности». Американский консул Хадли, ничего не понимая, пытался объяснить — да, в городе с жильем трудно, но вот же бараки есть, и тут, и тут поместиться можно... На что новониколаевские чиновники с сибирской хитринкой и преданной «союзнической» слезой отвечали — Помилуйте! В это вот убожество дорогих «союзников» селить?! Да ни в жизнь

себе такого позора не позволим! В дворовых мальчишеских разборках такое называлось «отбрехаться».

Вот так в годы Гражданской войны Новониколаевск избежал появления в городе интервентов в форме армии США.

Во время Великой Отечественной войны отношение к США у новосибирцев было совсем иное. И принимали их по-иному — как союзников безо всяких кавычек. Несмотря на то, что Новосибирск был отнесен к числу режимных местностей 1 категории.

Так, 18 октября 1943 года член Государственного Комитета Обороны Анастас Микоян направил секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) телеграмму: «Председатель Комитета военного производства США г-н Дональд Нельсон... изъявил желание посетить Новосибирск и осмотреть авиазавод истребителей. Прошу Вас принять необходимые меры для организации встречи и показа объектов г-ну Нельсону».

24 октября Нельсон прибыл в город на своем самолете, встречен на заводе им. Чкалова.

И сразу же был организован торжественный прием на «обкомовских дачах». Ему показали не только завод №153 (им. Чкалова), но и дополнительно — №69 (приборостроительный завод). После чего абсолютно удовлетворенный Нельсон вылетел в США через Ташкент и Ирак.

Прошло несколько дней — и в телеграмме на имя Кулагина Нельсон сообщил, что благополучно прибыл в Вашингтон, что за время своей поездки в СССР он пролетел на своем самолете 12 600 миль.

И — еще раз особо поблагодарил за оказанный ему «хороший прием в Новосибирске». Другие города, через которые пролетал Нельсон, «отчетно-благодарственных» телеграмм не получили. Неудивительно.

На приеме на «обкомовских дачах» были та-а-кие ручной лепки сибирские пельмешки! Кроме того, именно здесь впервые чопорный доселе американец узнал, что кроме водки есть еще «сверхделикатес» — спирт-ректификат. Такое, естественно, не забывается.

Кстати, можно представить, в каком состоянии осматривал союзник наутро секретный авиазавод. Не до секретов ему было, не до технологий.

Нашим-то что, всего лишь «сибирское гостеприимство» показали. Заодно с пользой для дела.

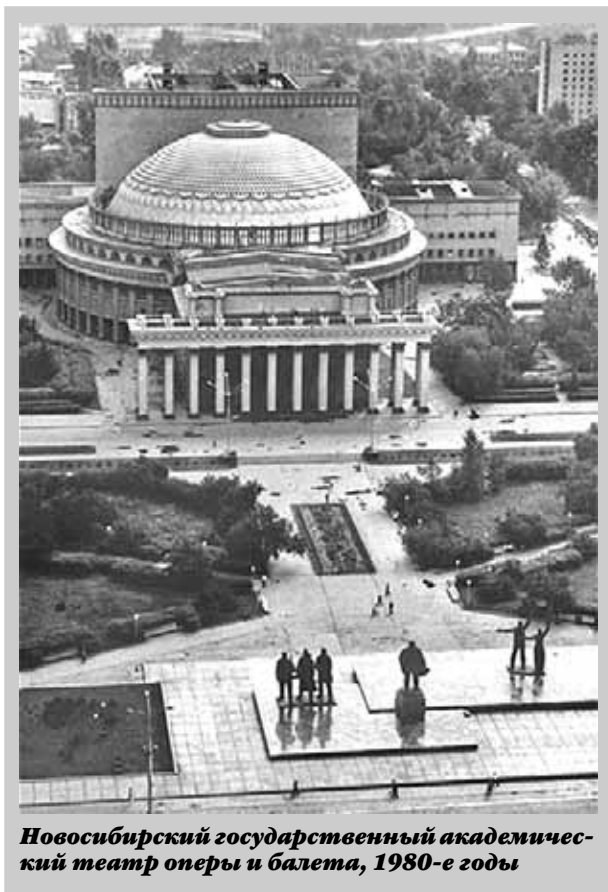
Посещали город и другие высокопоставленные американцы, и им тоже показывали все — невзирая на секретность.

В 1944 году Новосибирск посетили глава Торговой палаты США Эрик Джонстон и деятель Республиканской партии Вильям Вайт.

Сопровождавший их в поездке корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Харрисон Солсбери («теневого советника» президента Франклина Рузвельта) в своих воспоминаниях писал: «Нашим хозяином был Михаил Кулагин, самый стойкий коммунист, какого я когда-либо встречал... Вайт

Административное здание треста «Запсибзолото» было построено в 1930-1932 гг., в 1936 г. оно было реконструировано в духе стилизованного классицизма

Новосибирский государственный академический театр оперы и балета, 1980-е годы

заметил, что «партийная дисциплина» — это единственное, что Кулагин понимает и уважает».

Заметил, похоже, с завистью — в американских партиях с дисциплиной всегда было слабовато.

Подобная открытость абсолютно неудивительна. Нашу «оборонку» показывали не абстрактным «иностранцам», а союзникам по войне с Гитлером. Америка и Англия (в первую очередь — Америка) поставляли СССР боеприпасы, вооружение, оборудование, стратегические материалы, — много чего, вплоть до «джипов», тушенки и яичного порошка. С Аляски в СССР перегоняли боевые самолеты для Красной Армии. Это была знаменитая трасса «АлСиб».

Стоит заметить, что почти каждый четвертый истре-

битель и бомбардировщик, поступившие в годы Великой Отечественной войны в действующий состав ВВС СССР, были англо-американского производства.

На американской «Аэрокобре» с 1943 года до конца войны летал и наш земляк, великий ас Александр Покрышкин. А летчики новосибирских авиаполков принимали участие в перегоне союзнических самолетов по трассе «АлСиб».

В июне 1944 года в Новосибирск с ознакомительной поездкой прибыл вице-президент США Генри Уоллес.

Впрочем, поездку можно было бы назвать и «инспекционной» — ее маршрут полностью совпадал с «ленд-лизовой» авиатрассой. В честь высокого гостя 12 июня в Оперном театре (еще недостроенном) состоялось торжественное заседание, на котором перед простыми новосибирцами (хотя большинство из них и были людьми проверенными, партийными и комсомольскими активистами) Уоллес выступил по-русски с большой речью.

Впервые в режимном городе, в сердце Сибири, выступал один из руководителей иностранного государства.

Обращаясь к новосибирцам, Уоллес, в частности, сказал: «Возможность посещения вашего города меня очень обрадовала. Его название весьма знаменательно. К понятию «Сибирь» присоединено нечто новое. Для каждого американца со словом «Сибирь» ассоциировалось понятие о громадных, малонаселенных пространствах, ... стране с неисчерпаемыми, но не разработанными богатствами, с сильными и долгими холодами. С Сибирью были также связаны воспоминания о горе, страданиях, кандалах и об изгнании. ... Можно сказать, что если климат Сибири не изменился, то изменился дух населения. Война ускорила это превращение... Как только текущая война закончится победой СССР и его союзников, весь мир должен будет вернуться к усиленной мирной работе... Тогда тесное сотрудничество наших великих народов и их союзников явится наилучшей гарантией успешности трудов».

После выступления, встреченного шквалом аплодисментов, состоялся торжественный концерт.

Надежды Уоллеса, как и многих других, не оправдались. Наступила «холодная война». Когда 29 июля 1959 года Новосибирск посетил вице-президент США Ричард Никсон, ему с удовольствием продемонстрировали Новосибирскую ГЭС, строительство Академгородка. А вот в осмотре авиазавода вежливо отказали.

Пришлось ограничиться просмотром в Оперном театре «Лебединого озера».

Новосибирский «пендель» Френсису Пауэрсу

Казалось бы, историю со сбитым советскими ракетчиками над Свердловском 1 мая 1960 года американским самолетом-шпионом «У-2», пилотировавшимся Френсисом Пауэрсом, знают все.

Однако сегодня историки «воздушных боев «холодной войны» все чаще склоняются к другой версии.

Похоже, что первый «пинок» самолет-шпион получил в тот день все-таки от сверхсекретного высотного перехватчика «Т-3». Который всего за несколько дней до событий покинул стены «альма матер» — Новосибирского авиазавода им. Чкалова.

К 1960 году полеты «У-2» достали Никиту Хрущева, как говорится, «до печеноч».

С 1956 года высотный разведчик летал над СССР, пересекая буквально всю страну на высоте 20 тыс. метров, а сбить его было нечем.

Он летал над Москвой, над Ленинградом, над сверхсекретными объектами страны — в том числе и над Байконуром, и над Семипалатинским ядерным полигоном, и над секретными полигонами в Сары-Шагане.

Самолет «У-2» имел предельно облегченный планер с большим размахом крыла, снабженный специальным высотным турбореактивным двигателем. Хрущев гордился космосом — первым спутником, полетами собачек.

Все это обеспечивали ракеты, которыми, как ему казалось, он «утирал нос» США в Большой Ракетно-Космической Гонке. Никита Сергеевич буквально «брехал» ракетами, поминая их при всех международных встречах и при каждом случае.

А тут вдруг выяснилось, что, собственно, над страной

Пауэрс с моделью самолета «У-2»

регулярно летает «нечто», спокойно фотографируя все секретные объекты, в том числе и ракетные, а сбивать его — нечем.

«У-2» летал и летал — по некоторым данным, только Френсис Пауэрс к маю 1960 года совершил 27 полетов над СССР, налетав, в общей сложности, более 500 часов. Он, кстати, в специальном авиаотряде ЦРУ «10-10» был не первым и далеко не единственным пилотом.

В СССР были разработаны и запущены в производство зенитно-ракетные комплексы. Они должны были, как «зонтиком», прикрыть основные сверхсекретные объекты страны от любопытных глаз. Однако ракеты имели свои минусы — цель должна была практически «наткнуться» на ракету (радиус подрыва боевого заряда у них был в 25-30 метрах от цели).

А в Новосибирске, на заводе им. Чкалова, с 1957 года началось изготовление сверхзвуковых высотных самолетов-перехватчиков «Т-3», разработанных ОКБ Сухого (чуть позднее этот самолет получит название «Су-9»). Эта машина вполне «дотягивалась» до высоты полета в 20 км и была способна четырьмя ракетами «воздух-воздух» по-

разить высотного «супостата».

«Т-3» был действительно «штучным товаром». В структуре войск ПВО страны была создана специальная группа летчиков, в задачу которых входило принимать новые боевые машины на заводе, перегонять в полки и обучать пилотов работе с новой техникой — Центр боевого применения и переучивания летного состава авиации ПВО, что находился под Муромом, в Савастлейке.

В числе пилотов-инструкторов был и капитан Игорь Ментюков. Позднее он вспоминал: «В конце апреля шестидесятого мне новая задача — лететь в Новосибирск, взять там «Су-9» с большой заправкой, перегнать в Барановичи (это в Белоруссии) и заступить на боевое дежурство. Там стоял истребительный полк, на его вооружении находились и «Су-9». Они брали на борт 3 250 килограмм топлива.

К маю шестидесятого в Новосибирске уже создавались самолеты, бравшие 3 720 кг. А лишние полтонны горючего — это значительно большая дальность полета, больший рубеж перехвата. Задачу нам поставили жестко — 1 мая обязательно быть в Барановичах. 27 апреля с напарником капитаном Анатолием Саковичем прилетели в Новосибирск, взяли пару «Су-9» на заводе и назад, на Запад, поджимало время. 30 апреля мы уже в Свердловске, на аэродроме Кольцово, но там подзастряли из-за погоды». Вот так новосибирский «Т-3» (он же «Су-9») попал на Первомай 1960-го в Свердловск. И — оказался в нужном месте и в нужное время.

Утром 1 мая 1960 года Игоря Ментюкова подняли по «готовности № 1» — к Свердловску подходил «У-2» Пауэрса, но летел он по самому «краю» досягаемости ракетных комплексов С-75.

А стоявшие на вооружение «Миг-19» до него просто «не доставали» по высоте. «Т-3» Ментюкова был безоружен — пушечного вооружения на машине не предполагалось, а ракеты, естественно, он должен был получить только в части, после перегона.

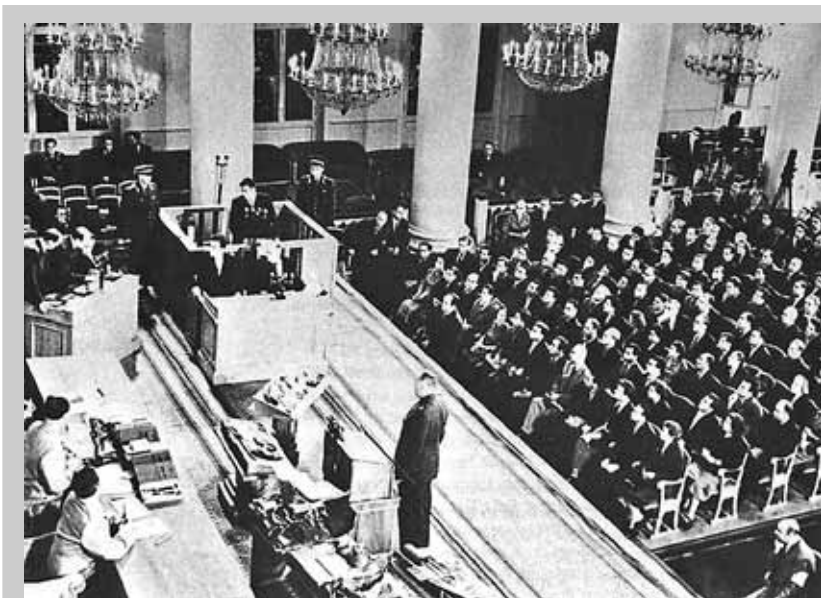
Однако, поднявшись в воздух, пилот получил неожиданный при-

каз: «Со мной на связь вышел не КП аэродрома, а командующий авиацией армии ПВО генерал-майор авиации Юрий Вовк. «Я — «Сокол», 732-й, как меня слышите? Слушайте меня внимательно. Цель — реальная, высотная. Таранить. Приказ Москвы. Передал «Дракон». «Дракон» — это был известный всем в войсках ПВО позывной главкома авиации войск, аса времен Великой Отечественной генерала Евгения Савицкого.

Напомним — самолет находился на пути в часть, только там он должен был получить вооружение и полную доводку оборудования. У пилота не было ни гермошлема, ни высотно-компенсирующего костюма. Без них на высоте 20 км его в случае разгерметизации кабины (а при таране она неизбежна) просто, как «шутил» годы спустя Ментюков, «разорвало бы, как воздушный шарик».

На КП переговоры транслировались по «громкой связи», и приказ этот («Умереть, но сбить!») и короткую паузу после него запомнили все.

Пилот ответил: «Понял вас. Выполняю. Позаботьтесь о матери и жене». Его долго наводили с земли на цель (Пауэрс включил радиопомехи, и прицел «забило»). В конце концов, каким-то «шестым чувством» выйдя на нарушителя,

Суд над Пауэрсом, Москва, 1960 год

Ментюков просто «проскочил» над ним. «Т-3» шел на скорости 2,5 тыс. км/ч, «У-2» — 750.

На второй заход горячего уже не было, и по команде с земли пилот пошел на посадку. Тем более, что в воздухе начинался полный бардак — локаторщики выдавали сразу несколько целей, в воздух подняли пару «Миг-19» (заведомо понимая бессмысленность этого) Бориса Айвазяна и Сергея Сафронова.

И одновременно два ракетных дивизиона начали палить по всему, что над ними в воздухе, выпустив 14 ракет. Они сбили «Миг» Сафронова (пилот погиб) и «дострелили» то, что, медленно планируя, падало с огромной высоты. Это были обломки уже уничтоженного «У-2».

Так кто же его сбил? Во время суда, на коротком разрешенном свидании с отцом Пауэрс успел шепнуть: «Не верь, что меня сбила ракета. Сбил самолет — я его видел». На суде сбитый пилот рассказывал более лаконично: «Я услышал взрыв, увидел перед собой вспышку оранжевого пламени, и самолет начал падать».

Зенитчики стреляли вслед, а то, что увидел Пауэрс перед собой как «оранжевое пламя» — был выхлоп турбины уходящего новосибирского «Т-3». Он, даже безоружный, свою работу сделал.

Годы спустя Ментюков рассказывал: «Самолет Пауэрса попал в спутную струю моего «Су-9», а в ней потоки воздуха стегают со скоростью до 180 метров в секунду! Плюс крутящий момент. Вот его и стало крутить. Крылья обломались...»

Неожиданное подтверждение тому, что могла натворить даже безоружная «труба» (как называли «Т-3» в войсках), содержится в жалобе, направленной 11 февраля 1957 года начальником Инского отделения Томской железной дороги в Новосибирский обком КПСС.

Только-только начинались полеты первых новосибирских «Т-3». «За последние 2-3 месяца над территорией ст. Инская участились случаи сильных взрывов при полетах реактивных самолетов. Так, 22 сентября, в полдень, при полете реактивного самолета было разбито 24 шибки стекла в окнах бани №1. 14 сентября от воздушной волны обрушилось перекрытие жилого дома, и семья Ямпольского с четырьмя маленькими детьми оказалась на улице. Руководство Инского отделения дороги просит принять меры по немедленному прекращению взрывов над территорией Первомайского района и выделить оконного стекла 1570 кв. м для ликвидации последствий».

Трассу полетов скорректировали, стекло выделили. «Взрывы», которые слышали в новосибирской Первомайке, и «взрыв», который потом услышал Пауэрс, — это включение форсажа, переход самолета на сверхзвуковую скорость. Просто оцените эффект от пролета новосибирской «трубы» даже над землей. Куда там уцелеть какому-то «У-2» в воздухе.

Ментюкову, на которого в мае 1960 года орали многозвездные начальники, что он «не выполнил приказ», позвонил «Дракон» — генерал Савицкий. Выслушав доклад, подвел итог: «Молодец. Без тебя он бы ушел». Но...

Как вспоминал бывший руководитель КГБ Владимир Семичастный, «Хрущев приказал, что сбить должны ракеты». Погибшего Сафронова и чудом приземлившегося на остатках топлива Ментюкова аккуратно «забыли».

Никита Хрущев пугал весь мир ракетами — стратегическими и зенитными. «У-2» должны были сбить и сбили именно ракетчики, причем первой же ракетой.

Подвиг и гибель пилотов самолетов-истребителей в эту логику абсолютно не вписывались. Поэтому, собственно, их и «не существовало» — почти полвека.

*Мы жили
по соседству,
встречались
просто так...*

После фильма «Семнадцать мгновений весны» у большинства простых граждан осталось в памяти, что непростой был в годы войны швейцарский Берн: разведчики воюющих сторон ходили по одним улицам и разве что не кивали по-соседски друг другу.

Что-то подобное происходило в 20-30-е годы в Новосибирске, где неожиданных «соседей» хватало.

С одним небольшим отличием от «киношного» Бер-

Спортивный клуб «Динамо», единственный построенный корпус из клубного комплекса зданий клуба им. Дзержинского. Фото 1934 года

на — новосибирские чекисты относились к иностранным дипломатам-разведчикам именно как хозяева (что естественно) к соседям, которых можно только терпеть. И ни о каких кивках речи не было — в крайнем случае, отдаче чести по протоколу.

Бурно отстраивалась промышленность Западно-Сибирского края, требуя все большего и большего количества специалистов — угольщиков, металлургов, станкостроителей, автодорожников и т. д.

Своих кадров в достатке еще не было, и приходилось заключать соглашения с иностранными специалистами. Ну, а для облегчения работы с ними в Новосибирске были открыты дипломатические консульства.

Под консульства отводили добротные каменные двухэтажные особняки в центре города. Консульство Китая обосновалось на Рабочей улице (сегодня — Чаплыгина, 53). Консульство Германии — в особняке на Октябрьской, 47.

Один из лучших особняков — «Дом Тотторина» на Ядринцевской, 19 — достался японскому консульству.

Удобно обустраивая иностранных дипломатов в центре города, НКВД не забывал и о собственных нуждах. Сооружения НКВД должны были соответствовать мас-

штабам и размаху столицы Сибири и обеспечивать полноценный комфортабельный отдых сотрудникам во вне рабочее время. Так, в частности, творческой группой, состоящей из архитекторов Б. Гордеева и С. Тургенева, а также инженера В. Никитина, был спроектирован для новосибирских чекистов комплекс зданий клуба имени Феликса Дзержинского.

По не зависящим от авторов и заказчиков обстоятельствам из трех зданий клуба в итоге было построено только одно — спортивный клуб «Динамо». Местоположение стройки было выбрано в соответствии с направлением новой Октябрьской магистрали, которая была заложена в городской генплан 1927 г.

Спортклуб и стал первым зданием новой магистрали. Вот таким опосредованным образом НКВД удалось напрямую поучаствовать и в вопросах градообразования Новосибирска. Строили, действительно, «на перспективу» — еще в 1979 г. историк новосибирской архитектуры Сергей Баландин писал, что «игровой зал клуба и в настоящее время является крупнейшим в Новосибирске» (!).

Увы, но ровно через 10 лет, в июле 1989 г., в результате пожара корпус игрового зала был полностью утрачен. Тем не менее, не одно поколение новосибирских чекистов сумело за 50 лет его существования повысить с помощью клуба свое спортивное мастерство. Это что касается отдыха.

Но и жить-то тоже где-то надо! И буквально в двух шагах от здания управления НКВД и клуба «Динамо», на Серебренниковской, 23 вырос многоэтажный красавец-дом. Им гордились, с его видами выпускали открытки (не указывая, понятно, ведомственную принадлежность здания). Дом для начальствующего состава НКВД был построен именно как комбинат.

В нем одновременно были запланированы магазин, столовая (обеда из которой можно было заказать непос-

редственно на квартиру), ванная (помимо индивидуальных в квартирах), прачечная и стол заказов. Правда, уже к концу тридцатых от идеи «комбината» отказались, переделав непрофильные помещения под другие нужды. Квартиранты из первых жильцов жилкомбината в больших петлицах НКВД на перемены не жаловались.

Их, собственно, уже не было на свете, а освобождавшиеся в жилкомбинате квартиры занимали новые люди с большими петлицами — чтобы вскорости тоже кануть. Текучесть руководящих кадров в НКВД была чрезвычайно высокой, а вот живучесть, наоборот — крайне низкой.

Вот так и возник в городе небольшой, уютный «квартал НКВД», где для чекиста все было в двух шагах от работы — спорт, отдых, жилье. Ну, а новые художественные фильмы и документальную хронику (мирное строительство в СССР, война в Китае и т.д.) чекисты ходили смотреть в центральный кинотеатр им. Маяковского (в конце 20-х — «1-е Совкино»).

Кинотеатр располагался там же, где и сегодня — на углу Красного и Октябрьской, только в здании постройки начала века. Сюда же «по-соседски» ходили и сотрудники дипконсульств.

Все, в общем-то, просто. Где дипломатия — там и разведка, а где разведка, там и контрразведка (то есть, в нашем случае, НКВД).

Ирония судьбы заключалась в том, что, собственно, все здания дипконсульств располагались буквально по соседству с «кварталом НКВД». Как шутили чекисты — «...чтобы далеко не ходить!».

И, когда соседи порой забывали, что дипломатия и разведка — вещи все-таки разные, их по-хозяйски ставили на место. Обычно резидент разведки шифруется под одного из секретарей консульства, все остальные — «чистые» дипломаты. Консульство Японии резко выделялось на этом фоне — развединформацию собирали все, начиная с самого консула Ота Хидео.

Особо интересовали сведения по оборонной промышленности Новосибирска (и прежде всего — предприятия по производству боеприпасов) — характер, качество и объемы выпускаемой продукции; сведения о дислокации частей Новосибирского гарнизона Красной Армии; мобилизационные планы по снабжению войск; сведения об аэродромах и их планы; сведения о состоянии железной дороги, объемах перевозок. Ну, а также — информация о морально-политическом состоянии новосибирцев. То есть

Здание больницы построено в 1928 году. Первоначально в нем размещалась физиотерапевтическая лечебница

То же здание в наши дни. С 1938 года в нем размещается детская клиническая больница № 2

— нормальный комплекс вопросов военно-политической разведки, ответить на которые можно только обширным общением с местным населением. Японцы и общались.

Ну а чекисты — внимательно наблюдали за соседями и контакты фиксировали. Говорят, что терпение НКВД лопнуло, когда консульство отнюдь не по-соседски попыталось получить информацию о структуре НКВД Зап-Сибкрая.

Консульство решением Совнаркома было ликвидировано, а все его сотрудники высланы из страны в октябре 1937 г. Ну, а 63 новосибирца из тех, с кем общались японцы, попали под обвинение в шпионаже и расстрел. В 1957 г. 62 из них реабилитировали.

Ота Хидео вновь попал в Сибирь в 1945 г. в качестве военнопленного.

Где-то рядом с ним, в других лагерях, сидели бывшие сотрудники новосибирского НКВД.

Они снова были соседями.

«...Городское дело знающих...»

Жители будущего Новосибирска — новониколаевцы — всегда с удовольствием участвовали во всевозможных городских голосованиях.

Именно они, собственно, добились учреждения в Новониколаевске «городского парламента» — местной Думы.

И, несмотря на многочисленные ограничения и курьезы, охотно выбирали городских «парламентариев».

Собственно, все проблемы организации общественного самоуправления будущим Новосибирском новониколаевцы всегда решали сообща, причем — без особой оглядки на вышестоящую власть. Первый староста поселка, бердский крестьянин Илья Титлянов, был избран общим сходом жителей 12 августа «как человек хорошо известный, всем весьма доступный, искренний и доб-

Члены волостного правления деревни Бугры (основана в начале XIX века вблизи устья реки Тулы, по имени деревни названа Бугринская роща)

росовестный».

Кандидатуры, предложенные уездным представителем из Томска, сход «прокатил». С «избирками» тогда (как и несколько позднее) у нас дело налажено было плохо. Однако известно, что «приговор схода», на котором присутствовало около 1,5 тысяч человек, подписало 667 жителей поселка при общем количестве населения в 5696 человек. Собственно, и для любых сегодняшних выборов результат завидный — в том числе и по явке.

Титлянова утвердило Томское окружное полицейское управление, однако уже 24 декабря того же года губернское управление «отыграло назад», заявив, что Титлянов «избран самочинно» и прислав в качестве управляющего поселком полицейского чиновника Ржевского.

Так, собственно, впервые верховная власть своим открытым решением меняла у нас власть местную.

Второй раз это повторилось в 1993 г. с двукратным снятием губернатора Виталия Мухи президентом РФ Борисом Ельциным (один раз — неудачно, второй — удачно).

...И вплоть до 1903 года, когда указом императора Николая II Новониколаевск получил права «безуездного города... с введением в нем общественного управ-

ления... в упрощенном виде», город, фактически, управлялся чиновниками, назначенными безо всякого учета мнения горожан.

Новый порядок управления предполагал избрание 15 городских уполномоченных и 7 кандидатов, а также старосты.

В выборах участвовали только владельцы недвижимого имущества, причем имущественный ценз был определен в весомую по тем временам сумму — не ниже 100 рублей.

В крайне приблизительном и очень условном пересчете на сегодняшние деньги это составляет около 85-90 тысяч рублей. Но это — очень условно.

В тот период рубль свободно обменивался в любом отделении Госбанка на золотые монеты, составляя «одну пятнадцатую империала», содержа 17,424 долей чистого золота. (Это было напечатано на каждой денежной купюре и полностью соответствовало действительности. Выпускать золотые трехрублевые юбилейные монеты для продажи их по 300-400 долларов тогда еще не додумались. Все было «по-честному»).

Женщины к участию в выборах не допускались. Так что на 27 тысяч тогдашнего населения города избиратель-

ные права получили около 900 человек. 12 сентября 1904 года состоялось первое в истории города избирательное собрание по выборам городских уполномоченных.

Выбрали уполномоченных (среди которых оказался и Илья Титлянов) и кандидатов. 8 ноября собрание уполномоченных выбрало, наконец, и главу города — старосту, признанного и населением и Томскими губернскими властями.

Им стал Иван Суриков. Купец, предприниматель, владелец торгового дома с оборотом в 330 тысяч рублей (тех, не сегодняшних!), человек живого и цепкого ума, увы, недолго пробыл на главном городском посту.

После смерти сына в 1905 году, по собственной просьбе Сурикова его освободили от должности старосты — надо было заниматься делами своего торгового дома... Однако с 1909 года и до самой своей смерти в 1913 г. он оставался членом городской Думы. Могила его, как водится, «не сохранилась».

Так же, как и первого «самочинного мэра» Титлянова. Да что могила! Знака памятного не досталось ни одному, ни другому. Впрочем, Сурикову (хоть безымянный) — остался. Знаменитое «Николаевское подворье» (ныне

Николаевский проспект, пересечение с улицей Воронцовской. Фото 1910-х годов

— полиграфкомбинат, Красный проспект, 22). А дом «самочинного» старосты Титлянова был снесен еще в начале 1980-х годов.

У нас в городе почему-то всегда «с душой» относились что к людям, оставившим заметный след в его истории, что к памятным местам, связанным с этими людьми.

В сентябре 1905 года собрание уполномоченных выбрало нового старосту — предпринимателя, владельца крупных кожевенных предприятий Захара Крюкова.

А с начала февраля 1907 года обязанности старосты исполнял купец Геннадий Кузнецов. В том же 1907 году новониколаевское самоуправление впервые «показало зубки» верховной власти.

Город давно бился за право предоставления на выкуп усадебных земель, добился-таки соответствующего им-

ператорского указа, и городское управление создало по этому поводу специальную расценочную комиссию.

Предполагалось, в частности, что рассрочка платежа будет составлять не менее 20 лет. Томский губернатор барон фон Нолькен счел действия новониколаевского управления «слишком либеральными» и в достаточно резкой форме высказался по этому поводу. Шесть новониколаевских городских уполномоченных сочли себя оскорбленными губернаторскими высказываниями и — подали в отставку.

Собрание было оперативно переизбрано (без управления город оставаться не собирался), новым городским старостой избрали Алексея Беседина, подрядчика по заготовке шпал для железной дороги.

Но тут уже обиделся, в свою очередь, томский губернатор, и утверждение результатов городских выборов за-

тянулось почти на год — до той поры, пока новым губернатором не был назначен известный ученый, исследователь Сибири, Ближнего и Дальнего Востока Николай Гондатти.

При его активном участии появился, наконец-то, долгожданный высочайший указ о применении к Новониколаевску городского положения в полном объеме.

Это значило, что город имел право избрать и городскую Думу, и полноценного городского голову. Гондатти, кстати, позднее принял живейшее участие в организации городу помощи в ликвидации последствий катастрофического пожара 1909 года, за что получил звание первого почетного жителя города, а одна из

Центр города, 1950-е годы. Комплекс зданий, расположенных на нечетной стороне Красного проспекта между улицами Горького и Чапыгина, построен в 1900-1910 гг. В 1950-1960-х годах в них находились: предприятие общественного питания «Сибирские пельмени», спортивный магазин и магазин «Табаки», артистическая гостиница, магазин книг и канцелярских принадлежностей. Снесены в декабре 1969 года

центральных улиц (ныне — ул. Урицкого) была названа его именем.

Собственно, в правилах избрания нового городского «парламента» изменилось немного. Общественные требования к новым избранным остались прежними, причем газета «Обь» в декабре 1908 года даже умудрилась изложить их в форме «белого стиха»:

*В будущую городскую Думу пусть
Пошлет избиратель людей,
Городское дело знающих,
Делать его умеющих,
Благо народное понимающих,
Жизнь общественную
И ее деловые пути уразумевающих,
Смелых, энергичных,
Прямыми путями ходить дерзающих,
В кусты голову, когда избиратель
Примется ругать, не укрывающих,
Черно-бело различающих,
В дугу совесть не сгибающих.*

Не изменились и требования законодательства. Право голоса имел любой горожанин не младше 25 лет, владеющий недвижимым имуществом в городе и не имеющий задолженностей по городским сборам.

Действуй подобные правила сейчас, количество избирателей резко бы сократилось — в первую очередь за счет должников ЖКХ. Правда женщины, хоть и удовлетворявшие всем критериям, до выборов по-прежнему не допускались.

Однако имели право делегировать свои голоса кому-то из ближайших родственников — отцу, мужу, сыну, брату или зятю.

Количество гласных неправославного вероисповедания не могло составлять больше одной пятой от общего состава Думы (в 40 человек). Причем особо подчеркивалось, что лица иудейского вероисповедания не могли быть избраны ни городским головой, ни его заместителем.

Сами же выборы проходили на избирательных собраниях, голосами тех избирателей, которые успели явиться на них к назначенному сроку. Каждый избиратель голосовал за каждого из кандидатов по отдельности, опуская специальные шары в специальные урны «за»

или «против».

Исполнительным органом Думы была избираемая ей городская управа.

По этим правилам 9 января 1909 года была избрана первая новониколаевская городская Дума.

24 купца, 5 домовладельцев, 2 врача, 2 промышленника, 2 подрядчика, присяжный поверенный, полковник, управляющий предприятием, биржевой маклер и служащий железной дороги.

Первым городским головой стал предприниматель Владимир Жернаков.

При нем город добился от правительства бесплатного отпуска стройматериалов беднейшим жертвам катастрофического пожара 1909 года, были построены 12 кирпичных школ, инфекционная больница. Был построен и Городской торговый корпус (сегодня — краеведческий музей), в котором стали заседать и городская Дума, и управа.

До этого главный орган городской власти располагался на втором этаже двухэтажного кирпичного дома на ул. Кузнецкой (сегодня — ул. Ленина), на первом этаже были «Сиротский суд» и библиотека им. Чехова. Здание не сохранилось — после «вырубки» целого квартала дореволюционной застройки с 1973 года на этом месте стоит магазин «Универсам».

Жернаков, ушедший в отставку в марте 1914 года по собственному желанию «из-за болезни и переутомления», так же, как и Гондатти, получил звание почетного гражданина города, а его портрет был размещен в зале заседаний городской Думы.

Позднее был активным деятелем партии кадетов, в начале 1930-х годов был арестован по делу «контрреволюционной вредительской организации в системе кооперации и Госбанке» в Новосибирске (хотя жил он к этому времени уже в Харькове).

Он оказался одним из немногих обвиненных по этому делу, кто не дал показаний ни на кого. Срок отбывал под Новосибирском, место захоронения, как водится, неизвестно.

...А все-таки забавно получается! Совсем недавно состав депутатского корпуса новосибирского городского совета увеличился до 40 человек.

С какого количества избранных начиналось городское самоуправление сотню лет назад — к тому и пришли. Правда, правила выборов немного изменились.

Штрафы козами и детьми

За мелкие правонарушения и невыполнение распоряжений власть штрафовала и наказывала всегда. Правда, в разное время по-разному.

Особенно «урожайными» на разнообразие видов «административного воздействия» оказались для Новониколаевска 1920-е годы. За проступки горожане могли лишиться не только личного скота, но и детей.

Проблема не чищенных от снега дорог актуальна и сегодня. В те годы актуальна была и другая проблема — нечищенных железнодорожных путей.

21 февраля 1922 года «Советская Сибирь» сообщила о приказе новониколаевского губернского исполкома о мобилизации горожан на очистку путей от снега.

Мобилизации подлежали как мужчины (от 18 до 55 лет), так и женщины (от 18 до 45 лет). Административные меры к «уклонистам» предусматривались жесткие: «немедленно арестовывать для предания суду ревтрибунала».

Хорошо бы, чтобы это прочитали сегодняшние «мастера» по очистке городских улиц и тротуаров.

Тогда же ввели особые меры по регистрации бывших «белых». «Советская Сибирь» информировала: «Замечены случаи, когда бывшие белые офицеры, чиновники, юнкера, состоящие на особом учете, прибывая из других местностей в пределы Новониколаевской губернии, не являются в губотдел ГПУ для регистрации».

В пятидневный срок предписывалось исправить это положение. «Впредь при повторении случаев нерегистрации виновные будут подвергаться суду ревтрибунала».

Фактически этим постановлением «нечистка» снега была приравнена к вражеским действиям. По крайней мере, санкции и к тем и к другим «уклонистам» обещались одинаковые. Город как губернский центр не мог не обращать внимания на то, что происходит на «подведом-

ственных территориях».

Так, в мае 1922 года в Каргате ввели арест на 15 суток за появление «в общественных местах» в нетрезвом виде. Не «до 15 суток» — а в любом случае ровно на 15. Но это было не самое страшное, с чем губернскому Новониколаевску приходилось разбираться в сельских районах губернии. Иногда село совсем на город не надеялось.

В феврале 1922 года съезд коммунистов и комсомольцев Горевской (Салтыков-Щедрин с Некрасовым «отдыхают»!) волости, минуя все промежуточные органы власти, включая новониколаевские, отправил «челобитную» непосредственно в Центр. Подробности того, как налагались «административные штрафы» за несвоевременную сдачу продналога, очень интересны: «Продработниками и продотрядами было избито прикладами, шомполами и плетью 150 человек, имитационных расстрелов было применено 23, загнано катанием при устройстве названной продработниками «продовольственной свадьбы» около 10 лошадей».

«Ходоки» с петицией до Центра, Впрочем, не добрались: «Задержаны новониколаевским губисполкомом под страхом ареста и губкомом РКП под исключением из партии». Москва о местных новшествах нашего города с «административными наказаниями» не узнала. Как и о многих других.

Введены были губисполкомом и жесткие административные меры в отношении жилья. 29 августа 1922 года было издано распоряжение, что «ввиду острого жилищного кри-

Сотрудники газеты «Советская Сибирь» у здания редакции, 1920-е годы

зиса, переживаемого в Новониколаевске», вся жилая площадь, имевшаяся в городе как в муниципальных, так и в частных домах, поступала в распоряжение коммунального отдела и должна была быть использована для размещения прибывающих из Омска, и переводимого в Новониколаевск Управления железных дорог Сибири.

Все граждане, занимающие площадь сверх установленной нормы в 16 кв. аршин на каждого члена семьи, подлежали «уплотнению» и обязывались в трехдневный срок заявить в коммунальной конторе об имеющихся у них излишках. При неисполнении — либо арест до 30 суток (как же без ареста!), либо штраф до 5 тысяч рублей.

Судя по всему, проблем у милиции с «административниками» было много. Для облегчения милицейского труда приняли поддержанное городом решение о том, что в том же Кургате, в частности, 25% штрафов «с пьяниц и самогонщиков» направлялись в пользу тех самых правоохранительных органов, которые с ними и должны были бороться. Удивительно, что «показатели борьбы с самогонварением» при этом резко рванули вверх — так же, как и количество обжалованных через суды, наложенных (и уже взысканных) штрафов.

Запреты (и штрафы за их нарушение) были крайне разнообразными.

В июне 1925 года в общественных местах было запрещено «курение табаку и зажигание огня, бросание окурков и всякого мусора, плевание на пол... шелушение семечек и орехов, устройство игр и борьбы и непристойное поведение, стесняющее других граждан» в фойе кинотеатров, театров и цирков.

Уже в августе того же года губисполком вдогонку сообщил, что «ввиду возникающих недоразумений с проходящими и проезжающими гражданами» запрещено «устраивать различные игры, как-то: в футбол, городки, лапту и т. п. на улицах, площадях и других не соответствующих для этого местах».

Не повезло и домашнему скоту горожан — он тоже стал объектом штрафов. Газета «Большевик» сообщала, что «в

Комплекс зданий жилищного кооператива «Кузбассуголь», построен в 1931-1933 годах в рамках социальной программы строительства жилья нового типа с обобщественным бытом

целях прекращения наблюдающихся случаев порчи зеленых насаждений в селитебной (жилой. — А.К.) части города блуждающими по улицам домашними животными» губисполком запретил «всем владельцам скота (коров, лошадей, коз, свиней, овец и т. д.) выпускать таковой на улицы и площади для пастбы». Милиция обязывалась загонять весь бродячий скот во дворы отделений милиции.

Да что там козы и овцы! Конфисковали даже детей.

Еще в ноябре 1921 года губисполком Новониколаевска обязал городскую милицию «принять самые решительные меры к недопущению торговли семечками, папиросами и др. предметами на углах, тротуарах, у входов театров, библиотек и других общественных учреждений. Объявить широко населению города, что дети, торгующие в вышеуказанных местах, будут арестовываться и отправляться в другие города Сибири в исправительные детские дома, а на их родителей налагать штраф в размере от 100 до 200 тыс. рублей» (от 1 до 2 тысяч — в очень приблизительном пересчете на сегодняшние цены).

А власть все-таки, что бы ни говорили, с каждым годом становится гуманнее.

По крайней мере, детей за «административные промахи» никто не «конфискует».

Да и попробуй их, сегодняшних, «конфисковать» — мало не покажется...

Фальшивомарочники и фальшивомонетчики

Денег, как известно, всем всегда не хватает. Впрочем, новосибирцы — новониколаевцы в этом смысле никогда не ждали «милостей от природы».

В отсутствие денег они делали их сами, практически в буквальном смысле слова — из воздуха. Приводя порой в искреннее изумление правоохранительные органы.

Почта, финансы, налоги и армия — основные «столбики», на которых держится любое государство. В 1991-92 годах ситуация сложилась уникальнейшая — исчезло само государство и поддерживать стало нечего.

То время принято стыдливо называть «переходным периодом», хотя точнее было бы назвать «бардаком».

Особенно это было заметно по работе почты. На конверты рядом приходилось клеить и марки СССР, и марки России (которых катастрофически не хватало). Марки — это, собственно, те же деньги.

Неслучайно и те, и другие выпускает единственное специализированное предприятие в стране — Гознак (до революции — Экспедиция заготовления государственных бумаг). В годы Первой мировой, во время кризиса разменной монеты, выпустили даже специальные «марки-деньги» на плотном картоне. На них была надпись — «Имеет хождение наравне с

медной (серебряной) монетой»; их можно было и на конверты клеить, и расплачиваться вместо мелочи.

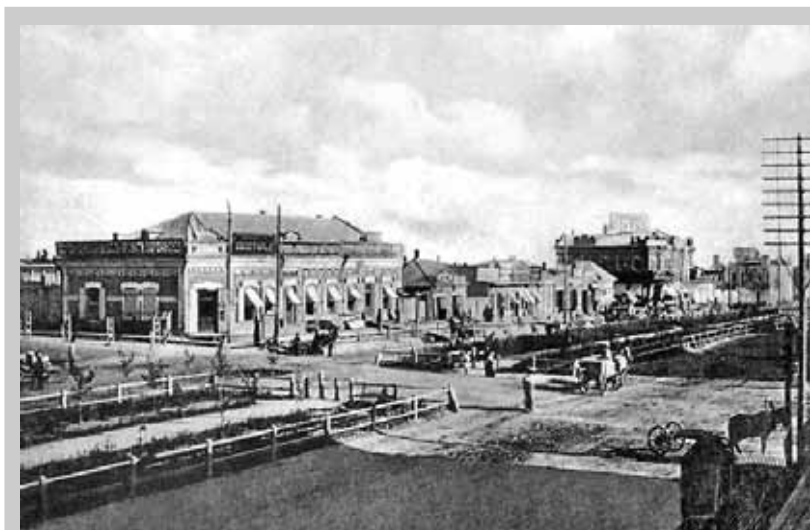
В 1992 году, в результате хаоса в стране, никто не знал, что делать. Кроме немногих предприимчивых людей, которые точно знали, что делать надо — деньги.

Почтовые отделения при катастрофической нехватке «новых», российских марок оказались буквально забиты марками «старыми», советскими, абсолютно неходовых номиналов. Особенно бесили почтовиков стандартные советские марки номиналом в 1 копейку.

Там, «наверху», просто забыли дать команду «переоценить» «копеечные» марки. Но и изымать их из продажи тоже команду никто не давал. И вот в течение февраля — марта 1992 года в Сибири на «копеечные» марки вдруг возник большой спрос. Молодые люди из Новосибирска проехали по соседним городам, скупая подчистую «копеечные» прямо в стандартных листах.

Один лист — сто марок, по номиналу вся сотня стоила 1 рубль. Следует напомнить, что тогда копейка была уже не одной сотой рубля, а сотой частью практически несуществующего «нечто». Так что почтовики были рады получить за «макулатуру» хоть что-то.

В Новосибирске по листам марок прошелся валик с типографской краской, появилась надпечатка с текстом:

Николаевский проспект, 1910-е годы

Улица Дворцовая (нынешняя ул. Революции), 1920-е годы

«Почта России. Новосибирск. 1992 год». И — новым номиналом «5 рублей». Тогда это был наиболее «ходовой» почтовый тариф. По предприятиям, организациям, конторам, которые просто вынуждены вести переписку и, соответственно, использовать марки, прошли «ходоки».

Они предлагали «новые», пятирублевые марки причем всего за 4 рубля штука. 400 рублей за лист. Марки расхватывали, как горячие пирожки. Вся операция заняла несколько дней и выплыла на «свет божий» гораздо позже и абсолютно случайно.

Один коллекционер (тоже, кстати, новосибирец) заинтересовался, почему «новосибирский пятирублевик» в каталогах напрочь отсутствует. Связался с Министерством связи, там ахнули и... Правоохранительные органы не любят рассказывать о своих неудачах. Не нашли ничего.

Удалось только (да и то — приблизительно) установить, что тираж фальшивки был не менее 400 тысяч экземпляров. Рентабельность «марочной аферы» каждый может подсчитать сам. Зато у коллекционеров появилась «первая новосибирская марка».

Второй раз город прогремел с «почтовым скандалом» на всю страну в начале 2000 года. И на этот раз тревогу забили почтовики. Почему-то вдруг резко упали объемы продаж маркированных конвертов «базового» тарифа (с буквой «А» на марке).

Однако объемы обрабатываемой корреспонденции не уменьшились. Такого парадокса просто не могло быть. Присмотрелись к почте — и обнаружили огромное количество «каких-то не таких» конвертов. Цвет краски на них был более бледный.

Первой версией стало масштабное хищение на Пермской фабрике Гозна-

ка (именно эти выходные данные стояли на «левых» конвертах). А это было уже дело особой важности! Когда в Перми увидели «свою продукцию» — схватились за голову. Дело в том, что именно этот-то конверт, посвященный «Трехсотлетию регулярной доставки почты» как раз в Перми и не печатали! Его выпускали только «гознаковские» предприятия Москвы и Питера. «Сыскари» отработали по-честному, но уперлись лбом в стену.

Оказалось, что все, собственно, было по закону. Или — почти по закону.

В Новосибирске некий гражданин обратился в фирму, обещавшую в рекламе в том числе и «услуги оперативной полиграфии». Принес на дискете уже готовый макет конверта, спросил — нельзя ли напечатать? Ну почему же нельзя, тем более, что расплатился товарищ авансом и наличными. Своей типографии у фирмы, естественно, не было, и она обратилась в одну из многочисленных частных типографий. Официально заключили договор, тем более, что тираж был нешуточным — по официальной версии 600 тысяч экземпляров.

Тираж был отпечатан в течение нескольких недель, и

«головной заказчик» забирал его частями, по мере готовности. Так что когда в типографию нагрянули люди в погонах, изъять они успели только остаток — 180 тысяч конвертов.

А к типографии — какие претензии? У нее лицензия и вполне официальный договор с вполне легальной фирмой. И у тех — лицензия и заказ от вполне конкретного человека. А к выходным данным на конверте (Пермь там или, скажем, Кызыл-Орда) ни один закон ни фирму, ни типографию не заставляет присматриваться. И у газетных киосков и лотков, через которые конверты и продавались, и с лицензиями, и с договором было все нормально, по закону. Частное лицо сдало товар на реализацию.

Ох, не 600 тысяч был тираж — наверняка намного больше. После начала скандала «ориентировка» ушла «по инстанциям». И от Екатеринбурга до Владивостока милиция начала присматриваться к конвертам на лотках и изымать их. Где 8, где 10, а где и 22 тысячи. А сколько было уже продано?

Товар-то ходовой и дешевле, чем на почте. Я, для коллекции, прикупил несколько экземпляров «фальшивочки» аж в 2002 году в обычном газетном ларьке.

Беда была в том, что этого «частного лица», заказавшего фальшивку и распахивавшего ее по продавцам, в природе не существовало. Данные паспорта оказались фальшивыми. А так — все было почти по закону, и кроме изъятия нелегальной продукции милиция, собственно, никаких санкций применить не могла.

Да что там — марки, конверты! Бумага по большому счету — не более того. В 1909 году новониколаевские газеты сообщили о чрезвычайном происшествии. В городе полиция «накрыла» подпольный монетный двор, чеканивший «серебряные» монеты в 1 рубль, 20 и 25 копеек.

Располагалось «предприятие» в доме домовладельца Шкумат на Михайловской улице (недалеко от Дома-музея Сергея Кирова на нынешней ул. Ленина).

«Наглость лиц, сбывающих монеты, дошла до того, что они стали появляться на почте и в казначействе».

Газеты сообщали сенсационные подробности полицейской операции: «Найдены 4 гипсовые формы для литья монет, материалы для изготовления форм, сплавы металлов, стальной шрифт для насечки монет, наковальни и другие приспособления. При обыске задержаны домовладелец Шкумат, крестьяне Алексей и Федор Володины — братья».

«Затем произведен был обыск в квартире часового мастера Протопопова в том же доме. Найдено: материал для изготовления форм, сплав металлов, рецепты сплавов, гальванопластический аппарат для серебрения... Как выяснилось, фабрика имеет своих агентов по сбыту монет в окрестностях Новониколаевска, в Томске и поселке Тайга».

Так что с размахом работали люди, вот уж действительно — не размениваясь на мелочи.

И все-таки талантливые у нас в городе люди!

Во всем — включая мошенничество. Чтобы превратить 1 копейку в 4 рубля, а «медяшку» — в серебряные монеты, надо было очень постараться.

Простой городской быт: кокаин, конопля, «Бутербродное»...

У каждого времени есть свои характерные приметы. Однако, кроме них, есть еще и абсолютно привычные мелочи, на которые никто не обращает внимания.

И только сегодня, спустя десятилетия, эти «мелочи» городского быта Новониколаевска — Новосибирска заставляют вздрагивать.

...Между зубными врачами в Новониколаевске столет назад шла жестокая конкуренция. «Война стоматологов» велась буквально за каждого потребителя.

Кто-то увеличивал количество часов приема, кто-то обещал искусственные зубы из золота...

Конкуренция выплескивалась на газетные страницы рекламными объявлениями.

Здание первой поликлиники в Новосибирске, построенное в 1928 году. Фото начала 1930-х годов

В 1933 году здание поликлиники было надстроено на один этаж. В настоящее время в нем находится муниципальная поликлиника №1

И в какой-то момент лидером по предлагаемым услугам и по удобству приема стала «Лечебница зубов и полости рта» врачей Лукьяновой и Каменецкого в частном доме Чернаковой на Асинкритовской улице (сейчас — ул. Чаплыгина, дом не сохранился).

Врачи работали в две смены и прием вели даже в ночное время.

В рекламных объявлениях сразу указывалась такса: «Совет — 50 коп., пломбы в 1, 2 и 3 руб., искусственные зубы — 2 руб.».

И — изюминка, отличавшая лечебницу от остальных коллег-конкурентов: «Удаление зуба — 50 коп., под кокаином — 1 руб.».

Да-да, именно «под кокаином». Это сегодня кокаин воспринимается только как наркотик. А тогда это было остроумное американское лекарство с широким спектром действия. Собственно, при введении кокаина больной впадал в эйфорическое состояние, в котором никакой боли не существовало.

Кстати, забавно соотношение оплат по таксе: вместо одного вырванного в состоянии эйфории зуба на ту же сумму можно было получить два совета. Вероятно — оба на тему, что к здоровью зубов нужно относиться внимательно. И лечить своевременно — чтобы, скажем, избежать эйфории в обмен на зуб.

Встречались в новониколаевских газетных рекламках и другие странные на сегодняшний взгляд вещи. Вместе с подсолнечным потребителю предлагалось и конопляное масло. Из той самой конопли, больше сегодня известной «в узких кругах» как анаша, марихуана или просто — «травка». Один из самых (увы!) распространенных сегодня наркотиков. Вообще конопля — сорняк, и поэтому растет всегда и везде.

Очень красочно и ее приготовление, и действие описаны в детской книге писателя Александра Волкова «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» (из цикла «Волшебник Изумрудного города»).

Бедняга Урфин Джюс сначала всячески пытался уничтожить странный сорняк, занесенный ветром к его дому. Потом, случайно, нашел ему новое применение — оживлять с его помощью деревянных солдат-дуболомов.

Мозгов им это, правда, не прибавляло, зато боли они не чувствовали абсолютно и временами совершали странные поступки (вроде попыток поиграть деревянными пальцами с огнем или перейти ров «по воде аки посуху»).

Кстати, Волков — сибиряк, родом из Усть-Каменогорска, закончил в 1910 году Томский педагогический инсти-

тут. Если бы Новониколаевск добился в начале 1900-х открытия пединститута в нашем городе, Волков вполне мог бы учиться у нас, а заодно и понаблюдать за «волшебным сорняком».

Конопля росла и в Новониколаевске, и в Новосибирске. Однако здесь ей нашлось еще одно применение.

«Я во время войны жила в Новосибирске, где в каждом дворе росла конопля», — вспоминает живущая сегодня в Петропавловске (Камчатка) пенсионерка Ольга Батмаева («Совершенно секретно», № 10, 2007 год).

«Мы из нее делали конопляное масло, на котором жарили пищу. А отходы этого процесса, так называемый жмых, ели. Это помогло нам выжить, а наркоманом никто не стал».

Ей вторит городской старожил Раиса Бриллиантова, вспоминая, что в годы войны приходилось «есть жмых — выжимки семян из масличных культур» («Мой Новосибирск», Н., издательство «Детская литература», 1999 год).

Однако шла конопля не только в «кустарное производство», но и в фабричное.

Более подробно о конопле и конопляном масле вспоминает городской старожил Алексей Тростонецкий («Мой Новосибирск...»), отец которого в 1930-е годы заведовал производством на маслозаводе на ул. Фабричной: «Маслозавод производил четыре вида масла: из рыжика, сурепки, льняного семени и конопля. Первые два шли на технические нужды — на производство красок и олифы, вторые — в пищу.

Сырье для завода привозили крестьяне из деревень, расположенных в радиусе 100 километров от города. Едва мороз скует реки и озера, едва установится санный путь, как по первому зимнику начинают прибывать в город многочисленные обозы из деревень и поселков...

Закутанные в огромные тулупы возчики неуклюже выходят из саней, разминают занемевшие ноги и начина-

Фабрика-кухня на улице Челюскинцев в 1930-е годы (позже перестроена в столовую «с колоннами»)

ют грузить на весы мешки с сырьем. Ловкий весовщик быстро взвешивает груз и тут же ведет расчет по желанию — кому деньги, кому масло, кому жмых. Быстро, никаких накладных и бумажек!»

А вот как вспоминает Тростонецкий «рабочий обед»: «Помню, с каким удовольствием мы, ребяташки, проникали в вечернее время в цех, где обедали рабочие. Что за восхитительная еда была у них! В разогретое на противне свежееотжатое конопляное масло они окунали куски хлеба и запивали горячим чаем — вкуснота! Конопляное масло вообще очень вкусная вещь — ярко-зеленого цвета, с едва уловимой горчинкой — чудеснейшая приправа к салатам. Как жаль, что сегодня его не производят!»

Изданный «в эйфории вседозволенности» в начале 1990-х годов русский перевод «Поваренной книги анархиста» американца Уильяма Пауэлла в разделе «Приготовление пищи с марихуаной (коноплей. — А. К.)» содержит два десятка «кулинарных рецептов». В том числе — шоколадных пирожных и бананового хлеба.

Простейший новосибирский рецепт там отсутствует. Конопляный жмых шел в Новосибирске (до войны) и

на корм скоту. Не оттуда ли родилась поговорка про «молочко от бешеной коровки»?

Сегодня, конечно, это воспринимается как кошмарный сон сотрудника Госнаркоконтроля — конопля, колосящаяся на газонах в центре города, и супермаркеты с объявлениями об очередной рекламной акции — конопляное масло со скидкой.

Кстати, не стоит удивляться, что новониколаевские стоматологи тратились на дорогой модный американский кокаин и никак не использовали дармовую коноплю для обезболивания. Эффект просто у двух наркотиков разный. После конопли часто человека «пробивает» на беспричинный хохот. На боль пациент, конечно, и внимания не обратит, а врачу — проблемы. Попробуйте поймать щипцами зуб во рту у хохочущего до слез человека!...

...Но есть и в новейшей истории Новосибирска продукт, который вспоминают с дрожью. Масло «Бутербродное», которое в начале 1980-х годов зачастую продавалось по талонам вместо «Крестьянского».

В разъяснительной статье в местной газете (публиковали не по собственной инициативе, так что газета — ни при чем) рассказывалось, что, в отличие от того же «Крестьянского», «Бутербродное» не наносит вреда организму в виде холестерина, поскольку содержит большое количество балластных веществ. Это был потрясающий продукт! Он крошился при попытке его резать; распадался при нагревании на воду и непонятную субстанцию.

Ходили упорные слухи, что какой-то изобретатель получил Госпремию за разработку «Бутербродного» — придумал, как «вбить» в сливочное масло 15% воды.

Холестерин, конечно, плохо, но выбора-то не было! Покупатель с удовольствием взял бы холестериновое «Крестьянское», но в наличии — только «Бутербродное». Не хочешь — не бери, но неотоваренный талон пропадет, не получишь вообще ничего. Так что город оздоравлился принудительно, по талонам.

От той поры осталась горькая шутка команды КВН Новосибирского университета: «Бутербродное» — это масло для хлеба с маслом!»

Впрочем, еще неизвестно, что хуже — добровольно кокаин «от зуба» или принудительное оздоровление посредством «Бутербродного».

«Черные кошки» Новониколаевска

Банда «Черная кошка», орудовавшая в Москве в первые послевоенные годы, сегодня известна всем благодаря культовому фильму «Место встречи изменить нельзя». Действовавшая в Новониколаевске в 1917-18 годах банда Ожигина и Лесового экранной известности не получила.

Хотя по жестокости, изощренности и выдумке новониколаевские бандиты ни в чем не уступали будущей «Черной кошке».

Проспект им. Сталина, 1938 год

Новониколаевским бандитам было проще «работать», чем их последователям — ни Жегловых, ни даже Шараповых в городе с марта 1917 года не было.

После февральской революции под «горячую руку» вместе с жандармерией разогнали и полицию. Ново-Николаевское сыскное отделение с 1915 г. гордилось своими служебными собаками. Четыре доберман-пинчера, выдрессированные в опытном Петроградском питомнике Российского «Общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службам» (единственном на всю империю) — таких не было даже в губернском Томске.

Ликвидация полиции ударила и по ним. Настал позор: элитных сыскных собак два месяца пытались продать с торгов, через газетные объявления. Никто не брал — «сыскных» в городе откровенно боялись. В конце концов доберманов просто пристрелили. «Сыскари» — ни собаки, ни люди — оказались не нужны.

Наступило раздолье для бандитов.

Одной из первых шаек, появившихся в городе в это время, стала шайка Ожигина и Лесового.

Вор-рецидивист Ожигин, вместе со своим подельником Лесовым, ожидал в городской тюрьме окончания следствия и суда по делу о вооруженном грабеже. «Февральская революционная» амнистия освободила обоих — тем более что ни довести расследование до конца, ни суд провести оказалось просто некому.

Получив свободу и сразу прочувствовав полную безнаказанность в «смутное время», Ожигин создал, пожалуй, первую ОПГ в городе — «организованную преступную группу», в сегодняшних терминах.

В нее подбирались из уголовной среды люди инициативные, по-своему смелые и, главное, — жестокие и безоговорочно подчинявшиеся главарю.

Когда властей в городе одновременно несколько — власти нет. И Ожигин организовал практически беспроигрышную схему «легального грабежа» под видом обысков. Сибирский писатель Борис Попов (современник событий) в своей повести «Кир из «Порт-Артура» («Порт-Артуром» неофициально называли кварталы самозастройки на берегу Оби, в районе моста и станции) коротко, но емко описал свои детские впечатления от разговоров взрослых того времени: «Среди ребят прошел таинственный слух: где-то в одном из глубоких подвалов сгоревшего купеческого дома живут разбойники. По

ночам они, подделываясь то под милицию, то под красногвардейцев, стучат в закрытые на тройные запоры двери самых богатых домов, пугают немедленной национализацией, делают обыски и без всяких актов и протоколов уносят то, что им понравится, к себе в подвал».

Куда там «киношному» Фоксу с его фальшивым орденом! Сегодня Ожигин проводил «обыск» от Красной гвардии, завтра — от милиции, с изъятием вещей и ценностей, и всегда аккуратно выписывал повестки со своим автографом. Явитесь, дескать, завтра для дальнейших разбирательств. Граждане послушно приходили и только тогда и узнавали, что был не обыск, а грабеж.

Но и крови Ожигин не боялся, лично участвуя «в деле» и с легкостью жертвуя очередным «адъютантом».

Посещение им Федоровских бань долго обсуждалось горожанами.

Вот что писали газеты: «Около 11 часов вечера в баню Федорова явились два субъекта и подали прислуге 500 рублей, чтобы из этих денег заплатить за номер. Когда она вернулась к ним с разменными деньгами, то неизвестные заявили, что 10 р. не хватает. Для выяснения они направились к хозяйке, которая, согласившись с ними в возможности ошибки, и предложила получить недостающую сумму. Но стоило ей протянуть руку к кассе, как она услышала «Руки вверх! Давай все деньги!» И увидела в руках одного субъекта револьвер. Испуганная хозяйка стала умолять злоумышленников, чтобы они не убивали ее, а взяли лучше деньги. Субъекты забрали 475 р. и, наставив револьвер на нее, стали спускаться по лестнице. Услышав крики у кассы, две прислуги нижнего этажа направились наверх. Преступники, недолго думая, нанесли одной из них по голове 3 раны, второй — одну, и скрылись. Третья прислуга выпрыгнула из окна со второго этажа и переломала себе руку и ногу.

Хозяйка снеслась с милицией, которая тотчас же явилась на место происшествия.

Когда милиционеры шли по Воронцовской ул. за Каменку, то на спуске встретили двух бегущих субъектов, которым милиция скомандовала: «Руки вверх!» и направились к ним. В то самое время, когда милиционеры произвели у субъектов обыск в кармане, последние произвели сверху в головы милиционеров несколько револьверных выстрелов. Милиционеры, обливаясь кровью, упали, а преступники бежали.

Ширина Николаевского проспекта составляла около 8 саженьей, это примерно в два раза больше, чем улюбой другой улицы города

Находившийся недалеко от милиционеров начальник Центрального участка бросился бежать в свой участок, чтобы сообщить в Закаменку о случившемся и задержать преступников.

Преступники на Московской ул. наткнулись на облаву Закаменского участка, ранив одного милиционера в ноги, пытались скрыться. Но им этого сделать не удалось. Одного из них милиция все же задержала, того, который направлял револьвер в хозяйку бани Федорова. Преступник теперь находится в тюрьме, а один из раненых милиционеров умер».

Ожигин ушел — как уходил после этого еще не раз. «Бешеной собаке сто верст — не крюк», — и Ожигин с легкостью в случае опасности уводил свою «ОПГ» из города «на гастроли». Барнаул, Томск, Омск познакомились с его «красногвардейцами» и «милиционерами». Везде была та же неразбериха, что в родном Новониколаевске,

и «работать» было просто.

Тем более, что бороться с бандитами было некому и даже нечем. Начальник гормилиции Новониколаевска в сентябре 1918 г. докладывал Городскому народному собранию: «Счастье наше, если удастся у какого-нибудь преступника забрать оружие. Мы сейчас начинаем пользоваться этими «вещественными доказательствами». Милиция, дескать, вооружена в лучшем случае негодными и старыми револьверами.

И рассказал потрясающую историю о том, как вызванный по тревоге милиционер шесть раз из старого револьвера стрелял в бешеную собаку, которая в итоге «покинула опасное для нее место». А вот у бандитов с оружием проблем не было. Банк в Каинске (сегодня — Куйбышев) Ожигин взял без «маскарада» — со стрельбой и кровью.

Из города надо было уходить навсегда, и «под занавес» Ожигин придумал большой общегородской «шмон»

Бульвар посреди Николаевского проспекта заложили еще в 1908 году

— одновременное, в течение нескольких часов, ограбление оставшихся в городе зажиточных купцов и банков. После чего банда намеревалась уйти в Маньчжурию.

Оставшиеся «сыскари» получили информацию вовремя, но ни сил, ни средств для проведения оперативных мероприятий не существовало. Обратились к единственной в то время власти — военной. В результате «войсковой операции» (как это называется сейчас) Ожигин был тяжело ранен, Лесовой убит наповал.

Но кто же стал бы выражать благодарность «сыскным»? Их и тогда, как и сейчас, никто в городе не любил.

Газеты писали: «Шайка обнаружена не милиционерами и не сыскным отделением, а чинами управления коменданта города». Публиковалось благодар-

ственное письмо «семей, спасенных от злодейских рук»: «За эту энергичную помощь, благодаря которой были спасены целые семьи города, от имени этих последних приносятся искренняя благодарность поручику Степанищеву, прапорщику Румянцеву и прапорщику Недбай, Бердскому летучему отряду и конной милиции, причем в распоряжение комендантского управления передается пожертвование в сумме трех тысяч рублей».

О двух умерших от ран милиционерах никто и не вспомнил. Тяжелораненый Ожигин был подлечен в тюремной больнице, дождался в декабре 1918 года колчаковского переворота — и, практически здоровый, был расстрелян по указу Верховного правителя о беспощадной борьбе с бандитизмом.

Однако бандиты не только отомстили за главаря, но и доставили немалую головную боль и «сибирцам», и колчаковцам.

После ареста тяжело раненого Ожигина и убийства при задержании второго бандитского руководителя — Лесового, шайка оказалась обезглавленной, но не уничтоженной. Бандиты решили разделиться на несколько самостоятельных групп и «работать» автономно. Но «под занавес» помочь бывшему главарю и отомстить за него.

Операцию разработал и провел Пименов, отвечавший в банде за «разведку и контрразведку» (он умудрялся получать информацию даже о планах сыскного отделения). 15 ноября 1918 года в полседьмого вечера на квартиру ювелира Завольского явились трое, вооруженные револьверами. Центр города — Асинкритовская (ныне Чаплыгина), 65. Дом сохранился до сих пор как памятник истории — в нем когда-то была явка Обской группы РСДРП. Все происходи-

Бульвар тянулся вдоль проспекта не прерываясь от путепровода Алтайской железной дороги до современной ул. Гоголя

Эскизный проект застройки проспекта им. Сталина (вид с ул. Державина на юг), 1930-х годы

ло в двух шагах от управления милиции и сыскного, в двух кварталах от тюрьмы, где содержался раненый Ожигин, в нескольких сотнях метров от городской управы (нынешний Краеведческий музей). Пименов приказал выложить на стол драгоценности, однако «цацки» ювелира были только побочной целью дерзкого налета. Гораздо больше «визитеров» интересовал второй квартирант — товарищ (заместитель) прокурора Пересветов.

Прислуга, сообразив, что происходит нечто совсем уж неладное, умудрилась втихаря позвонить по телефону в милицию. Буквально через минуты (идти-то было недалеко, сыскное располагалось там же, на Асинкритовской) явился дежурный наряд «сыскарей» во главе с помощником начальника отделения Александром Ситниковым.

Вбежав в квартиру, Ситников увидел, как неизвестный (это был Пименов) целится из револьвера в товарища прокурора Пересветова. Пересветов закричал: «Вот помощник начальника сыскного!» Пименов обернулся, переложил револьвер из правой в левую руку, а правую протянул для рукопожатия со словами: «Здравствуйте, Ситников!»

«Сыскарь» обалдел. Он был назначен на должность всего несколько дней назад, и даже не все сотрудники отделения успели узнать его в лицо и по фамилии. «Разведка» Пименова работала по высшему классу.

Ошарашенный «сыскарь» все же выбил револьвер из руки бандита, нагнулся, чтобы его поднять, но Пименов оказался проворнее. Он подхватил выбитое оружие, выхватил второй револьвер и с двух рук начал стрелять в Пересветова и Ситникова. Первая же пуля попала Пересветову в голову (он умер через несколько часов в больнице); Ситникова никто не собирался убивать — его деморализовали выстрелами, сбили с ног и, убедившись, что «дело сделано», троица удалилась. Два подельника Пименова схватили извозчика и помчались в сторону Тобизеновской ул. (ныне Гурького), отстреливаясь на ходу. Увидев первые же стоящие сани, бандиты бросили извозчика, выкинули кучера из саней и спокойно ушли на свежей лошади от пешей погони в сторону вокзала. Унося с собой и «побочный приз» — драгоценности ювелира Завольского.

Пименов, в одиночку, побежал в сторону Александровской ул. (ныне — Серебrenниковская). О последую-

Новониколаевск не был исключением — преступность в «смутное время» расцвела по всей стране

щем газеты писали даже с неким уважением: «...Захватил на этой улице стоявшую у кафе лошадь одного офицера, проявил чрезвычайную дерзость, бросившись на ней не в направлении, противоположном от преследовавшего его наряда милиции, а прямо на последний, стреляя из своего револьвера. После перестрелки ему удалось скрыться».

Павшую лошадь нашли — с четырьмя пулевыми ранениями, седло было залито кровью. Из чего заключили, что бандит тоже ранен (Пименов получил две пули — в левое плечо и левую ногу).

Ни у кого не было сомнений, что это не просто «ограбление ювелира», а именно теракт против прокурора. Наглость, дерзость, единственная жертва налета (Пересветов), выброшенная за ненадобностью в доме бандитами боевая граната (она оказалась ненужной). Расчет был очень простым — в отсутствие прокурора уголовные дела не рассматривались, и сидевший в тюрьме Ожигин получал дополнительный временной «люфт». Да и новый прокурор держал бы в уме судьбу предыдущего. Пименов все рассчитал верно — слушание уголовных дел было отменено на неопределенный срок, нового прокурора Томск не присылал...

Только Пименов не мог знать, что через трое суток после этого показательно-дерзкого налета 18 ноября 1918 года адмирал Александр Колчак будет провозглашен Верховным правителем, поведет жесткую борьбу и с политическим, и с уголовным бандитизмом — и подлечившийся в тюрьме Ожигин будет расстрелян в декабре как бандит, безо всякого суда. Но «братки» для своего главаря сделали, действительно, все, что могли.

После чего прошедшие «школу Ожигина» бандиты рассеялись по Сибири — появились банды Янковского, Пименова, Орлова. Но это были уже другие «черные кошки» — каждая со своей историей.

После расстрела Ожигина Пименов со своими людьми ушел из города. На какое-то время обосновался в Барнауле, где его шайка буквально поставила город «на уши» дерзкими грабежами. Грабили, в основном, «бывших» — зажиточных граждан «из прошлого». И, по своей привычке, Пименов опять знал все — планы операций угрозыска попадали к нему чуть ли не раньше, чем к руководству «уголовки». После получения очередной информации о том, что его банду готовы разгромить, Пименов провел очередную дерзкую операцию.

Аккуратно «слив» информацию угрозыску о том, где сегодня должен находиться костяк шайки, бандиты организовали свою засаду. И, когда появилась опергруппа угрозыска, их просто расстреляли в упор. Погибли начальник губрозыска Степанов, агент Сергеев, агент Бородин был тяжело ранен.

Из Барнаула Пименов ушел и в тот раз. Объявился снова в 1921 году — его банда орудовала на территории Каменского и Колыванского уездов. Грабили, в ос-

новном, кооперативы. Пименов не учел одного — «красные сыскари» очень не любили, когда убивали их товарищей.

Банду рассеяли, а самого Пименова обложили, как волка, на заимке под Каргатом. Сдаться отказался и был убит.

«Ожигинцами» была и банда Набокова (неоднократно судимого за грабежи и разбой, получившего в царское время каторгу). Это была, как бы сейчас сказали, «пехота ОПГ». Разбой в квартирах, кражи на улицах — они не брезговали ничем и не очень-то скрывались. Похоже, от большого ума.

Финалом банды в 1922 г. стал вообще дикий случай. Заявившись на квартиру бывшей купчихи и просто расстреляв ее, Набоков лично вышел на улицу и стал нанимать извозчиков — двух обычных, трех ломовых (грузовых). И командовал выносом и погрузкой вещей — из залитой кровью квартиры. Извозчики через соседей оповестили милицию.

Угрозыск прибыл, и завязался настоящий бой. Револьверы были и у тех, и у этих. Купчихе, конечно, это было уже безразлично. Но Набокова и двух его подельников застрелили на месте. «Ожигинская» «пехота» была вышиблена.

Оставалось последнее «наследство Ожигина» — шайка Орлова. Он остался в городе и сделал своей специализацией грабежи. Грабежи наглые и изобретательные. Врывались в дом, хозяев заталкивали в подпол, заваливали люк чем-то тяжелым и выносили и вывозили все, что душе заблагорассудится.

В ноябре 1922 года «орловцы» установили рекорд — тридцать грабежей за месяц.

В Новониколаевске вещи было сбыть просто невозможно, и «орловцы» организовали «литерный» в Барнаул — наняли кучеров с санями, погрузили вещи. Груз взяла одна бригада «уголовки», к Орлову пришла вторая.

Началась стрельба — для трех бандитов (в том числе и содержательницы воровской квартиры) этот день оказался последним. Орлов был задержан несколько позднее и расстрелян по приговору ревтрибунала.

Остатки «первой ОПГ города» были ликвидированы в начале 1920-х.

«А медведи — где?!»

Мошенники в городе были всегда. По той вечной причине, что всегда найдутся желающие по русской поговорке «купить на грош пятаков».

И как сегодня, так и сто лет назад, находились охотники такие «услуги» предоставить. Впрочем, случались и ошибки — так, однажды за мошенников приняли новониколаевских актеров. И чуть не пбили.

Попевки на извечную тему «Сами-то мы не местные...» Новониколаевск услышал очень давно. Но были и нюансы — в соответствии, так сказать, «историческому моменту». После попытки революции 1905 года в городе появились оборванцы, ходившие по домам и просящие подаяние, упирая на то, что они, дескать, «жертвы коммуны».

При этом оставалось полной загадкой — «жертвами» какой «коммуны» были эти оборванцы? В городе, собственно, революция отметилась только очень немногочисленными митингами, еще более редкими забастовками и единичными листовками.

После поражения России в русско-японской войне появились новые персонажи — «сахалинцы». То есть, псевдобеженцы, якобы изгнанные злобными японцами с Южного Сахалина. «Сахалинцев» было много и, судя по всему, «профессия» эта была прибыльной. Новониколаевская газета «Народная летопись» в июле 1906 г. писала о почти рядовом подобном случае.

В один из домов в закамской части города явился очередной «нуждающийся сахалинец». «Когда ему вынесли хлеба, то он с презрением отвернулся и заявил, что хлеб на двор выносят только собакам, а не таким господам, как он. «Вы знаете, кто я?!» — говорил он, — «Я сын поручика! А вы кто? Вы с... сыны... вас бить надо!»

Далее посыпалась отборная брань, конца которой,

по-видимому, скоро бы не дожидаться, если бы в это время на дворе не появился хозяин дома, увидя которого «нуждающийся» поспешил на улицу, где его, как оказалось, ждал атлетического сложения мужчина — видимо, его телохранитель. Такой случай в закамской части не единичный».

Понятно, что для содержания собственной «крыши» одного простого хлебушка было явно недостаточно.

Сегодня вовсю воруют «мобильники». В их отсутствие воровали просто плату за телефон и электричество.

Так, в октябре-ноябре 1918 года новониколаевская городская Управа в неоднократных объявлениях практически слезно умоляла граждан платить за телефон и электричество только и непосредственно в Управу. Не обращая внимания на тех личностей, которые ходят по домам и призывают внести плату непосредственно им. Но воровали не только плату за телефон, а и самые стационарные телефоны. Причем — пользуясь своим служебным положением.

Контролер-механик телеграфа Сибирской железной дороги Берлинов провел в собственный частный дом собственный частный телефон. Не платя за него ни копейки ни дороге, ни городу. Урезонивать механика пришлось публично, через прессу. Телефон срезали с помощью полиции, правда — с компенсацией за сам аппарат. Механик, как оказалось, купил его вместе с проводами в Томске.

Как и сегодня, крали документы. Причем, в отличие от сегодняшних краж — так сказать, с выдумкой.

Недалеко от вокзала, в оживленной части города, на ул. Михайловской (сегодня — ул. Ленина) неплохо поживился «господин, пожелавший остаться неизвестным». Под предлогом потери денег он устроил обыск находившихся поблизости прохожих.

В результате чего крестьянину Тобольской губернии Арефию Гребенщикову пришлось обращаться в полицию с заявлением об утрате в результате этого обыска паспорта. Поскольку паспорта были без фотографий, их использование на, так сказать, «вторичном рынке» сто лет назад было гораздо менее проблематичным, чем сегодня. Заявление у Гребенщикова приняли, паспорт и госполина его изъывшего — не нашли.

Были мошенничества и с «политическим» оттенком. «Либеральная» по тогдашним меркам местная газета

Здание станции «Новониколаевск. Алтайская» было построено в 1913 году и стало первым каменным пассажирским вокзалом города

Станция Новосибирск-Южный (бывшая Алтайская)

«Народная летопись» жаловалась на своих страницах в январе 1909 года, что в местном киоске «патриотической» литературы соответствующие издания вкладываются в ее номера. Скажем прямо, жалоба была больше похожа на саморекламу. Ни сама «Летопись», ни «патриотические» издания бесплатными не были — их надо было покупать.

Поэтому такое «бесплатное» вкладывание собствен-

ных изданий в платную газету очень сомнительно. Как и сам факт появления «либеральной» газеты в продаже у газетчиков-«патриотов».

Но, в основном, мошенничество, как и сегодня, было чисто бытовым. На городском рынке, располагавшемся в районе сегодняшнего Оперного театра, некто в солдатской шинели предлагал всем расфасованный чай, судя по упаковке — китайского производства. По дешевке.

Примерно так же, как сегодня бойкие улыбчивые мальчики с пакетами пытаются останавливать практически на том же месте, в центре города прохожих с радостным известием: «Здравствуйте! А у нас сегодня распродажа!»

Сто лет назад у безвестного солдата дела шли гораздо бойчей, чем у нынешних «распродажников». Действовал он хитрее. Одна фунтовая (около 410 г) упаковка чая у него была раскрыта, и он давал ее нюхать и пробовать содержимое «на вкус» всем желающим. Чай, действительно, был высокосортным — почти 7 килограммов разошлось в какие-то пять минут просто по «копеечной» цене.

О дальнейших впечатлениях от приобретенного этих любителей купить «на грош пятаков» ехидно писали местные газеты. «Купившие «чай» крайне удивились, когда принесли домой и раскупорили.

В пачках оказалась какая-то смесь сухих черных листов и коры с запахом

сапог и банного веника... Полагаем, что это спитой и высушенный чай». Спустя сто лет можно предположить, что это была первая (пусть и неформальная) попытка перевода армии на хозрасчет. Солдатик, судя по всему, служил при кухне. Это сколько же надо было терпения, чтобы высушивать спитой чай да еще и аккуратно собирать от него этикетки!

Впрочем, иногда обвинения в мошенничестве были

абсолютно необоснованными и чуть не приводили к трагедиям.

В конце декабря 1908 года труппа новониколаевских любителей сценического искусства показывала на станции Коченево пьесу г-на Байкова «Два медведя в одной берлоге не уживутся». Можно, конечно, говорить о чисто просветительской цели поездки городских актеров «вглубь народа», но вход был платный — от 15 коп. серебром и выше. Трудно сравнивать, но по самым осторожным и минимальным прикидкам сегодня это «от 70 руб. и выше».

Спектакль прошел «на ура!» Зал был переполнен, актеров провожали действительно бурными аплодисментами. Однако до отхода поезда оставалось всего полчаса, и труппа заторопилась. Разбирались немудреные декорации, паковались и выносились на перрон. Только зрители вот почему-то не расходились.

И когда на тот же перрон высыпали разгоряченные теплым приемом актеры в ожидании поезда, следом за ними вышли не менее разгоряченные зрители.

«Вы куда это собрались?» «Домой, в город, спектакль-то ведь окончен!» «Как это — окончен?! А медведи — где?!» «Какие медведи?» «А вот у вас на афишке прописано — «Два медведя», и ни одного не показали». «Так это же, понимаете, аллегория...» «Это мы понимаем! Мы все понимаем! Обьегорили! Деньги взяли, а медведей нет! Мошенство! Ребята, бей их!»

Актерам удалось отбиться и попасть на вовремя подошедший поезд только, как сообщали газеты, «силами местной интеллигенции». Ох, не завидую я той почти сто лет назад оставшейся на коченевском перроне «местной интеллигенции»!

Какой там «красный террор» — до него еще жить и жить было. Но вот за отсутствующих медведей, похоже, пришлось ответить «по полной программе». Без аллюзий и аллегорий.

Тогда еще никто не мог представить, что в городе одновременно сможет гастролировать парочка каких-нибудь ласковых маев и пара-тройка маш распутиных.

При том, что сами они об этом — ни сном, ни духом. Так что вопрос остался. Медведи — где?!

Высокий градус общественной активности

В борьбе «хорошего с лучшим», как известно, обычно побеждает «хоршее». Борьба за новониколаевского потребителя производителя крепких напитков и пива только подтверждает это.

Крепкие напитки вошли в историю нашего города чуть ли не как мотивы революционных выступлений, а легкое законопослушное пиво первым падало под ударами закона.

Собственно, где цивилизация — там и выпивка, причем не всегда цивилизованная.

Издатель и общественный деятель нашего города Николай Литвинов в выпущенном им в 1912 г. «Справочнике по городу Ново-Николаевску» писал о самых первых месяцах закладки моста и рождения города, что первыми же появились «необходимые спутники пришлого населения — пьянство и картежная игра».

Что, собственно, логично — до той поры белки и ежи в сосновом бору в пойме Каменки были завязаными трезвенниками, а в селе Кривошеково все, что нужно, гнали только для домашнего употребления.

С ростом города ситуация изменилась, и потребность на крепкие напитки увеличилась пропорционально росту населения. Где спрос — там и предложение. Целая улица варила и продавала дешевый картофельный самогон — и на вынос, и для немедленного употребления.

Неформально улицу называли в том числе и «Пьяной», сейчас, официально, — Большевицкой. В потребителях недостатка не было — город рос. Так что бизнес был беспрогрышным и сверхприбыльным.

Первый староста будущего года Илья Титлянов был человек простоватый в своей хитрости. Одним из главных его прожектов стало создание общественных питей-

ных заведений. Цель, естественно, была благая — средства от продажи выпивки официально предполагалось потратить на содержание пожарной команды, на устройство школ и больниц, а также постройку здания для общественной канцелярии и проведения сходов. Был подсчитан даже возможный доход — в 50 тысяч рублей.

«Общественная» инициатива по использованию выпивки в чисто благих целях (а как иначе?) споткнулась на том, что монополия официальной торговли спиртным была уже предоставлена винозаводчику Алюнину. Вот ведь как интересно — ни города еще не было, ни поселок статуса никакого не имел, а монополия на спиртное уже была.

Заводчик, понятное дело, конкурентов терпеть не со-

бирался и подал жалобу томскому губернатору. Поняв, что дело плохо и попытавшись «реабилитироваться» в том числе и в глазах монополиста, Титлянов успел организовать показательное закрытие нескольких подпольных притонов на «Пьяной» улице, но было поздно — от должности старосты его отстранили.

В советское время было принято достаточно оригинально описывать влияние крепких винных паров на общественную активность новониколаевцев. Вот, скажем, книга «Так начинался Новосибирск» (1983 г.): «На почве торгово-капиталистической эксплуатации, тяжелых жилищных условий и отсутствия элементарного благоустройства усилилось недовольство городской бедноты. Еще в мае 1896 г., в дни празднования коронации Николая II, в поселке вспыхнул бунт, участники которого разгромили палатки и погреба торговцев. Эта своеобразная местная «ходынка» закончилась расправой над участниками выступления, в результате которой было убито 2 и ранено 8 человек».

На деле же пьяный дебош начался отнюдь не на «почве торгово-капиталистической эксплуатации», а после посещения в честь праздников рабочими притонов на «Пьяной» улице.

Деньги кончились, а добавить, естественно, хотелось. Пьяная компания явилась на площадь, где проходили торжества в честь коронации.

Вот как описывал Литвинов дальнейшее по горячим следам в своем «Справочнике 1913 г.»: «Среди толпы в третий день празднеств разразился бунт. Бунтовщики разбили палатки, установленные для угощения народа, разбили частный ренсковый (винный. — А. К.) погреб и перепились».

В это время из собравшейся многочисленной толпы выделились охотники-усмирители и рассеяли бунтовщиков, коих было числом около 30 чел., причем так сильно помяли некоторых из них, что из 8 человек, направленных в бессознательном состоянии в волость, двое умерли в пути, не доезжая волости».

Так что «расправа с выступлением рабочих» была на деле всего лишь ликвидацией пьяного дебоша, причем — собственными силами новониколаевцев.

В отличие от водки и самогона пиво было напитком абсолютно «законопослушным» — его в подполе не сваришь и из-под полы не продашь. В город поставлялись известные и сегодня марки пива из соседних городов.

БОРЬБА СЪ ПЬЯНСТВОМЪ

СЕКРЕТНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ АЛКОГОЛИЗМА.

Удивительно результаты достигнуты благодаря средству „Алкола“. Алкоголь не только уничтожает страсть къ спиртнымъ напиткамъ, но вызываетъ **отвращеніе даже къ запаху вина.**

Средство Алкоголь спасло тысячи семействъ отъ глума, похора и нищеты. Оно превратило самыхъ порочныхъ пьяницъ въ трудолюбивыхъ, работоспособныхъ и адекватныхъ людей.

Если больно не желаетъ сами воздержаться отъ **МОЖНО ДАВАТЬ АЛКОЛА СЕКРЕТНО** въ чаѣ, чаѣ, чаѣ, чаѣ и чаѣ. Алкоголь не имеетъ ни вкуса, ни запаха, ни запаха и большой эффективности. Будетъ самъ удивляться причинъ своего спасения. Отпускается въ аптекахъ по рецептамъ врачей.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Трубочный мастер
К. О. Касперъ,
Павловскъ, Сиб. г.,
Красноярск. уѣд., с. д.

7 февраля 1909 г.
Титулярному Ун-
верситету, Петербургъ,
Екатерининскій ка-
залъ, 15.

МИЛОСТЫВНЫЕ ГОСУДАРИ

Считаю своимъ приятнымъ долгомъ поблагодарить Васъ за Ваше безспорное отличное средство „Алкола“. Яко, страдавшее самымъ 5 лѣтъ страстѣмъ къ вину, но употребленію только въ теченіе недѣли Вашего средства уже совершенно прекратилось. На немъ возмѣнилось работоспособность, хорошее расхолаженіе духа и сонъ. На настоящее время, употребивъ одну порцію, большой поправился психологически, что не только воздерживается отъ питья вина, но уже началъ изъ вину отвращеніе. „Алкола“ возвратила мнѣ хорошаго слушавшаго, а семье въ нормальность.

Прямое убѣжденіе, что въ моемъ лѣдѣ Вы всегда испробуете искренно сторонника и добровольнаго распространителя „Алкола“. Прому опубликовать это письмо.

Съ искреннимъ почтѣніемъ К. Касперъ.

Такой добровольный отзывъ изъ кувшины ясно показываетъ действительное значеніе Вашего чудеснаго препарата. Такое письмо обьявлено съ моего свидѣнія отъ тысячи алкоголиковъ. № 32441

КНИГА ДАРОМЪ

Для возмѣненія взаимности общества съ этимъ препаратомъ мы разсылаемъ бесплатно научна-популярную брошюру „Борьба съ пьянствомъ“. На этой книгѣ Вы найдете дальнѣйшія свѣдѣнія о средстве „Алкола“ и такъ чудеснымъ результатамъ, которые достигаются благодаря его употребленію. Съ вопросами просьба обратитесь: С.-Петербургъ, Титулярный Ун-верситетъ, Отд. № 3 „Алкола“, Екатерининскій казалъ, 15.

2-1

Газетная реклама начала XX века, рассказывающая о новом средстве лечения алкоголизма

В частности, пивоваренный завод «Р. И. Крюгер» (Томск) рекламировал в местных изданиях «свое известного качества пиво из своего оптового склада в г. Н-Николаевске по Вокзальной ул., № 26». В перечислении мест, где страждущие могли приобрести «крюгеровскую» продукцию в розницу, в рекламе упомянуты в том числе и буфет вокзала, и «заводские пивные лавки».

Впрочем, привозное пиво было не главным в ассортименте. К 1910 г. в городе уже действовали 2 собственных пивоваренных завода — фирмы «Бр. Елинек и К» и товарищества «Прогресс» (с 1911 г. носивший название «Вена»).

Заводы по размерам уверенно относились к средним, имели до 30 рабочих каждый. На «Вене» кроме парового двигателя имелись механическая мешалка, 12 бродильных чанов, сусловаренный котел, центробежный насос и холодильный аппарат. Управлявшийся со всем этим хозяйством мастер-пивовар окончил Королевскую Баварскую сельскохозяйственную академию.

Для поставки сырья в городе в 1910 г. был построен первый в Сибири солодовенный завод купца Пастухова. Хмель на пиво, в основном, шел местный, но часть его поставлялась и из Рязани, и из Польши. Местное пиво шло нескольких сортов — пильзенское, мартовское, портер, венское и столовое.

Испробовать продукцию пивоваров можно было в многочисленных пивных лавках, торговавших и распивочно, и на вынос. Деятельность лавок была жестко регламентирована специальным постановлением городской управы.

Открытки с изображением русских типажей: посетители чайной (вверху); половой

В документе предусмотрели все — и размер уличной вывески, и запрет на приготовление горячих закусок, и то, что окна должны выходить на улицу или площадь, «и на них запрещается ставить цветы, а также устройство занавесок, ширмочек, экранов и т. п. приспособлений — закрывающих нижнюю часть окна».

Непременным условием было наличие деревянных полов и «приличных отхожих мест». В распивочных помещениях пивных лавок безусловно воспрещалось «иметь мягкую мебель, кровати и вообще принадлежности домашнего обихода», зато непременно должны были находиться «правильно действующие часы».

Уже тогда запрещалось «приносить и распивать с собой», безусловно закрыт вход в пивные лавки был для «нижних воинских чинов, воспитанников низших и средних заведений, а также вообще малолетних». В общем, все чинно, благородно, законопослушно. И «влетели» новониколаевские пивовары со всей этой законопослушностью в 1914 г., когда, после начала Мировой войны, лавки были закрыты, а заводы — опечатаны.

Но кто ж тебе опечатает каждый самогонный аппарат?! А рынок сбыта рос как на дрожжах. Останавливающиеся в Новониколаевске эшелоны мобилизованных на фронт, естественно, пытались прикупить у местных что-нибудь, кроме каленых яиц и вареной картошечки.

Собственно, именно на этой почве на вокзале регулярно проходили столкновения солдат с полицией. В советское время это, правда, предпочитали подавать как стихийный протест против войны. Вот только один характерный случай такого «протеста» из де-

кабря 1914 г. Мобилизованные из прибывшего в город эшелона в течение трех дней останавливали все воинские поезда.

Собравшаяся масса народу в серых шинелях разгромила вокзал, оба его буфета и ближайшие винные лавки (с понятными последствиями). Вызванные на подавление беспорядков воинские части ружейным огнем загнали мобилизованных обратно в эшелоны, было много убитых и раненых.

Город работал как перевалочный пункт, эшелоны шли постоянно, и полиция, в конце концов, стала просто (вплоть до стрельбы на поражение) запрещать на стоянке выход солдат из воинских эшелонов «во избежание в городе погромов».

Солдатики, собиравшиеся «разжиться» здесь «ею, родимой», увещеваний не слушали, и дело часто доходило до стрельбы.

Зато потом листовки эсеров и эсдеков сообщали о «высоком градусе общественной активности солдатских масс в борьбе с полицейским террором».

Кажется, я прекрасно знаю этот градус.

«...И славно отдохнем!»

Как и сегодня, сто лет назад жители Новониколаевска с удовольствием отдавали свободное время разнообразным развлечениям. Правда, в отличие от сегодняшнего дня, разнообразие этих развлечений было тогда достаточно ограниченным.

Некоторые из «дней отдыха» горожан оказались настолько запоминающимися, что сразу же попали в написанные летописи истории города. Одним из общих развлечений для горожан, без различия чинов и званий, были народные гулянья по праздничным и торжественным датам.

И первое же такое торжество, состоявшееся в мае 1896

года по случаю коронации нового императора Николая II (в честь которого сначала поселок, а потом и город получил свое название), надолго запомнилось всем.

Столетие назад никто и представить себе не мог, что будет твориться в городе ежегодно в День пограничника, День ВДВ, День ВМФ и что похожие «бунты» станут, в общем-то, рядовыми событиями. Коронация, слава богу, проводилась не каждый год.

Народные гуляния были не единственным развлечением, объединявшим классы и сословия старого Новониколаевска. Были бега на ипподроме, показательные выступления заезжих борцов-силачей, устраивались «большие велосипедные гонки». Но и здесь не обходилось без «казусов».

Как сообщал «Голос Сибири» (29 июля 1917 года), «в каждое воскресенье на ипподроме установлены рысистые и скаковые испытания, куда стекается масса публики, в том числе много солдат, причем много из последних разными путями проходят без билетов, большинство лезут на заборы и размещаются вокруг, приглашая с собой женщин, отчего забор надламывается, но это еще не беда, если бы лошади не боялись, а то молодых лошадей окончательно пропускать невозможно, почему приходится сокращать программу.

Просьбы и уговоры на товарищей солдат не действуют, а очевидно раздражают, т. к. на всякое к ним обращение следует русское слово в кавычках...

Главное — нежелательным является препятствие со стороны солдат правильному проходу лошадей по общей дорожке, т. к. солдаты не остаются на одном месте, а беспорядочно бродят по дорожке, впереди старта, на бровках, причем гикают на лошадей, махают фуражками, свистят, шумят, отчего самые спокойные лошади бросаются в сторону, сбрасывают наездников и галопируют, солдаты в это время перебегают в сторону бегущей лошади, чем приводят ее в полное раздражение, а затем и негодность».

Были и другие развлечения, также объединявшие горожан. Как еще в 1899 г. писал «Сибирский вестник» в ехидной эпиграмме:

*«Сплетни, карты и вино,
Да порой скандал в собренье,
Неизменное одно —
Нашей жизни содержание!»*

Играли все — и мастеровые, и приказчики, и чиновники. Играли в «дурачка», в «двадцать одно», в винт и роббер. Все различие заключалось в том, что в «дурачка» играли, в основном, на посиделках по частным квартирам и домам, а в более «благородные» игры — в железнодорожном, а затем и в Коммерческом клубе (сейчас — театр «Красный факел»).

Правда, зачастую, результаты игры не сильно отличались друг от друга, что и находило свое отражение в городской газетной хронике. Уже в первом номере первая новониколаевская газета «Народная летопись» (30 марта 1906 года) сообщала: «В общественном собрании 26 марта при расчете после игры в преферанс некто г. Щ. поднял страшный крик и шум.

Когда старшина сделал ему замечание, то г. Щ. обрушился на него и гостей отборной бранью и был удален из собрания. Но какое же было удивление и ужас публики, когда он вновь появился, на этот раз вооруженный револьвером, угрожая открыть пальбу. Состоялось торжественное вторичное выдворение буйного члена и на этот раз, вероятно, навсегда.

Этот подвиг г. Щ. далеко не первый». В «пролетарской», Закаменской части города страсти по итогам карточных игр кипели не меньшие, хотя и играли не в преферанс. Погуляв и поиграв в карты в доме горшечника Помыткина на Обской улице, стражник (рядовой городской полиции) Афанасий Катаев расстроился не меньше «господина Щ.»: «Блюститель порядка начал грозить всем шашкой. Веселая компания от препирательств перешла к крупной перебранке и, наконец, к драке, в которой кто-то сломал у Катаева шашку. Катаев пришел еще в большую ярость и, вырвавшись на улицу, стал размахивать обломанным клинком и угрожать стрельбой из револьвера. Хозяин и гости пробовали уговаривать расхолившегося стражника, но ничто не действовало, и он продолжал настаивать, требуя целую шашку.

Первая городская пожарная каланча была построена в 1905 году возле здания Добровольного пожарного общества. На ней были написаны слова: «Один — за всех, все — за одного»

У дома собралась толпа, которая, опасаясь выстрелов, пряталась за угол. К счастью, один из толпы нашелся смельчак, который, наскочив на расхолившегося стражника, после некоторой борьбы свалил его и обезоружил. Последний вырвался и убежал на берег Оби». Вероятно, от обиды. И его можно понять — шашка для полицейского была таким же символом власти, как для нынешнего милиционера спецсредство «РП-74», именуемое в просторечии резиновой дубинкой. А тут — взяли и сломали!

Возможно, с учетом подобных казусов «символы власти» у блюстителей порядка стали делать из менее ломкого материала.

Из более «изысканных» развлечений к услугам новониколаевцев был, конечно, театр. Спектакли ставились силами собственных театральных трупп, с успехом гастролировали в городе и столичные знаменитости — свои спектакли показывали горожанам артисты Санкт-Петербургского Мариинского театра, МХАТа, Малого театра.

В 1909 году с гастроллями в городе была Вера Комиссаржевская. Местные газеты писали: «Имя артистки, создавшей новый театр на произведениях Ибсена, Зюдермана, Гауптмана и Кн. Гамсуна, — широко известно среди русской интеллигенции и о ее талантах не передашь и не перескажешь всего того, что было сказано за ее сценический период... Увидеть Нору и Дикарку в исполнении Веры Федоровны — это значит доставить себе эстетическое наслаждение и надолго оставить в памяти имя артистки. Мало того, что артистка удовлетворяет наш эстетический голод — она своей отзывчивостью откликается и на материальную помощь пострадавшей от пожара бедноте: отчисляет в пользу погорельцев с обоих спектаклей 15% валового сбора».

Во время пожара 1909 г. городская деревянная каланча сгорела и на ее месте была построена новая, более высокая

Пожар, случившийся буквально накануне гастролей и уничтоживший около 800 домов, начался (по одной из версий) в результате пьянки с карточной игрой в одном из частных домов на Каменской улице.

Приезжали и цирковые труппы.

Вот одно из многочисленных рекламных объявлений в новониколаевских газетах: «Сенсационное событие в г. Ново-Николаевске! Только 2 художественных гастролли

Последствия пожара в Новониколаевске в 1909 году

европейских знаменитостей Северин и Мэри Нортон! Небывалый опыт, бывший гвоздем всемирного съезда в Нью-Йорке, т. е. Нортон покажет публике ЖИВОГО МЕРТВЕЦА (человека, умирающего на произвольное время)... Смертная казнь! Снятие головы живому человеку! Г-н Нортон снимет голову желающему из публики!»

Собственно, Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите» практически ничего не придумывал. По просьбе из публики человеку на сцене отрывали голову.

Правда, судя по отсутствию последующих откликов, в Новониколаевске подобные сеансы заканчивались с меньшими последствиями, чем в булгаковском театре «Варьете».

Новониколаевская публика ходила на концерты и представления всегда — независимо от того, какая власть была в городе на этот раз, и даже тогда, когда в итоге «культпохода» можно было в прямом смысле потерять голову безо всяких дополнительных просьб, причем — навсегда.

28 октября 1918 года газета «Народная Сибирь» сообщала: «С воскресенья на понедельник в сибирском участке милиции ночевало до 200 человек, арестованных за позднюю ходьбу в городе.

Большинство публики, арестованной милиционерами, шло из железнодорожного собрания, где был концерт и танцы, продолжавшиеся до 2 ч. ночи. В числе арестованных оказались и офицеры. Создается странное положение: устройство спектаклей и концертов разрешается до позднего времени, публика же, посещающая таковые, обрекается на мытарства по участкам».

Начальник городского гарнизона полковник Кабаков, введший буквально накануне комендантский час, просто забыл довести запрет до владельцев увеселительных заведений. Среди арестованных оказались офицеры гарнизона, чиновники железной дороги, несколько гласных городской Думы...

Фактически до выяснения отношений в участке власть в городе в течение нескольких часов оказалась просто обезглавленной.

Собственно, в этот момент город мог взять в свои руки буквально кто угодно.

А ведь люди-то просто решили сходить на концерт...

«В настоящее тяжелое время без выпивки нельзя!»

*«Сосед орет, что он — народ,
Что Основной Закон блюдет —
Мол, кто не ест — тот и не пьет!
И выпил, кстати.»*

*Все сразу повскакали с мест,
Но тут малец с поправкой влез:
«Кто не работает — не ест!
Ты спутал, батя!»*

Владимир Высоцкий

В Сибири пили всегда. Но так, как пили в Новониколаевске в 1917 г., — в городе не пили ни до, ни после.

Власть, как и сегодня, принимала меры для борьбы с пьянством и «левым» спиртным. Методы и мизерность результатов этой борьбы очень напоминают сегодняшний день.

«Сухой закон», запретивший свободную продажу спиртного и введший госмонополию на его производство на территории России с началом Первой мировой войны, вызвал к жизни то, что и должен был вызвать — «живое творчество масс».

Подводя в начале 1917 г. итоги работы за год предыдущий, новониколаевское сыскное отделение оповестило, что за 1916 г. ее чинами в городе был ликвидирован 21 винокурный завод, причем «большинство из них были прекрасно оборудованы». Февральская революция «сухой

закон» не отменила, а вот взгляд на проблему пьянства в первые «дни народной свободы» несколько изменился.

Социал-демократическая новониколаевская газета «Голос Сибири» в редакционной статье «Об алкоголизме» (14 марта 1917 г.) давала новую, «политическую» трактовку проблемы: «В продолжение сотен лет самодержавное правительство насаждало народное пьянство с целью увеличить доходы казны.

... Чем же объяснить такое странное явление: в России пьют меньше, а вырождаются, сходят с ума, умирают от опоя и т. п. больше, чем в других странах? Этих причин следует искать... в экономическом и политическом беспорядке широких масс населения.

... У нас в Сибири особым успехом пользуется «самогонка», производство которой возрастает с каждым днем. Возможна ли борьба с этим злом? Отвечаем: возможна и необходима. Но не надо преувеличивать значение запретительных мер борьбы».

Спустя несколько недель газета вернулась к теме: «... Вред от водки теперь еще больший для народа, чем раньше: она не только разоряет граждан материально, притупляет их ум, отвлекая его от интереса к общественному строительству жизни для закрепления завоеваний революции, а может направить в сторону контрреволюционной деятельности. ... Мало одного наказания, необходимо сознание в правильности его...

... Теперь спрашивается: могут ли иметь какое-либо значение все эти решения, когда все поголовно пьют? Тогда кто же с кого будет взимать штрафы, проводить постановления в жизнь?»

Фраза о «поголовности» пьянства отнюдь не преувеличение. «Окруженный» селом город и сам «гнал», и продавал, и буквально купался в море деревенского самогона (его еще любовно

называли «самосидкой»).

10 июня на заседании новониколаевского Совдепа было публично признано: «В последнее время... изготовление самогонки чрезвычайно усилилось, и ее изготовляют больше, чем изготовляли до переворота».

Отпускник-солдат 23-го полка Б. Мартынец, посетивший Мошково, писал в городскую газету, мешая логике и самогонку с политикой: «Самосидка рекой льется, последний пуд хлеба уделяют для закваски, выгонку производят в глубоких оврагах и густых кустах, прячась от городских милиционеров.

Жители таких поселков, деревень и сел хилые, задыхаются от вредной атмосферы, испаряющейся от самосидки.

... Члены Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, прошу пойти на помощь утопающему в разливе рек самосидки народу: спасти их, вывести на путь, по которому они могут дойти до Учредительного собрания и довести войну до конца».

Выполнить просьбу было затруднительно, так как действительно «пили все». Посылки милицейских отря-

Народное гулянье в поселке Александровский на Старобазарной площади в устье Каменки, 1895 год

дов по деревням не давали практически ничего. Городские газеты писали: «Само население ограждает самосидчиков от преследований. Для этого во время приездов комиссара или членов Исполнительных Комитетов Народных Собраний дают самосидчикам знать следующим образом: на шею лошади или коровы привешивают ботало, чтобы этим обратить внимание самосидчиков, что им угрожает опасность».

Тот же «Голос Сибири» в числе прочих рядовых сообщений рубрики «Хроника» констатировал (15 июня 1917 г.): «Пьянство продолжается. В д. Ереминой... пьют и изготавливают самосидку крестьяне, а комиссар не только не борется с этим злом, но еще поощряет».

Недавно комиссар и сельский секретарь, производя обыск у одного крестьянина, сами так напились, что не могли войти до своего дома. На другой день комиссар, отрезвившись, на сходе говорил за прекращение самосидки, а секретарь, по-прежнему пьяный, отстаивал ее. По его мнению, в настоящее тяжелое время без самосидки и без выпивки жить невозможно: самосидка поднимает дух, исправляет желудок и избавляет от болезни брюшным тифом».

Буквально через неделю (22 июня 1917 г.) газета, между делом, привела пример, до чего доводит тесное «единение власти и народа» на «самосидной» почве. Сообщалось, что комиссару от новониколаевского Совдепа вручено крестьянином д. Шлаковой Ливчевым прошение, «которое представляет редкий документ. Ливчев в прошении излагает, что его жена отравляет».

Завела она компанию любовников, которым дает какое-то зелье, и освобождает их от воинской повинности, обливает ему одежду ядом и когда он ее оденет, то бывает полумертвый. Чтобы уберечься от яду, Ливчев спит в мешке или уходит в лес. Прощение заканчивается бредом: «Меня хотят погубить, а я радуюсь, пусть меня расправят как

Христа. А когда я умру, то прошу обратиться за разъяснением к моему соседу, к моей жене и к моей лошади!»

Мы убеждены, что дело имеем с ненормальным человеком, но Ливчев избран председателем сельского комитета, и даже свое прошение пишет от имени председателя Комитета и с приложением печати».

Ну, а из деревни в город «самосидка»-самогонка доставлялась любыми средствами при любой возможности.

Город и сам не отставал в объемах. Член новониколаевского горкома РСДРП Моисей Фабрикант в своей статье под гордым названием «В единении — сила!» скупыми, но яркими мазками описал быт горожанина: «По-прежнему доминирующими развлечениями большинства новониколаевских граждан является — карусель, «театр фантазия» и кинематограф...»

Наступают длинные осенние вечера, полные тоски и уныния. К указанным уже развлечениям новониколаевский обыватель прибавит карточную игру и гонку самосидки. Так убьет он часы досуга!»

Новая власть пыталась «на первых порах» применять мягкие методы против пьянства и самогонки («тяжелое

Жители Новосибирска, 1960-е годы. Фото из журнала Life

наследие царского режима»!).

13 марта на собрании представителей от городских кварталов было постановлено «строго преследовать изготовление и продажу водки и пива, так как эти напитки помогают многим людям заглушать свою совесть, и совершать всяческие бесчинства и преступления, а беспорядок и хулиганства в настоящее время погубят спокойную и твердую работу по укреплению народной свободы.

Граждане должны прежде через своего старосту добрым словом уговаривать самогонщиков прекратить изготовление водки и пива.

Если уговоры не подействуют, то квартал уполномочивает старосту потребовать, в присутствии понятых, вылить пиво и водку на землю, а аппараты и посуду для выгонки представить в свой полицейский участок.

Если самогонщик не захочет выдать водку и посуду, то ЧИНИТЬ НАСИЛИЕ над ним НЕЛЬЗЯ ни в каком случае, следует заявить в участок участковому комиссару».

16 марта новый комиссар полиции города Завадовский предложил горожанам «немедленно представить в полицейские участки аппараты и все принадлежности для винокурения.

Представившие добровольно не подлежат ответственности». В «Инструкции постовым милиционерам» города было особо подчеркнуто, что «всех пьяных милиционеры должны задерживать и выяснять, где они напились, или записывать адреса пьяных». Но терпение лопнуло очень быстро.

23 июня исполком новоизбранного Городского Народного Собрания довел до сведения граждан города, что «лица, виновные в появлении в публичных местах в состоянии явного опьянения, а равно лица, замеченные в публичном распитии крепких напитков, будут привлекаться к уголовной ответственности... с тюремным заключением на срок от шести месяцев до одного года шести месяцев».

Не помогло.

Потом с пьянством и «левой» выпивкой в городе бо-ролись большевики, потом — «сибирцы», потом — «колчаковцы», потом снова большевики.

Сейчас — нынешняя власть. И никто уже давно не вспоминает пассажи 1917 г. о том, что «не надо преувеличивать значение запретительных мер».

Девушки «нетяжелого» поведения

«Где дяди — там и б...» — эта малоцензурная русская поговорка, в общем-то, достаточно точно отражала проблему, с которой Новониколаевск столкнулся с момента возникновения.

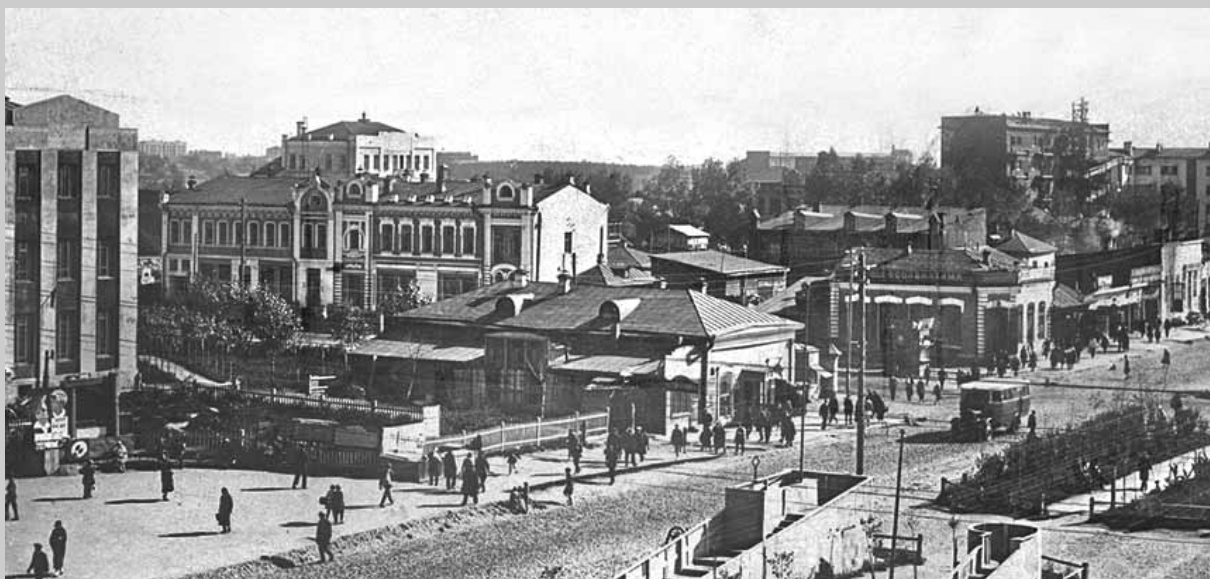
За строителями моста и Транссиба в город потянулись девицы вполне определенного пошиба. Что, естественно, не могло не сказаться на криминальной и эпидемиологической обстановке. Проблему решали долго.

Проституция была легализована в попытках хоть как-то противостоять буквально эпидемическому росту числа вензаболеваний. По данным (очень приблизительным и неполным) историка Льва Картамышева, в России в конце XIX века только бытовым и врожденным сифилисом заболело ежегодно более 60 тыс. чел.

Насколько актуальна была эта проблема для Новониколаевска (как, впрочем, и для всех городов), можно судить хотя бы по рекламным платным объявлениям врачей, постоянно публиковавшимся в местных газетах.

К примеру, по таким: «Врач М.А. Смирнов. Сифилис, венерические и внутренние заболевания. Тобизеновская ул., дом Крюкова». Судя по тому, что жил доктор в самом центре города (на нынешней ул. Горького), недостатка в клиентах у него не было. Примечательно, что «внутренние заболевания» в рекламе стоят на последнем по актуальности месте.

Согласно утвержденным министром внутренних дел «Правилам содержательницам борделей», эти учреждения отдавались под полный контроль полиции. «На работу» не принимались женщины моложе 16 лет, несовершеннолетним подросткам и воспитанникам учебных заведений вход в эти «заведения» был безусловно запрещен.

По легенде, на пересечении нынешних Красного проспекта и ул. Горького, как раз на месте скульптурной композиции с четырьмя соболями, до революции стояло здание городского публичного дома (на снимке — двухэтажное здание правее Дома Ленина; снесено в начале 1980-х годов)

Был предусмотрен регулярный медосмотр «сотрудниц», по результатам которого ставилась отметка в учетной карточке — «желтом билете», который выдавался зарегистрированным проституткам вместо паспорта.

Все это вместе — полицейский надзор; разрешение содержать бордели только пожилым женщинам; регулярные медосмотры — должно было, в теории, обеспечить хоть минимальный уровень «благонравия». Как всегда, практика от теории несколько отличалась.

Отношения полиции с «контролируемыми» были достаточно своеобразными.

Вот рядовая заметка из новониколаевской «Народной летописи» за 19 мая 1906 года: «...Жертвой сделался один молодой человек, К., имевший несчастье улыбнуться при виде некоторых странных действий полицейского надзирателя 2-го участка г. Чапрацкого. 24 апреля г. Чапрацкий в сопровождении поручика М. и штатского О. подъехал к дому терпимости и, сочтя неприличным для себя войти в последний при свидетелях, стал разгонять зевающих мальчишек.

...Мальчишки не выдержали стремительного натиска и были разбиты на голову: поле брани осталось за г. Чапрацким. ...К., услышав несущийся с улицы шум, вышел на крыльцо и, увидев, как в ужасе бежали, подобрав панталоны, враги г. Чапрацкого, улыбнулся. ...Несчастный молодой человек под усиленной охраной был... отправлен в тюрьму».

Неважно, что «молодого человека», посетителя борделя, скорее всего, задержали на предмет проверки несовершеннолетия. Общая картинка сама по себе хороша — стоит ее только представить.

Ну, а новониколаевский полицмейстер Висман с компанией подчиненных просто поставили выдачу «желтых билетов» «на поток», ставя в них фальшивые отметки о прохождении девицами медосмотра.

Какое уж тут «благонравие» и санитарный контроль! Новый городской полицмейстер Бухартовский, обревизовав полученное «наследство», пришел, судя по всему, в тихий ужас.

В 1915 году Бухартовский докладывал в городскую

Думу, что «дома терпимости превращены в какие-то притоны пьянства и разгула», «дело надзора за проституцией находится в самом печальном положении».

Полицмейстер предлагал создание надзорного врачебно-полицейского комитета, но планы остались на бумаге.

Свою «долю» с проституции получал и криминал. К примеру, 22 декабря 1908 года выездная сессия военно-окружного суда рассмотрела дело убийц и грабителей Масляева и Сорокина.

Они грабили и убивали ямщиков-«междугородников» (по нынешнему — водителей-«дальнобойщиков»). Наводчицей была новониколаевская проститутка «девица Нестерова». На суде адвокат Нестеровой упирал на ее «зависимое положение от убийц как женщины известной профессии; ее слабость — как женщины вообще». Успеха доводы не имели — убийцы получили виселицу, Нестерова — 20 лет каторги. Одно из многих подобных дел того времени — не более чем.

«Смутное время» революции и гражданской войны вполне естественно привело к росту уже никем (даже номинально) не контролируемой проституции и попутно — к росту числа вензаболеваний.

Показательно, что статьи о последних публиковались в городских газетах под «кричащими» заголовками вроде «Наше несчастье» и «Опасный враг». Бороться было практически некому.

Так, по данным Сибздрава, на декабрь 1922 года на весь Сибирский край (центром которого был Новониколаевск) приходилось всего 19 венерологов. Впрочем, педиатров было еще меньше — 17. Патологоанатом был вообще один. Не до вскрытий было во время гражданской войны и эпидемий.

В принятом в том же декабре Сибревкомом

«Положении о мерах по борьбе с проституцией» ставилось одновременно несколько задач.

Нанести удар по притонам и криминалу, взявшему проституцию под свой контроль; помочь проституткам в «профессиональной переориентации», а также организовать бесплатную помощь по лечению тех самых «нехороших» болезней. В 1927 году при новосибирском вендиспансере был создан уникальный орган — «Комиссия оздоровления труда и быта женщин».

Члены комиссии обследовали предприятия и жилые кварталы, выявляя женщин, которые уже стали проститутками, и тех, кому «грозила такая опасность» («Энциклопедия «Новосибирск», Н., 2003 г.). При вендиспансере открылся трудовой профилакторий по «перековке» бывших «публичных женщин». Курс реабилитации длился от 1,5 месяцев до года, после чего они трудоустраивались на предприятия города.

Были определенные проблемы — опасаясь «заразы», работницы с большой неохотой принимали заселение к ним в общежития «перековавшихся».

Последние скрывали свое прошлое, ссылаясь, в основном, на беженство от голода и беспризорность. Вот стандартный рассказ из журнала «Красная сибирячка» того времени (№2, 1933 год) об одной из новых «удар-

Гостиница «Метрополь» (старое деревянное здание) предлагает номера «для приятного времяпрепровождения»

ниц производства»: «Голод 1919 года унес родителей, ее же выгнал из родного города с Поволжья искать счастья, главное было — не умереть с голоду.

И вот 12-летняя Ольга стала беспризорницей, попала в Сибирь. Сдружилась с другими беспризорными. Партиями ходили по базарам. Воровали. Иногда «фартило». Тогда радостные возвращались в «берлогу». Случалось и так, что большинство попадало в милицию. Тогда голодали».

В общем — «По приютам я с детства скитался...»

И подробности «перековки»: «Встретили некоторые рабочие недружелюбно, резцы заточенные у меня отнимали. Но я никуда не жаловалась... хотя и была комсомолка, боялась. С полгода травили. Об этом узнала партячейка. Расследовали все. Многих выгнали, другим выговор дали».

Похоже, не в «заточенных резцах» было дело, а просто в нежелании работать рядом с новой «специалисткой».

Да и «крутые» итоги разбирательства были несудачайны. В 1929 году ВЦИК и Совнарком СССР приняли декрет о ликвидации проституции.

Маленький частный случай становился «политически важным» — пришлось пожертвовать увольнением рабочих-специалистов (без кавычек), а остальных «ударить» выговорами. Понятно, что после этого с новоявленной «ударницей» никто не хотел связываться. Себе дорожке.

А проблема-то оставалась даже после «ликвидации проституции». И нешуточная — судя по тому, что вендиспансер (учреждение все-таки специфическое) десятилетия находился в самом центре города. Сегодня его перевели. Проблема, вроде бы, закрыта.

12 сентября этого, 2006 года, ТВ порадовало сообщением о том, что по Сибири число только официально ВИЧ-инфицированных составляет 50 000 человек.

Куда там бытовому сифилису столетней давности — 60 000 на страну.

Да и с «ударницами» все по-прежнему.

Если и не криминал «крышует» — так очередной «висман в погонах».

Маленькие городские трагедии

Жизнь города, как и жизнь человека, состоит из массовых маленьких трагедий. Новониколаевск не был исключением. Трагедии были как частными (которые быстро забывались), так и общественными.

Вместе они показывают картину жизни молодого города. Наверное, кому-то сейчас они могут показаться комическими. Некоторые из них остались в истории.

Собственно, с одной из таких трагедий и начинался город. Первый староста поселка (будущего города) Илья Титлянов был избран на сходе жителей 12 августа 1896 года, как «человек хорошо им известный, а также крестьянин, всем весьма доступный». Он энергично начал добиваться самого главного — признания за поселком его официального поселкового, а потом и городского статуса. Без этого поселок представлял собой массу построек — не более того.

Статус нужен был, официальный! Без него — ни земли, ни возможности роста. Своими петициями, прошениями, докладными энергичный Титлянов буквально «достал» власти всех уровней.

Дошло до того, что при проезде в конце 1896 года через поселок царя полиция арестовала и посадила в барак основных помощников Титлянова, «чтобы не подвели». Титлянов не только бежал сам, но и освободил всех.

Разъяренный стражник Лежнин сбросил его с моста, Титлянов успел ухватиться за балку и, повиснув, дождался спасения родственниками. Долго и тяжело болел,

но общественной деятельности не бросил. История этой трагедии широко разошлась по городу и помнилась постоянно.

...Когда город подрос, трагедии стали более мелкими, «незапоминающимися». Появившиеся в городе газеты сообщали о неожиданных, а порой и странных происшествиях.

Мировой судья Лукашев, вызвавший полицейского пристава, продемонстрировал тому пролом в каменном фундаменте дома по ул. Вагановской (сейчас — Фрунзе), где он и проживал, и работал. Рядом с проломом валялись обнаженные лоскуты желтой и зеленой бумаги и камни из фундамента с запахом пороховой гари. «Сам мировой судья высказал предположение, что готовилось покушение на взрыв квартиры на почве, вероятно, личной мести.

Однако злое дело не удалось; взрыв получился ничтожный, и только помещения квартиры судьи наполнились удушливым газом, так что пришлось открывать все окна и двери.

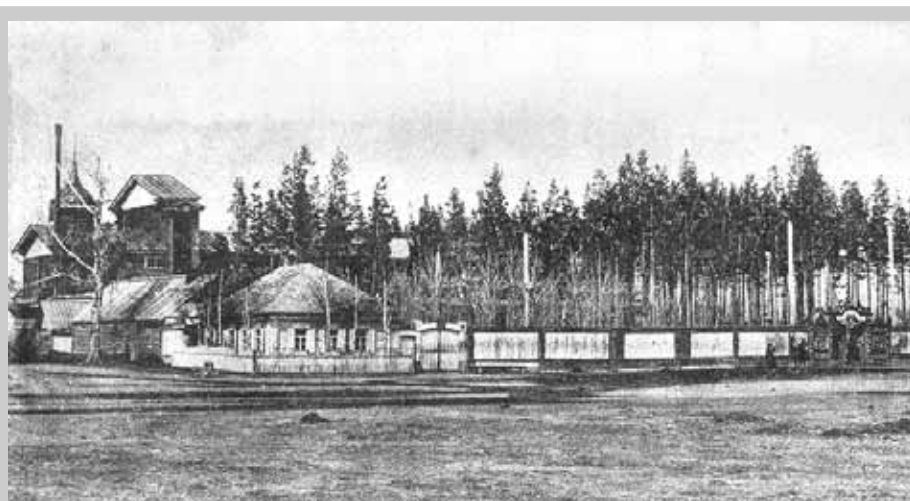
Так может быть в этом-то и был смысл — не убивать, а нагадить?

Трагедии были и не только такие.

«Несколько времени тому назад появился в городе «знаменитый японский доктор», как он себя рекламирует, расклеивая свои карточки по городу. Больные повалили к нему валом и понесли ему свои денежки, а «знаменитость» брать их умеет. Берет и за визиты, берет и за лекарства, которые сам и изготавливает. О познаниях этого доктора нам сообщают следующее...».

Доктор определил у пациента, семейного человека, язвочку на верхней губе как сифилис. Пациент, мягко говоря, впал в ступор: «Что?! Да я... Никогда!»

Через пару суток фурункул сошел. Собственно, это

Театр Чиндорица, единственный в то время театр в городе. Деревянное здание, принадлежавшее владельцу нескольких развлекательных заведений, сгорело еще до революции. Фото 1910 года

и был именно фурункул, как подтвердили все местные врачи, к которым пациент потом обращался.

Сколько нервов стоило обращение к лекарю — история умалчивает. Сколько денег — тоже. Представьте, по нынешним временам, приходите вы к врачу с ожогом руки, а вам говорят — «СПИД!» Адреналина на несколько лет хватит.

И небольшое продолжение «маленьких трагедий» новониколаевских пациентов.

«Как нам сообщают, в городе проживает некий Ш., он же Ла-Ю-Сень, китаец-выкrest (т. е. крещеный. — А. К.), именующий себя доктором. Доверчивой публике он заявляет, что может вылечить от всех болезней в очень короткий срок. На самом же деле происходит следующее: одно доверчивое лицо лечилось у этого «доктора» в течение четырех месяцев, снабжая его за визиты; в результате больной не только не получил облегчения, а нажил катарр желудка. Пациент остерегает публику от подобных врачей».

Злобный был тогда катар желудка, «р-рычащий».

А может, просто пациенту сильно досталось. Причем первая цитата — 1909 года, вторая — 1915 года. Молодой был город, доверчивый. Прижился «доктор»...

А вообще город жил своей жизнью.

Колбасник Александров «гонял» своих рабочих, не понимая, что с помощью газет выставили на посмешище не их, а именно его.

«Рабочие указали ему на крайне неряшливое содержание. Этою смелостью рабочих принципал оскорбился настолько, что озверел и пустил в ход, как нам передают, кулаки. Схватил рабочего Феодосия Золотухина за горло, вытащил в коридор и наносил удар за ударом. Если бы не кухарка, то Золотухину пришлось бы плохо. Она случайно разжала руку хозяина, вцепившегося в арестанта. Протестант бежал. Александров за ним. Нагнал жертву в переулке и снова начал бить.

Здесь Золотухина отняли солдаты, и он был вынужден скрыться в спальне для рабочих, где запер дверь на крючок. «Хозяин» схватил топор, перебил все стекла, требуя открыть дверь, но, к счастью, подоспели еще двое рабочих с дворником и обезоружили хозяина. Избил в тот же день Александров разносчика, якобы, за малую торговлю. Дело о праздничных подвигах торговца направлено потерпевшими к городскому судье».

И у «власть предержащих» тоже случались свои «маленькие трагедии».

Городского голову («мэра» города) Владимира Жернакова, ехавшего на извозчике, в 1911 году, подвела активная жестикуляция при разговоре со знакомым. Перед городской тюрьмой (сегодня на ее фундаменте — Речной колледж) компанию задержала тюремная стража. Водворили, хоть и ненадолго, в кутузку всех — «руководящего», собеседника и извозчика с пролеткой.

Стражникам показалось, что размахивающий руками человек передает сигналы арестантам.

В газеты история не попала, но друзья и недруги долго донимали Жернакова вопросом: «А лошадь чего на допросе сказала?»

Но были и более мелкие трагедии. Хотя для горожан они совсем не казались мелкими.

«В городе появились спички фабрики Зубарева, головки которых взрываются при зажигании и разлетаются в разные стороны. Г-н К. получил от этих спичек ожог левого глаза».

Но в городе происходили и совсем «маленькие трагедии», которые были способны стать сюжетом для популярных «любовно-авантюрных» романов не только прошлого, но и нынешнего века.

Новониколаевская газета «Народная летопись» в нескольких строчках в 1909 году описала все. «Покушение на самоубийство. 12 апреля, около 7 часов вечера, на берег реки Оби пришел господин средних лет и со словами: «Жена бросает меня в тебя, милая Обь!», бросился в воду, но, по счастью, попал на льдину. Откуда и был спасен железнодорожным сторожем».

Для города это была обыденная жизнь, состоящая из маленьких трагедий.

Для города это была обыденная жизнь, состоящая из маленьких трагедий.

Разлив Оби, вид на устье реки Каменки

«Веселые подружки»

— А как там у вас Петрова, 1975-й год, инициатор женского движения под лозунгом «Прочь с дороги, бабы!»?
— Ой, уволилась, еще в 1976-м!

*Михаил Жванецкий,
«Переключка по стране»*

Борцы за «равноправие женщин» не перевелись и сегодня. Однако история показывает, что, скажем, в Новониколаевске — Новосибирске такое равноправие существовало всегда.

Особенно — в занятии женщин тяжелым физическим трудом. Хотя и не только им. Причем интересно, что как раз женщины к «борьбе за равноправие» были традиционно равнодушны — некогда им было «бороться».

О полнейшем фактическом равноправии женщин можно судить как по прямым данным, так и по косвенным признакам. Хотя, конечно, при желании и заданном настрое можно найти в истории города примеры явной и нескрытой дискриминации женщин. Так, в городской тюрьме Новониколаевска, по данным на весну 1911 года, из 228 арестантов мужчин было 187, а женщин — только 30 (общая цифра «не сходится», потому что сидело еще 11 детей).

Налицо явная «дискриминация» — по данным справочника «Весь Новониколаевск» (1924 год) в городе тогда соотношение мужчин и женщин было примерно равным. Мужчин в 1911 году проживало почти 33 тыс., женщин — около 31 тыс. А тут...

Ну, а если серьезно, то равноправие было практически полным. Хотя иногда «борьба за права женщин» получала несколько странный по сегодняшним меркам оттенок.

17 марта 1917 года новониколаевская газета «Голос Сибири» сообщала: «На 15 участке службы пути ж. д. ра-

Проспект Жертв революции (нынешний Красный проспект), 1920-е годы

ботают киргизы и женщины. Теперь начальнику понадобится уменьшить штат рабочих, и он почему-то вздумал уволить 100 женщин. Женщины заявили об этом в Исполком Совдепа».

Увольнение было отменено, но дело не в этом. Просто труд женщин по оплате обходился гораздо дороже, чем привлечение, как сейчас бы сказали, «диких бригад». «Киргизов» начальник участка «почему-то» и не подумал увольнять. Понятно почему. Сколько тогда платили «диким бригадам» — неизвестно.

Но в тот год женщина на укладке шпал на железной дороге получала 1 р. 80 коп. в день. А квалифицированный рабочий в мастерских станции «Новониколаевск» — 1 р. 40 коп. Да, собственно, на жизнь и этого хватало. Мясо первого сорта (вырезка) стоило 24 коп. за фунт (400 граммов), топленое масло — 1 руб. 10 коп. за тот же фунт,

пшено — 3 руб. за пуд (16 кг).

В Новониколаевске женщины занимались не только вошедшей потом в анекдоты укладкой шпал. В профсоюзе новониколаевских грузчиков на 4 мая 1917 года числилось 675 человек. Из них 319 — женщины. Больше того — в конце мая вокруг женщин-грузчиц разразился настоящий скандал. Точнее — среди них. Газеты сообщали подробности: «Исполком Городского народного собрания, нарушая демократический принцип, не обращался за грузчиками в профессиональный союз, предпочитая наем женщин-грузчиц помимо союза, по вольному найму.

Кроме того, грузчицы городских дров были наняты по 1 р. 80 коп. за 8-часовой рабочий день, в то время как минимальная заработная плата определена по соглашению с частными предпринимателями в 2 р. 50 коп....

За последнее время наблюдается приток женщин из деревень, которые по темноте своей не вступают в профессиональный союз и сбивают заработную плату. Понизить же установленную минимальную плату с 2 р. 50 коп. правление (профсоюза грузчиков. — А. К.) нашло возмутительным, так как работницам пришлось бы тогда жить впроголодь при тяжелой работе». Насчет «впроголодь» — судите по ценам. В конце концов, можно было и мясо второго сорта (с косточкой) взять — 18 коп. за фунт или крупчаткой простого размола запастись — 2 р. 35 коп. за пуд.

Вы просто только представьте себе эти профсоюзные «женские разборки» 1917 года! «Ты, деревня!..», «А ты, лахудра городская!..» Это же грузчицы отношения выясняли, так что волосья, наверняка, летели клочьями — как с той, так и с другой стороны. А приемных пунктов по скупке натуральных волос в Новониколаевске тогда не было.

Кстати, мужики-грузчики от конфликта остались в стороне, бросив все на назначенного им Совдепом председателя профсоюза Гилева. Он и бегал — то в профсо-

Жители Новосибирска, 1960-е годы

юз, то в Городское народное собрание, то утихомиривать «трудящихся женщин».

Это, конечно, легенда, но рассказывают, что после очередного крика товарища Гилева над женским «толковищем»: «Тише, бабы!», из толпы вырвалась дородная молодка-грузчица (из городских). И со словами: «Какая я тебе «баба»! Я — член профсоюза!» вломила «товарищу» здоровую оплеуху. Свои 2.50 грузчицы отстояли.

Примечательно, что эта ставка распространялась на всех грузчиков, независимо от пола. Женщины выясняли отношения между собой, мужики покуривали в сторонке, ожидая результата. Вот женщины-грузчицы для них престижную ставку и выбили.

...Власть сменилась, а для женщин не изменилось, пожалуй, ничего.

Журнал «Красная сибирячка», выпускавшийся в 1930-х годах в Новосибирске в помощь «активисткам женского движения», сообщал: «Женщины возят сено, заготавливают ямы для силоса, готовят силос... Бригада в шесть человек была поставлена на копку ямы под силос. Надо было выкопать до 36 кубометров. В бригаде работали две девушки и четверо мужчин... И вот де-

вушки — Куцуба Христиня и Винникова Прасковья выполняли свое задание в пять с лишним кубометров на каждую в один день. Тогда как мужчины выполнили то же задание за полтора—два дня, а лодырь Гринь Григорий работал целых три дня».

Еще один репортаж сентября 1931 года: «Большой зал клуба имени Сталина имеет не совсем обычный вид. Чинные ряды стульев пестреют, как цветник, алыми маками красных повязок, красочными пятнами белых, цветных, ярких платочков и платьев. Слышен негромкий, живой, звонкий говор женских голосов. Это ударницы новосибирских предприятий собрались на слет. Более 400 работниц заполняет зал». Участницы слушали рапорты о все расширяющемся включении женщин города в производственный труд. «На кожкомбинате работает 953 женщины, из них 520 ударниц... Через столы повышения квалификации пропущено 319 работниц...»

«На Новосибирском железнодорожном узле значительно вырос удельный вес (! — А. К.) женщин на производстве. По сравнению с 1930 годом число работниц увеличилось больше чем в 4 раза: было 115 человек, теперь 515... Большим недочетом можно считать слабое выдвижение работниц. За 1931 год выдвинуто всего 10 женщин и продвинуто с одной работы на более ответственную 60 человек»...

Следом рапортовал «ударный краснознаменный мылзавод»: «Внедрение женского труда на мылзаводе проводится недостаточно энергично. По плану женский труд на мылзаводе должен составлять 60%, а сейчас он составляет 38%»... «На трикотажной фабрике «Динамо» (ведомство НКВД. — А. К.) женский труд составляет 80% по отношению к общему числу рабочих, по плану же намечено иметь 90%... Крупнейший недостаток «Динамо» — отсутствие детских учреждений». «Около 2 тысяч работниц работает на пошивочной фабрике «Автомат» (будущий «СИНАР». — А. К.). Женский труд занимает 90%».

«Слет заслушал доклад Сибтруда о внедрении женского труда. Докладчик указал на то, что внедрение женского труда в производство до сих пор встречало со стороны хозяйственников бюрократическое равнодушное отношение или же даже прямое противодействие».

«Смотр выявил, что на предприятиях нет планов внедрения женского труда, а если и есть — то они не выполняются». Партийные органы сообщали, что «выдвину-

тые» трудящиеся женщины предпочитают заниматься своими домашними делами».

Это, собственно, тоже — городская традиция. В 1918 году в своих сочинениях на тему «Когда я буду большим» новониколаевские школьники писали о том, что собираются поступать на «кулинарные курсы, чтобы потом стряпать и мыть полы». Почему-то женщин домой тянуло.

В чем-то прав все-таки поэт Наум Коржавин:

*...Столетье промчалось. И снова,
Как в тот незапамятный год,
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.*

*Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони — всё скачут и скачут.
А избы — горят и горят.*

Милая женская месть

«Если женщина что-нибудь хочет — ей надо непременно это дать! Иначе она возьмет сама».

Х/ф «Человек с бульвара Капуцинов»

По содержанию большинства изданий по истории города может сложиться впечатление, что женщины никакой особой роли в жизни старого Новониколаевска не играли и в развитии города участия не принимали. На самом деле все было не совсем так.

Так, изданная накануне 110-летия города и претендующая на некую энциклопедичность книга «Знаменитые женщины Новосибирска», мельком сообщив, что в исто-

рии города «отмечено немало прекрасных женских имен», обещает сказать уважительные слова о «деяниях тех женщин нашего города, чьи имена все более погружаются в историю, но не должны угасать в памяти потомков».

И начинается рассказ со всем хорошо известных деятельниц новониколаевского подполья Анастасии Шамшиной и Евдокии Ковальчук. Но, при всем к ним уважении, в подполье они играли роли, мягко говоря, второго и третьего плана. Была, правда, еще к примеру, Мария Загуменных, прибывшая в наш город из ссылки в 1911 году.

Она (по уверению авторов «Знаменитых женщин Новосибирска») «вела активную подпольную работу» и в марте 1917 года была избрана в состав горкома РСДРП. Да вот беда — какие-либо следы этой «активной работы» в течение 6 лет в «Хронике Новосибирской организации КПСС» отсутствуют.

Впрочем, Бог с ним, с подпольем — Новониколаевск жил и развивался абсолютно вне его влияния.

С первых дней существования города женщины составляли примерно половину населения. Что неудивительно — строители моста приезжали на берега Оби преимущественно семьями. И так же, с самого начала городской истории, стало ясно, что женщины намерены участвовать в его жизни отнюдь не только в роли домохозяек.

Так, 9 марта 1898 года приказом начальника Томского почтово-телеграфного округа чиновником 6-го разряда Обской почтовой конторы была назначена Клавдия Козловская. В штате конторы, составлявшем 10 человек, она была единственной женщиной. К 1911 году Новониколаевск уже поддерживал почтово-телеграфную связь с 23 странами мира.

Медицина в то

время считалась, по преимуществу, «мужской сферой». К примеру, по данным 1916 года среди 10 частнопрактикующих врачей Новониколаевска была всего одна женщина — зубной врач Е. Сергеева.

Однако первым врачом будущего Новониколаевска была женщина, акушерка Вера Тюшкова, приехавшая вместе с первыми строителями моста. Работы у нее хватало — в 1900 году в городе с 20-тысячным населением родилось 298 мальчиков и 264 девочки. Самыми популярными именами для новорожденных новониколаевцев были Василий, Григорий, Анастасия и Анна. Кроме непосредственной врачебной практики, Тюшкова занималась и подготовкой и обучением медсестер.

В них (как и вообще во врачах) город испытывал острую потребность — в связи с постоянной угрозой эпидемий. В 1908, 1909, 1911 годах прошли эпидемии холеры, в 1913 — натуральной оспы, в 1915 — сыпного тифа и холеры.

Городские больницы переполнялись, больные лежали рядом с выздоравливающими. И в таких условиях женщины-врачи и медсестры лечили людей и делали все для предотвращения распространения болезней. Хотя при отсутствии в городе нормального водопровода и канализации это было крайне нелегко.

Поначалу плохо было в городе и с образовательными учреждениями. И здесь вперед снова вышли женщины.

В 1902 году в доме по улице Асинкритовской (сейчас — ул. Чаплыгина, 28, помещения молокозавода) Павла Александровна Смирнова открыла детское учреждение для мальчиков и девочек начиная с семилетнего возраста, для подготовки к поступлению в иногородние гимназии.

В 1906 году учреждение преобразовалось в женскую прогимназию со сроком обучения 4 года. Городское самоуправление выделяло на содержание гимназии ежегодную субсидию в 500 рублей, годовая плата за обучение составляла 70 рублей. С 1913 года гимназия работала в довольно просторном доме на ул. Кузнецкой (Ленина, 11). Всего в городе (по данным «Справочника по городу Новониколаевску» 1913 г.) работало 31 училище, причем заведующими 22 из них были женщины. И это при том что положение учителей было достаточно тяжелым.

Так, в 1911 году Городская Дума понизила зарплату учителям приходских училищ на 140 рублей (которые выплачивались в дополнение к 360 рублям, получаемым

Евдокия (Дуся) Ковальчук

Заяльцовский бор, 1930-е годы

от министерства просвещения).

Впрочем, учителя продолжали работу, несмотря на все трудности. Более того — добивались открытия бесплатных школ для малоимущих. В октябре 1904 года Мария Кондаурова, председатель попечительского комитета о семьях воинов, обратилась к томскому губернатору с настоятельным прошением об открытии бесплатной школы для солдатских детей, и уже в начале ноября разрешение было получено, школа приступила к работе.

В ноябре 1909 года в городе было создано благотворительное Общество попечения о народном образовании, существовавшее на деньги местных предпринимателей.

К 1910 году Общество организовало три воскресные бесплатные школы для рабочей молодежи, где абсолютно без всякой оплаты работали учителя Полянская, Козакова, Кузнецова и др. В 1916 году была открыта еще одна бесплатная ремесленная школа для солдатских детей — и снова новониколаевские женщины-педагоги трудились в ней совершенно бесплатно.

Но в жизни Новониколаевска женщины участвовали не только на ниве медицины и образования. Одной из самых крупных крупчатых мукомольных мельниц города была мельница Екатерины Токовининой. А суда

речного пароходства Мельниковой были хорошо известны по всей Оби.

Проявили себя женщины Новониколаевска и в такой, казалось бы, уж совсем «неженской» области, как домостроение. Многие здания исторической застройки города, являющиеся сегодня памятниками архитектуры, принадлежали именно женщинам — купчихам, мещанкам.

Так, хорошо известный многим новосибирцам «игрушечный» кирпичный «особняк с мезонином» на Чаплыгина, 36 (бывш. Асинкритовская) был выстроен на участке, принадлежавшем владелице крупного торгового дома Иконнико-

вой. Усадьбой с уникальными коваными воротами на Сакко и Ванцетти, 2 (бывш. Павловская) владела купчиха Терентьева.

Одноэтажный кирпичный особняк на Коммунистической, 43 (бывш. Гудимовская) был собственностью купчихи Марии Жернаковой. «Она являлась владелицей нескольких домов в центральной части города и сдавала их в аренду» (каталог «Памятники истории, архитектуры и монументального искусства г. Новосибирска», 1998 г.). Но, помимо собственных особняков, строились и «доходные дома», сдача квартир в которых помогала решить остро стоявшую в городе жилищную проблему.

Сохранились дом мещанки Ефросиньи Верховой на Горького, 40 (бывш. Тобизеновская); дом минусинской мещанки Марии Пятковой на Коммунистической, 23 (бывш. Гудимовская); дом каинской мещанки Анны Чернаковой на Чаплыгина, 65 (бывш. Асинкритовская)...

Впрочем, не пытайтесь искать фамилии всех упомянутых выше женщин, скажем, в энциклопедии «Новосибирск» — их там нет. Ни врачей, ни купчих. «Мужской» Новосибирск напрочь забыл этих ярких и неординарных женщин, каждая из которых вписала свою своеобразную строчку в городскую историю.

Объединяет их и еще одно — все они, как и все остальные жители города, согласно Городскому уложению, не имели права участвовать в выборах. Ни как кандидаты, ни как избиратели. И, соответственно, не имели возможности влиять на управление городом — им управляли мужчины.

Пришли другие времена, и судьба ехидно хмыкнула над заносчивыми мужчинами. Областными выборами руководит сегодня председатель облзбиркома Тамара Алексенко — и облзбирком с легкостью снимает с выборной гонки любого кандидата за малейшую провинность.

А городским Советом, высшим органом власти, определяющим городскую политику, уверенно и твердо руководит Надежда Болтенко.

Вот такая получилась «милая женская месть».

«Неудобный» юбилейчик

«Все в Автодор! Наладим серийное производство советских автомашин! Железный конь идет на смену крестьянской лошадке!»

Илья Ильф, Евгений Петров.
«Золотой телянок»

В этом году исполняется 80 лет с момента создания Общества содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог Сибирского края («СибАвтодор»). У нас любят отмечать всевозможные юбилеи — даже юбилей первого светофора в свое время не забыли. А вот про «автодоровский» юбилей все как-то стыдливо молчат.

И на то есть свои причины.

Собственно, «Автодор» как общественная организация начинался по инициативе «сверху». Летом 1927 года «Правда» опубликовала статью Н. Осинского (Валери-

ана Оболенского) «Американский автомобиль или российская телега». Мысль статьи была проста — развитие автомобилестроения в СССР невозможно без широкой общественной поддержки и создания (!) «добровольного» общества в поддержку этого развития. Идея показала перспективной.

Дороги так и так приходилось строить на бюджетные средства, зарождающийся советский автопром тоже. А тут подспорье в виде абсолютно добровольных пожертвований пролетариата на строительство и дорог и автомобильных заводов...

Пролетариат откликнулся на статью тов. Осинского — уже в сентябре 1927 года состоялось учредительное собрание «Автодора», учредителями которого выступили простые пролетарии. Иосиф Сталин, Клим Ворошилов, Валериан Куйбышев, Анастас Микоян, Мария Ульянова, Ян Рудзутак, Абель Енукидзе.

Собственно, эти пролетарии учредили всесоюзный «Автодор» абсолютно добровольно, на общественных началах. По собственной, конечно, инициативе и в нерабочее время.

И если кто-то говорит, что «Автодор» создавался по «государственной» линии — не верьте! Его учредили простые люди советской страны по собственной инициативе.

А то, что руководителем «Автодора» стал председатель Госплана Андрей Лежава — так он развитием дорог и автомобилизма занимался в свободное от основной работы время. Инициатива простых московских пролетариев была замечена и подхвачена «на местах». Уже 22 сентября 1927 года «Советская Сибирь» публикует пространную статью-отзыв на публикацию Осинского.

Примечательно, что «отзыв» был опубликован не после появления статьи, а после того, как стали известны фамилии московских пролетариев — учредителей «Автодора». О них, правда, в статье скромно не упоминалось.

«Пословицей «лучше поздно, чем никогда» следует ответить на призыв тов. Осинского в центральной печати о необходимости развития автомобилизма в СССР.. Уже не говоря о растущих городских центрах Сибири, где автомобиль нужен для связи рабочих окраин с центром (автобусное движение) и для грузовой и пассажирской связи с вокзалами и пристанями, автомобиль и только автомобиль может создать и укрепить хозяйственную

и культурную связь со многими окраинами Сибирского края и приграничными восточными странами...

Наша связь с Монголией, Тану-Тувой, Западным Китаем, опирающаяся на лошадь, верблюда и вола, не способна в силу своей медлительности (две-три недели в пути) и невыгодности во всех отношениях развить хозяйственные и культурные связи с этими странами... Дороги и автомобиль должны и могут развиваться лишь одновременно, подгоняя друг друга».

Понятно, что инициатива московского пролетариата по созданию «Автодора» была подхвачена пролетариатом новосибирским.

В учредители, естественно, попали абсолютно простые люди — Роберт Эйхе, предкрайисполкома Федор Грядинский, секретарь горкома Сергей Шварц, командующий СибВО Николай Петин.

На учредительном собрании, судя по газетным отчетам в «Советской Сибири», участники уговаривали друг друга пугающими цифрами.

«На 85 000 грунтовых дорог только 5 000 км приходится на тракты государственного значения, находящиеся на госбюджете, 80 000 км местных дорог находятся почти в беспризорном состоянии».

«В Америке — один автомобиль приходится на 5 человек в среднем... а в Сибири — один автомобиль на 28 000 человек».

Петин, полковник царской армии, старый служака (прошел и русско-японскую, и Первую мировую), судя по всему, поверил, что уча-

ствует в большом общегосударственном деле.

На учредительное собрание он привел с собой начальников всех подразделений штаба округа. Как он ошибся!

История не сохранила фамилий местных «останов бендеров», которые с кличем «Все — в «Автодор!»!» решали свои финансовые проблемы в качестве администраторов новой «общественной организации». Хотя командующий мог бы и сообразить, что происходит — когда на учредительном собрании по предложению «администраторов» было решено, что каждый член «Автодора» обязан привести за собой в организацию (и, естественно, — со взносами) минимум трех-четырех человек. Но он-то считал, что дело — государственное, дороги армии позарез нужны! А тут...

Какой там «Гербалайф»!

«Автодор» в Новосибирске был первой фирмой «сервизного маркетинга», да еще и под официальным покровительством властей. Тут не надо было даже воровать. Надо было просто, как сейчас говорят, «осваивать средства».

Первое, чем отметился «СибАвтодор», — естественно, организацией лотереи. «На дороги» и «на транспорт». Первый приз — автомобиль «Форд» — никто не выиграл. Странно, правда?

Тем более что, по статистическим данным, ни одного «Форда» на территории Сибири на тот момент не было. Исключая, конечно, несколько десятков вконец истрепанных грузовиков этой марки, захваченных «красными» у «сибирцев» еще во время Гражданской войны, Да и с другими призами все как-то неловко получалось.

Работяга в «автодоровскую» лотерею выиграл радиоприемник. По аналогам сегодняшнего дня — «домашний кинотеатр». А ему попытались в качестве приза вручить патефон 1903 года выпуска. Ему бы взять и промолчать («дают — бери, бьют — беги!»), но работяга оказался активным ударником с хорошим горлом и еще лучшим классовым чутьем. Патефон он расколотил. Дальнейший скандал с трудом удалось замять извинениями и — все-таки! — вручением радиоприемника.

Средства, вырученные от первой лотереи, пошли на организацию второй. А еще надо было содержать на хороших зарплатах аппарат «добровольного» общества, оплачивать листовки, плакаты, брошюры, значки и так далее с призывом «Все — в «Автодор!»!» Концерты агитационные тоже нуждались в оплате — и участникам-ар-

С.А. Шварц

Ф.П. Грядинский

тистам и «автодоровским» организаторам. Это же никто не знает, какой до безумия тяжелый труд у администратора! И то, что он не ворует и живет только на зарплату, которая платится ему из абсолютно добровольных членских взносов, — это подвиг.

Ряды «Автодора» ширились именно путем сетевого маркетинга. Кто в учредителях? Сталин и Эйхе. Я вступил — давай вступай тоже.

«Сетевая система» лопнула, как обычно, — после вопроса «А где деньги?». Имелось в виду — где «автодоровские» деньги на

строительство автомобильных заводов, на закупку за границей тракторов, наконец?..

Тут-то и выяснилось, что денег аккурат хватало для существования аппарата «добровольной» организации да на устройство «шумовых» акций.

Лотереи, автопробеги (Ильф и Петров не случайно поиздевались именно над «Автодором», а не, скажем, над Осоавиахимом)...

Терпение одного из главных учредителей «Автодора» по фамилии Сталин лопнуло, и в октябре 1935 года ТАСС распространил официальное заявление о ликвидации «Автодора».

«Общества «Автодор» не справились с возросшими потребностями рабочих и трудящихся Советского Союза, начали терять своих членов и прибегать (в особенности их местные органы) для пополнения средств к нездоровой коммерческой деятельности».

Первая советская «МММ» как была создана «сверху», так оттуда и была ликвидирована, а многих из ее учредителей перестреляли чуть позже, и отнюдь не из-за «автодоровских» лотерей.

Пивоваренный завод «Братья Елинек и Ко», принадлежавший австрийскому подданному. С 1907 года предприятие выпускало до 50 тысяч ведр пива в год

Столетние продукты

Для того чтобы «крутануть время назад» лет на сто, «машина времени» не нужна. Достаточно включить телевизор, увидеть рекламу «Пиво «Крюгер» — 100 лет с Новосибирском!» — и все, считайте, что вы уже в Новониколаевске. Правда, конечно, с небольшой поправкой.

Не только этот продукт может претендовать на звание «исторически-городского». На удивление, горожане и сейчас, как и сто лет назад, могут купить товары с «традиционными» для города «фирменными марками».

Сотню лет назад пиво «Крюгер» было действительно

хорошо известно и очень популярно в Новониколаевске. Газетная реклама о наличии этого пива регулярно появлялась в местных газетах. Точнее — в первой и единственной на тот момент для Новониколаевска газете «Народная летопись».

То, что знают это пиво в городе сто лет, — реклама немного лукавит. Уже больше ста лет назад в городе вокруг «Крюгера» происходили ситуации криминальные, хотя прямого отношения к потреблению продукта вроде бы и не имеющие.

Газета сообщала: «В ночь на 20 июня (1906 года. — А. К.) во двор пивного склада Крюгера забрался какой-то субъект. Жена доверенного складом госпожа Крейчик, услышав лай собаки, вышла с револьвером и вместе с караульным осматривала двор. Около забора садика они заметили притаившегося человека. Г-жа Крейчик выстрелила, и неизвестный, перескочив через забор, скрылся».

Торговый люд строил себе дома буквально «на месте работы» — чтобы далеко не ходить. На ул. Фабричной сохранились пока еще характерные примеры таких построек. Сегодня они — памятники истории и архитектуры.

Так вот, на Фабричной, 17, числится «дом жилой и контора Николая Туркина», а тут же, под боком — на Фабричной, 19, — «дом Николая Туркина, жилой, с мезонином». Советую, кстати, сходить полюбоваться старой застройкой города, пока Фабричная «под новострой» не пошла...

И еще один пример городского «постоянства во вкусах». Столетней давности способ добычи горожанами чистой воды рисует умильные картинки — девка с коромыслом и с ведрами, шествующая от колодца. При столкновении с реальностью идиллия несколько корректируется. «ВОДА (именно так! — А. К.) чистая из артезианского колодца. Вновь открыта продажа по Дворцовой улице, рядом с казенной винной лавкой. С почтением — С. Огородников».

Это — реклама уже из мар-

та 1909 года. Улица Дворцовая уже давно переименована в улицу Революции, но с недавних пор подобные названия на бизнес мало влияют. Компания «Чистая вода» очень скоро сможет вместе с «крюгерами» отметить и собственный столетний юбилей в городе.

И вот еще маленький сюрприз для сегодняшних посетителей городских магазинов. Маленький, почти квадратный, в когда-то золотистой упаковке. Это тоже — «товар-юбилей».

Рекламные «зазывалочки» новониколаевских магазинов столетней давности начинались, конечно, с паюсной икры, а вот завершались...

Тем, что имеются в ассортименте бульонные кубики «Магги». Бульонные кубики тогда были не менее популярны, чем пиво. С ними яростно сражались все издаваемые тогда кулинарные книги. Ни в одном из рецептов никакие «кубики» не появлялись. Рекомендовали делать свои, домашние «Брикеты из толченого мяса». Я знаю как минимум четыре попытки те рецепты повторить. Правда, до такого садизма, как рекомендации «мясной порошок из брикетов можно добавлять большим в подогретое молоко», никто не дошел, но и то (четко по рецептам сделанное!), что рекомендовали «готовить дома», ни есть,

Склады Новониколаевской пристани, 1910 год

ни даже нюхать было невозможно.

А зачем, собственно, варить «суп из топора», когда под рукой — те самые бульонные кубики. Не знаю, вручили кто-нибудь нынешним торговцам «Магги» памятный знак в честь юбилея города.

Они его достойны вполне — вместе с «крюгерами» и «чистоводцами». Они были с городом и его потребителями всегда, с поправкой на временные, от них не зависящие обстоятельства.

Взгляд на столицу через перископ

В стране не так много кораблей, поставленных на вечную стоянку и вечное сохранение. Крейсер «Аврора» в Санкт-Петербурге, пароход «Св. Николай» в Красноярске (на нем Владимир Ленин отбыл к месту ссылки).

С июля этого года к ним присоединилась единственная в России подводная лодка-музей «Новосибирский комсомолец», поставленная на причал в центре Москвы, на Москва-реке у ст. метро «Сходненская». Новосибирские гости столицы (и не только они) смогут теперь глянуть на «главный город страны» через боевой перископ.

Собственно, подводных «Новосибирских комсомольцев» было два. О том, что поставлен сейчас на вечную стоянку, в городе почему-то забыли — нет даже упоминания в юбилейной «Энциклопедии «Новосибирск». А первый «Новосибирский комсомолец» был спущен на воду еще в апреле 1941 года.

Дизельная подлодка М-107 (серия «Малютка») была заложена в конце октября 1940 года на заводе «Красное Сормово» в Горьком. Однако после спуска на воду в связи с началом Великой Отечественной войны дальнейшее

строительство лодки было законсервировано. Ресурсы у страны никогда не бывают бездонными — тем более в военное время. Они и шли туда, где были необходимы в первую очередь и даже в ту очередь, которая «первое первое», — на выпуск оружия и боеприпасов. «Малютка» рисковала стать «долгостроем», но тут на помощь пришел Новосибирск. Вернее, новосибирские комсомольцы.

Они взяли шефство над лодкой и организовали сбор средств на ее достройку. Подводный флот во все времена был очень «дорогой вещью» — средств требовалось очень много. По сегодняшним меркам денег необходимо было собрать примерно как на космический корабль. Комсомольцы собрали.

Корпус и механизмы «сто седьмой» были доставлены на Мурманский судоремонтный завод, где в кратчайшие сроки была проведена достройка лодки. К концу 1942 года строительство подлодки было завершено, и уже в феврале 1943 года начались ее государственные испытания, проходившие в Кольском заливе.

24 июня 1943 года на лодке был поднят военно-морской флаг, и приказом наркома военно-морского флота СССР подводная лодка М-107 была включена в списки флота.

10 августа 1943 года, в торжественной обстановке, в присутствии представителей города Новосибирска, командующий Северным флотом вице-адмирал Головкин зачитал приказ о включении подводной лодки М-107 в состав Краснознаменной бригады подводных лодок Северного флота и присвоения ей почетного наименования «Новосибирский комсомолец».

На Северном флоте новосибирская «Малютка» провела чуть больше полугода, совершив четыре боевых похода в промежутки между 6 сентября 1943 года и 9 апреля 1944 года. Задачей «Малюток» было не давать покоя германским сторожевикам и, главное, — топить транспорты гитлеровцев с вооружением и боеприпасами. Они должны были вести себя как шмели, не дающие покоя медведю. Боевой счет лодка открывала в первом же походе.

В альбоме «Комсомольцам Новосибирской области — экипаж подшефной подлодки «Новосибирский комсомолец» (1945 год), присланном в город в качестве своеобразного отчета перед «учредителями», о первом успехе говорилось скупое: «11 сентября 1943 года в 14 часов в перископ был обнаружен транспорт противника водоизмещением 7 000 тонн, идущий в охранении... В 14 часов 30 минут наконец раздается долгожданная команда —

«Пли!» Через 1 минуту 15 секунд весь личный состав с радостью услышал резкий взрыв. Транспорт потоплен. Боевой счет открыт. Доверие шефов оправдано.

В трех последующих походах лодка потопила еще два транспорта (по другим данным — еще и сторожевой корабль нацистов). Четыре выхода в море, шесть истраченных торпед — и как минимум три потопленных цели.

Результат очень даже неплохой. Наградами у нас во время войны не разбрасывались, но «комсомолцы» свои ордена и медали получили уже перед вторым выходом в море. Их долбили глубинными бомбами, атаковали с самолетов, приходилось выбирать из стальных противолодочных сетей, — а новосибирская «Малютка» жила и воевала назло врагу.

На Северном флоте «Новосибирский комсомолец» находился до конца апреля 1944 года, после чего лодка «совершила переход в Архангельск, откуда 14 мая была отправлена по внутренним водным системам и железной дороге в город Потти и 6 июня 1944 года вошла в состав Черноморского флота». Передислоцировали по специальному распоряжению Госкомитета обороны.

На вооружение лодка получила специальное оборудование, и о ее дальнейшей «черноморской» службе до сих пор подробности стараются не сообщать.

А вторая, забытая почему-то у нас в городе подлодка «Новосибирский комсомолец», «всплывшая» сегодня на вечной стоянке в Москве, «попробовала воду» в начале 1980 года. Строили ее на том же «Красном Сормове» в Горьком, а государственные испытания проходила в Севастополе.

Зачислена в состав флота 24 октября 1980 года под названием Б-396 (по классификации НАТО — класс «Танго»). Дизельная подлодка «третьего поколения» советского флота. От одноименной предшественницы ее отличало многое. Длина более 90 метров вместо 44, подводная скорость — 16 узлов вместо 8, вооружение — 24 торпеды вместо 2, но главное — это возможная дальность похода 14000 миль вместо 3 400. Да и экипаж — не два десятка человек, как у «предшественницы», а восемьдесят.

В мае 1984 года новой лодке было присвоено имя «Новосибирский комсомолец».

Где только не пришлось ей побывать! В 1981 году лодка до того, как дойти до своего места приписки — города Полярный — и войти в состав Северного флота, успела послужить родине «сторожевой» службой в Средиземном море.

Потом, будучи «северной» по своей приписке, дежурила в Баренцевом и Норвежском морях. Дальше «Новосибирский комсомолец» работал во всех «горячих точках» беспокойного мира тех лет, демонстрируя «флаг державы». Это было и у западного побережья Африки, и в Северной и Южной Атлантике. «Новосибирский комсомолец» гонял подлодки НАТО по всему Баренцеву морю.

Неслучайно лодка стала «Лучшим кораблем эскадры» — было за что. Ей, слава Богу, не пришлось стрелять. Но «супостатам» она недвусмысленно показала — как она может выстрелить. Те, похоже, поняли.

А в феврале 1992 года заслуженную подлодку не то что обидели — оскорбили. У нее отобрали имя. 15 февраля 1992 года появился приказ ГК ВМФ № 07, вводивший в действие «Инструкцию о порядке присвоения действительных наименований кораблям и судам ВМФ, имеющим комсомольские наименования».

Спуск на воду подшефной подлодки «Новосибирский комсомолец», 1941 год

В соответствии с ним с 1 апреля 1992 года для подводной лодки Б-396 имя «Новосибирский комсомолец» было «упразднено».

В 1998 году подлодка была выведена из состава флота, с большими приключениями доставлена в столицу, поскольку ее мэр Юрий Лужков задумался о необходимости существования в Москве «Музея морского флота» и из средств мэрии оплатил транспортировку «Новосибирского комсомольца» в Москву. Так что наша подлодка стоит сегодня недалеко от Кремля.

Дизельная подлодка Б-401 «Новосибирск» до сих пор находится в составе Российского флота.

Перевернувшийся орден

«Что это за пьяные выходки! Я на вас жалобу подам! Коллективную!»

Х/ф «Иван Васильевич меняет профессию»

В начале 1990-х годов на декоративной стеле при въезде в центр города с улицы Большевицкой оторвался и повис вниз головой муляж одного из двух орденов Ленина, которыми награждена область. В сочетании с гордой надписью «Наша область — дважды орденоносная!» это было то еще зрелище.

Фразу «Ну вы, блин, даёте!» впервые я услышал именно тогда от одного из гостей города, пораженного таким «приветствием».

Пенсионеры-«управленцы» вздыхали: «От Афанасьева «привет» пришел!»...

Свой первый орден Ленина в 1956 году область получила «за освоение целинных и залежных земель». Сейчас уже

подзабылось, но «целинная эпопея» включала в свою орбиту не только Казахстан. В этот «национальный проект» (как сказали бы сейчас) попала и Новосибирская область.

Путь к ордену оказался вымощен изломанными судьбами и карьерами очень многих людей.

«Новосибирскую целину» первый секретарь обкома Иван Яковлев начал еще до объявления самой кампании. Всю войну он как второй секретарь обкома занимался вопросами организации «оборонки» на территории города и области и с задачей успешно справился. С 1949 года — первый секретарь. Правила аппаратных «игр» он тоже хорошо знал.

В частности то, что любая инициатива «сверху» должна быть не только немедленно выполнена, но и перевыполнена еще до выполнения. Иначе «наверху» не заметят и не оценят.

После сентябрьского (1953 года) пленума ЦК был объявлен курс на срочное усиление села городскими специалистами.

Из Новосибирска на руководящую работу в МТС (машинно-тракторных станциях) было отправлено 55 инженеров и техников. Яковлев торопил председателя Новосибирского горисполкома («мэра» по-нынешнему) Ивана Афанасьева: «Быстрей, больше!» Команда «Быстрей!» хороша при беге на короткие дистанции...

«Целинный набор», проводимый через обком, скорее напоминал мобилизацию. Людей неподготовленных, зачастую случайных, отправляли в село практически в приказном порядке.

В итоге за считанные недели под лозунгом «Город — селу!» отправили 610 новосибирских специалистов. Еще 547 поехали в село в качестве председателей колхозов, совхозов, начальников МТС. Итог? Неутешительный — 121 «городской» председатель колхоза и 286 инженеров и техников потеряли свои должности как «не справившиеся с обязанностями». И куда идти потом с такой характеристикой?

Но их судьба абсолютно никого не волновала. Как и результаты их абсолютно честной и добросовестной, но неудачной работы.

А ведь были еще и почти 6 тысяч комсомольцев, выехавших из города в село уже по «целинному» призыву. Студенты, молодые инженеры, техники...

Результат неорганизованной, «кавалерийской» кампании был катастрофическим. Труд новосибирских «целин-

ников» пошел прахом. Огромный выращенный урожай первого «целинного» года просто не смогли сохранить. На 1 января 1955 года в области нуждалось в просушке свыше 400 тыс. т зерна, в непригодных помещениях гнило еще 187 тыс. т., под открытым небом (!) — еще 140 тыс. т. В совместном постановлении Совмина и ЦК от 7 января 1955 года «О серьезных недостатках в деле обеспечения сохранности хлеба на заготпунктах «Заготзерно» область получила «по полной программе».

После этого должны были приниматься суровые «кадровые меры», но... В Новосибирске виновные были наказаны уже в день выхода постановления, и даже немного раньше.

Точнее — «главный виновный», «мэр» города Иван Афанасьев. Но официально пострадал он не «за целину», а... «за пьянку». Дальше начинается смесь реальности и городских легенд.

И. Цыплаков, «Краткая историческая энциклопедия Новосибирска»: «7 января 1955 года сессия горсовета освободила от обязанностей председателя горисполкома Афанасьева за появление на совещании в Совете Министров РСФСР в нетрезвом виде.

Кстати, по сложившейся тогда практике, Афанасьев, как не оправдавший доверия парторганов, был снят с поста... на бюро обкома партии еще 24 ноября 1954 года при рассмотрении фактов его непристойного поведения, а сессия лишь формально продублировала это решение».

Советских «мэров» до этого снимали, сажали и расстреливали как «троцкистов», «бухаринцев», шпионов всех мастей — от польских до японских. Но вот так... «за появление на совещании в Совете Министров РСФСР в нетрезвом виде»...

Это был единственный случай в истории страны.

Тем более что виновника происшествия «всего лишь» перевели на работу управляющим промышленным трес-

Улица Ленина, 1950-е годы

том. В «номенклатурной» среде устойчиво держался слух о том, что же случилось.

Что, дескать, действительно «тяпнул коньячку» новосибирский «мэр» перед тем совещанием. А когда кто-то из «москвичей» начал орать, что «новосибирцы городские» — косорукие, в селе работать не могут, всю «целинку» завалили, «мэр», как говорится, «взвился»...

И сказал в горячке многое. И про то, что новосибирцы в селе работают не покладая рук. И про то, что нельзя неподготовленных людей «швырять» на новое дело. И самое главное — высказался насчет того, что во всех провалах виновато руководство. Что самая большая вина на организаторах, у которых не то что руки — головы не из того места выросли.

Говорил эмоционально, резко и так, что «адресатом» критики могли себя воспринять разные люди. Яковлев — себя, Хрущев (которому подробно доложили о выступлении) — как организатор всей целинной кампании — себя. В общем, история с «выступлением Ельцина на октябрьском пленуме 1987 года» образца 1954 года.

Но фраза про «руки и головы», не из тех мест выросшие, очень долго передавалась как цитата. Ох, не к месту

Театр «Красный факел», 1930-е годы

был скандал Яковлеву, рассчитывающему на повышение!

И именно поэтому списали все «на пьянку».

Однако на Яковлеве-то все это никак не отразилось — он, по высшей категории номенклатурных игр, успел все отыграть и переиграть в свою пользу. «Разгромное» для него постановление Совмина и ЦК — «А-а! ...». А у нас уже готово «...пчхи!». Будьте здоровы!

Тем более, что частные недостатки устранены, а в целом...

В августе 1955 года, несмотря на кошмар с организацией «новосибирской целины», Яковлев, как большой «специалист-целинник», был переведен на «большую це-

лину» — вторым, а затем и первым секретарем компартии Казахстана.

Оттуда он и «лоббировал» получение областью «целинного» ордена. Сам и через своего шефа, которого он и сменил. Представительного такого человека с густыми бровями, который потом и труд фундаментальный про «целинную эпопею» издаст под одноименным названием. Его звали Леонид Брежнев.

Кстати, ни единой фразой его зам, а потом и преемник Яковлев там не упомянут. Приняв Казахстан от Брежнева, Яковлев удержался недолго — «слетел» в декабре 1957 года, карьера закончилась в должности председателя Омского горисполкома.

Аукнулся ему «растоптанный» новосибирский предгорисполкома Афанасьев, с которого и началась для него «целинная эпопея».

...А орден на стеле потом все-таки поправили.

Дважды пропавшие китайские «игрушки»

Сегодня китайскими товарами, в том числе игрушками, в городе никого не удивишь. Правда, зачастую большие нарекания вызывает качество товара. Таких нареканий в городе не слышали ни 70, ни 100 лет назад. Китайцы были, игрушки (и не только игрушки) были, а вот нареканий по качеству не было...

Лет сто назад в Новониколаевске, действительно, привозная китайская продукция была высочайшего качества — от многочисленных сортов чая до разнообразных тканей. Зеленый китайский чай, заваренный по всем правилам, можно было попробовать в китайской чайной Ван

Ху Сина, в самом центре города на Николаевском проспекте.

«С рук» широко продавались китайскими и корейскими ремесленниками-одиночками игрушки — китайские «фонарики» и бумажные цветы. Правда, в 1909-10 годах вокруг «китайских игрушек» разразился шпионский скандал. Руководитель китайской «торговой сети» кореец Ким Вон Чун был абсолютно случайно разоблачен как японский шпион. Устроился Ким оригинально — в Новониколаевске считали, что он постоянно проживает на станции Татарская, и по поводу документов не беспокоили, в Татарской были уверены, что Ким постоянно проживает в городе, и тоже ни о чем не волновались. Выяснилось, что он, в общем-то, не проживает нигде, хотя и в Татарской, и в Новониколаевске появляется регулярно (как и на других станциях Транссиба вплоть до Омска), и через сеть «игрушечников» (китайцев и корейцев) собирает и переправляет «за кордон» японцам сведения о военных перевозках по Транссибу.

Вскрылось это все только после того, как Ким Вон Чун при первых признаках интереса к своей персоне из Новониколаевска в марте 1910 года исчез. Вслед за ним испарились и многочисленные «игрушечники». Объявлять кого-то в розыск по словесным портретам было бессмысленно — все они выглядели «на одно лицо».

После начала Первой мировой многочисленные китайцы стали наниматься на работу вполне официально. Так, они строили (1914-1915 годы) Кулундинскую железнодорожную ветку до Купино. Местные вольнонаемные рабочие были призваны в армию. Китайцы получали намного меньше «местных», жили в палатках, основные работы выполняли вручную. Зато — аккуратно, качественно и быстро (за счет общего числа строителей).

Гражданская война в

России породила много мифов. В том числе о «зверствах китайцев — большевистских наемников». Всего в Красной Армии в те годы воевало как минимум около 40 тысяч «красных» китайцев (трудности с точным пересчетом понятны).

И «интернационалистами-добровольцами» их стали называть лишь годы спустя. Командарм Иона Якир («Воспоминания о Гражданской войне», М., 1957 г.) рассказывал: «На жалованье китайцы очень серьезно смотрели. Жизнь легко отдавали, а плати вовремя и корми хорошо. Да, вот так. Приходят это ко мне их уполномоченные и говорят, что их нанималось 530 человек и, значит, за всех я и должен платить. А сколько нет, то ничего — остаток денег, что на них причитается, они промеж всеми поделят. Долго я с ними толковал, убеждал, что неладно это, не по-нашему. Все же они свое получили».

И аккуратно, качественно и быстро проводили «красный террор».

Малоизвестно, но китайцы-наемники точно так же и на таких же «идейных» основаниях воевали и на стороне «белых». И — проводили «белый террор».

Про июль 1918 года, про формирование в зоне КВЖД «Временного правительства России» во главе с генералом

Универмаг ЦРК (Центральный Рабочий Кооператив), 1930-е годы

Хорватом вспоминал позднее заместитель военного министра в «правительстве Колчака» барон Будберг: «Приехавшие с «восточного фронта» с увлечением рассказывают, как расправлялись победоносные харбинские спасители с непокорным населением и как отдавали на расправу наемным китайским солдатам захваченных большевиков...

Карательные отряды составлены, как на грех, наполовину из китайских хунхузов (наемников. — А. К.). Вместо закона, порядка и хлеба новаявластная власть принесла с собой населению порку, сожжение деревень, расстрелы и насилия».

Собственно, принятие на себя обязанностей Временного верховного правителя России Александром Колчаком в ноябре 1918 года и было попыткой прекратить бардак в рядах «белых».

Несмотря на все трудности, никаких китайских наемников-«интернационалистов» в Сибирской армии Колчака не было с первого и до последнего дня.

Кстати, на весь Новониколаевск в середине 1918 года насчитывалось менее 300 китайцев: поваров, ремесленников, мелких коммерсантов, чернорабочих. Это на 73 тысячи человек городского населения.

Война закончилась, а китайцы — уже в Новосибирске — остались. Больше того, в связи с перманентными войнами в самом Китае количество их в нашем городе только увеличилось.

А вот в их положении, по воспоминаниям новосибирцев о 1920-30-х годах, мало что изменилось со времен постройки Кулундинской ветки. Вспоминая китайцев в городе в те годы («Мой Новосибирск», Н., 1999 год), старожилы-новосибирцы говорят буквально чуть ли не одними и теми же словами.

Алексей Тростонецкий: «...В Новосибирске было много китайцев. Это была городская трудовая беднота».

Раиса Бриллиантова: «Китайцы были очень бедные, несчастные, оказавшиеся на обочине жизни люди. Их было очень много в нашем городе».

Иван Сушков: «...Был еще и Китай-город. Находил он в устье реки Тулы... Жили китайцы в вырытых на склоне Оби землянках. Беднота! Грязища!»

Вспоминают бродивших по городу китайских умельцев — сапожников, чинивших обувь «на глазах» у потребителей. Бродячих продавцов древесного угля (незаменимая вещь для растопки печей!). А также пирожки, которыми обитатели Китай-города торговали враз-

нос. Их пекли и в самом Китай-городе, и у городского деревянного цирка (в районе нынешней пл. Кондратьюка). Здесь изделия пекли прямо на глазах у прохожих, на маленьких печечках на тележках.

Часто вспоминают «китайские огурчики» из поселка Огурцово: «Поселок потому и получил свое название, что там на овощных плантациях трудились китайцы, получавшие фантастически высокие урожаи, в том числе и самых ранних огурчиков».

И, конечно, старожилы (бывшие тогда «малолетками») все как один вспоминают китайские игрушки. «Китайцы торговали на рынке хорошенькими игрушками: фонариками, разноцветными шариками, веселыми человечками, крутящимися через переключинку, другими забавами».

«На ступеньках горисполкома велась оживленная торговля... Высокое крыльцо облюбовали китайцы. Десятки худеньких фигурок продавали игрушки. В их руках прыгали разноцветные шарики, пестрели фонарики и веера, кувыркалились деревянные гимнасты, двигались фанерные медведи.

Все это богатство полыхало яркими красками и притягивало взгляды ребят, словно магнитом».

Китайцы, в чем сходятся все старожилы, пропали из города перед Великой Отечественной войной (по крайней мере, в период войны их присутствия уже не было заметно).

Красный проспект, 1960-е годы

Перед их исчезновением прошла волна слухов. Дескать, дети начали пропадать...

Вообще-то, безнаказанные слухи — вещь уникальная для «централизованных во всем» 1930-40-х годов. К тому же, слухи пошли уже после того, как китайцы пропали, и их пропажу надо было как-то объяснить. За слухи никого не преследовали, что поощряло их распространение.

Просто на восточных границах было более чем неспокойно, а китайцы все — на одно лицо, а «шпионская история» с китайскими игрушками 1910 года не казалась чем-то далеким.

Китайцев аккуратно, тихо и быстро под разными предлогами «выдавили» на родину. И игрушки китайские пропали. Те — красивые, качественные! Куда до них их сегодняшним собратям...

Первая школа в поселке Новониколаевском. Основана по инициативе инженера-путейца и общественного деятеля Г. Будагова в 1893 году

«Игрушечный» город

Детская игрушка — казалось бы, совсем несерьезное дело. Однако не будь игрушек в Новониколаевске — мировая история развития ткацкого дела могла пойти совсем другим путем, и дети никогда не узнали бы про существование Винни-Пуха.

Не будь игрушек в царских покоях Зимнего дворца — и Новониколаевска вообще могло бы не быть.

А дискуссии 1930-х годов о выпуске игрушек в Новосибирске привели, в конце концов, к очень даже нешуточному зимнему поражению гитлеровских войск под Москвой в 1941 году.

У цесаревича Николая, будущего Императора всея Руси Николая II, игрушек в детстве было много. И дере-

вянные коняшки на колесиках, и кони «на палочке», трубы, барабаны, куча оловянных солдатиков...

Однако была у цесаревича и любимая игрушка — жутко дорогая (154 рубля, корова тогда стоила максимум 15 рублей), выписанная из Германии игрушечная заводная железная дорога.

Она была в точности как настоящая, только заводилась специальным ключиком. Были рельсы, станционные будки, поезд с вагонами трех классов и паровозом. Был мост через речку — контурами до боли похожий на будущее творение профессора Николая Белелюбского, последний пролет которого сохранен сегодня как памятник на берегу Оби. Достаточно было завести игрушку ключиком — и все приходило в движение.

Громыхали по стыкам рельсов вагоны мини-поезда, поднимались и опускались семафоры, из будок выходили зрители и давали отмашку жестяными флажками, и поезд шел через мост к очередной станции.

Игрушка цесаревича не сохранилась — осталось лишь несколько не очень четких фотографий будущего последнего Императора на ее фоне.

Зато другое, отнюдь не «игрушечное» дело Николая II еще как сохранилось.

То ли вспомнив о детских «игрушечных» пристраст-

тиях наследника, то ли по каким иным причинам, но 17 марта 1891 года последовал указ отца, Александра III, адресованный сыну, прибывающему во Владивосток после морского путешествия по восточным странам: «Повелеваю ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей целью соединить обильные дары природы сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений. Я поручаю Вам объявить таковую волю мою...»

Цесаревич, а впоследствии государь Николай был, таким образом, официально назначен «патроном» крупнейшего для России в то время «национального проекта». 19 марта того же года цесаревич Николай Александрович отвез первую тачку земли на полотно будущей дороги и заложил первый камень в здание Владивостокского железнодорожного вокзала.

Так начинался Транссиб, благодаря которому наш город и стал городом. И мост, и станционные смотрители, и флажки в их руках спустя совсем небольшое время стали совсем не бутафорскими.

Города у моста, правда, на игрушечной железной дороге цесаревича не было, но жизнь внесла свои коррективы. А начиналось-то все просто — взял ключик, завел... Всего лишь игрушка, — пусть даже дорогая и любимая. Воплощенные в реальность детские грезы превратились в новый «город у моста», единственный в России получивший имя в честь Николая Александровича.

Через станцию Обь при Новониколаевске отбыл в эмиграцию в Северо-Американские Соединенные Штаты (так они тогда назывались) в 1901 году колыванский мещанин Михаил Мишим, проживший у нас в городе перед отъездом несколько месяцев.

Тогда это было обычным делом, не имеющим никакого отношения ни к какой политике — езжай, куда хочешь и живи где нравится. Обзавелся женой Роуз, взял в качестве приданого магазин игрушек в Нью-Йорке и стал по «американской» версии Морисом Митчмом (просто потому, что так записали его фамилию латиницей в Бюро по эмиграции).

Через год случился казус — президент САСШ Теодор Рузвельт на охоте пощадил медвежонка, что стало темой для множества карикатур (много позже с премьером России Виктором Черномырдиным ситуация случилась с точностью до наоборот).

То ли вспомнив свою почти «медвежью» русскую фа-

милию, то ли просто поддавшись эмоциям, новониколаевец и ново-йорковец Миша-Морисизготовил и поместил в витрине рядом с карикатурой на президента игрушечного медвежонка, сшитого из первого подвернувшегося под руку материала.

Под руку подвернулся дешевый плюш. Таких «медведей» в Сибири шили из ситца, набивали либо ватой, либо сеном, продавались они по 1-2 копейки.

К 1903 году названная по имени президента «медвежонком Тедди» игрушка стала настолько популярна, что г-н Митчм основал специальную кампанию по производству «мишек». Правда, по своей врожденной российской безалаберности не запатентовал ни саму игрушку, ни ее название. «Мишек» стали выпускать все кому не лень — только в Европе было более 40 специализированных «мишечных» компаний.

Плюшевый «мишка» стал литературным героем — первую книгу о его приключениях еще в 1907 г. написала американская писательница Винни Склотт, а наибольшую известность получили произведения на «плюшево-мишечную» тему англичанина Алана Милна. Героем был ни кто иной, как Винни-Пух (вполне возможно, что совпадение его имени с именем первой бытоописательницы этой темы было простой случайностью). Популярность «мишек» заставила производителей выпускать для их производства более дорогие виды плюша.

В конце 30-х годов «мишки» стали первыми массовыми заводными игрушками, в середине пятидесятых —

первыми игрушками на батарейках и первыми «говорящими» игрушками. Видимо, популярность Винни-Пуха сыграла не последнюю роль в выборе талисмана для Олимпийских игр в Москве 1980 г.

Кольцо замкнулось — какого еще экзотического для всех зверя мог вспомнить сибиряк в Нью-Йорке и какое, кроме медведя, животное смогло бы перед всем миром олицетворять Россию? Экзотическое — и в то же время для Запада в качестве «медвежонка Тедди» и Винни-Пуха вполне привычное.

Он «плакал» на Олимпийском стадионе в Лужниках и улетел на воздушных шарах неведомо куда. Над телетрансляцией рыдал буквально весь мир — даже бойкотировавшие Олимпиаду Соединенные Штаты Америки (так они назывались уже по-новому). В 2003 г., в год 110-летия Новониколаевска — Новосибирска, коллекционный экземпляр «медвежонка Тедди», произведенный в начале 1930-х годов, был продан на аукционе в Нью-Йорке за

рекордную сумму — 90 тыс. долларов.

А в Новониколаевске, ставшем уже Новосибирском, в 1930-е годы вокруг игрушечных «мишек» кипели нешуточные страсти.

Журнал «Красная Сибирячка», орган отдела агитации и массовых кампаний Запсибкрайкома ВКП(б) в декабре 1931 г. с возмущением писал: «В Новосибирской мастерской Сибдеткомиссии делают по-прежнему пучеглазых кукол, трухлявых мишек, подражая моделям былых времен. Дети требуют других, производственных игрушек, которые удовлетворяли бы их любопытство, помогали развивать сообразительность».

Ни о каких «мишках Тедди» в Новосибирске не слышали — здесь, по традиции, шили своих «мишек».

Газеты «шитых» «мишек» очень даже критиковали: «Получив игрушку от матери, ребенок боится притронуться к ней, у ребенка пропадает всякий интерес к этой игрушке, которую надо беречь, за которую ему может

Станция Обь (река Каменка и левый берег), начало 1900-х годов

здорово попасть от матери, если игрушка вдруг «нечаянно» окажется разорванной пополам... Ребенок будет очень разочарован, когда найдет опилки или вату в кукольной голове».

Фабрику игрушек «Пионер», созданную в Новосибирске в 1934 году, упорно пытались перевести на выпуск елочных игрушек из папье-маше (благо елки с 1935 года снова разрешили ставить под Новый год) и «развивающих игрушек» — конструкторов из обрезков металла, гаек и болтов.

А «игрушечники» Новосибирска все-таки упорно шили набивных «мишек». И в 1941 году фабрика оказалась очень даже востребована. Из специалистов по по-

шиву «мишек» получились специалисты по шитью ватников, телогреек, ватных брюк и рукавиц. Благо, на фабрике все-таки не успели завести специалистов по «развивающим игрушкам» типа современных «Лего».

Вся продукция шла непосредственно под Москву, в действующую армию. «Игрушечники» Новосибирска согревали тех, кто отстоял столицу страны. И согревали их совсем не «по-игрушечному» — по-настоящему.

«Лего» 30-х годов в подмосковных окопах 1941-го было никому не нужным. А вот «мишкины рукавички» из Новосибирска были очень даже к месту.

«Игрушечные истории» города остались в его истории. Хотя история города — совсем не игрушки.

Станислав Савченко

Новониколаевск — Новосибирск в открытках

Иллюстрированную открытку в России стали выпускать с 1895 г. Текст помещался на изображении, а адрес — на оборотной стороне. В 1905 г. была введена разделительная черта, что позволило писать текст и указывать адрес на одной стороне открытки.

На лицевой стороне большинства известных открыток размещена надпись, в которой указывались серия и порядковый номер сюжета в ней, название населенного пункта, принадлежность его к той или иной губернии, наименование улицы или площади, памятника или сооружения. Зачастую эта информация дублируется на иностранном языке. Официально циркуляром Главного управления почт и телеграфов № 4 от 12 января 1908 г., «открытое письмо» с 1 мая 1908 г. было переименовано в «почтовую карточку».

Поражает количество дореволюционных открыток нашего небольшого города, имевшего уездный статус — около 350 различных видов, а с учетом повторов одних и тех же негативов в разных изданиях общее количество достигает 600. Можно смело сказать, что это рекорд для уездных городов Российской империи (например, видов Барнаула издано 200, Бийска — 50, Каинска — 50, Камня — 30).

Конечно, город был популярен, но и энтузиазм издателей был высок. Однако необходимо отметить чрезвычайную редкость большинства видовых открыток Новониколаевска, об этом говорят все коллекционеры Москвы и Петербурга — городов, где сосредоточен основной массив всех дореволюционных открыток России.

Начиная с 1902 г. открытки с видами Новониколаевска выпускаются в центральных и местных издательствах большими сериями.

Альбом видов Новониколаевска, отосланный издателем Николаем Литвиновым в Томск для рассмотрения цензурой (как указано на печати, отдельным цензором по внутренней цензуре г. Томска) с сопроводительным комментарием. 1904 год

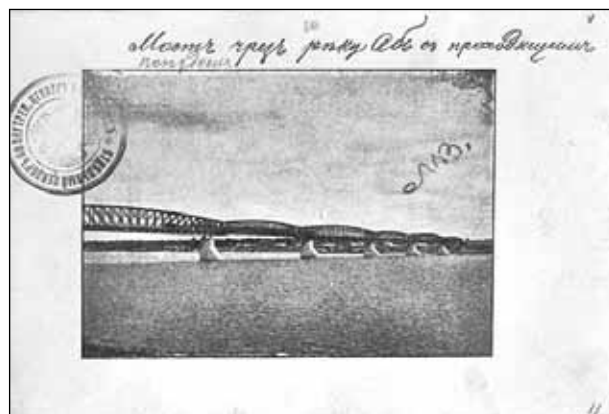

графов, сохранивших потомкам эти редкие картины прошлого. Известен автор только одной из серий, выпущенных Н. П. Литвиновым. Это П. Овчин, владелец одного из фотоателье Новониколаевска, которое, как свидетельствует «Справочник по городу Ново-Николаевску», в 1912 г. располагалось в собственном доме на улице Дворцовой (Революции). Второе фотоателье принадлежало г-ну Пожидаеву и находилось по адресу: улица Гудимовская (Коммунистическая), 14.

Высокий профессионализм и творческое чутье фотографов-мастеров в выборе композиции кадра, отборе деталей делают большинство открыток настоящими произведениями фотоискусства. Несмотря на раннюю стадию развития фотодела и типографской печати, нас и сегодня поражают четкость и тонкость изображения, качество этих миниатюрных печатных изданий. В начале XX в. они изготавливались способом фототипии — плоской печати. Очень интересны открытки, исполненные в технике *real foto*, отсюда их малотиражность и редкость. Это известная и редчайшая серия «Пожар 1909 года», серия «После пожара», ценнейшая фотолетопись событий 1917 — начала 1918 г. В последнем случае мы знаем имя автора — эти события увековечил Д. Багаев. В этой же технике исполнена малоизвестная и малоизученная серия, выпущенная чешским воинским корпусом в Сибири в 1919 г.

Многочасные открытки печатались способом трехцветной фототипии с трех печатных форм (для желтой, красной и голубой красок). При последовательной печати с этих форм на открыточном картоне получалось цветное изображение.

Очевидно, что достаточно много интереснейших открыток, связанных с историей нашего города, еще не найдено. Прежде всего это «событийные» открытки. Например, Русско-японская война отмечена всего одним видом «Съестные лавки, возникшие в военное время»; неизвестны открытки, посвященные празднованию столетнего юбилея войны 1812 года, 300-летию юбилею Дома Романовых, началу Первой мировой войны и многим событиям местного масштаба (гастроли певицы Анастасии Вяльцевой, приезд поэта Константина Бальмонта). Как известно филокартистам, эти события отмечались выпуском открыток. Существует даже открытка, посвященная показу кинофильма с участием Макса Линдера в электро-театре Ф. Махотина.

В первые годы Советской власти в нашем городе обращалась серия 1918 г., изданная Контрагентством Ц.И.К. С.С.Р. и К.Д., представляющая собой низкокачественный повтор суворинской серии 1917 г. В 1925 г. Истпартотдел Сибкрайкома ВКП(б) издал буклет из 8 (?) открыток, посвященный жертвам белогвардейцев и подвигам партизан (в полном виде неизвестен).

Бурное развитие города, многократно сравниваемого с Чикаго, отразилось в большом количестве довоенных открыток, — и здесь нам опять повезло: высокое мастерство новосибирских фотографов показало их любовь к городу и восхищение его новым обликом. В Москве были изданы две большие серии видов Новосибирска по 30 открыток, и простое сравнение их с новосибирскими говорит о более высоком уровне «наших» фотографов. К счастью, мы можем назвать их имена: Акмолинский, Г. Белянин, М. Зильберштейн, П. Кудров, Н. Мелихов, Н. Морген, В. Мясников, Ничипорук, Пригожин, Прохода, Чернов, Циклинский.

Запечатленные ими новые здания предстают перед нами в первозданном, торжественном, задуманном архитекторами виде (большинство из них сейчас перестроено).

Отдельной строкой нужно отметить 80 фотооткрыток работы Ивана Моторина — лучшего из фотохудожников города предвоенного периода. Он начал снимать Новониколаевск еще в дореволюционные годы. Этим мастером сделаны редкие сейчас открытки на политические темы: первомайские и октябрьские торжества, выступления первого председателя Сибирского крайисполкома Р. И. Эйхе на пленумах и т. п. Работал И. Моторин до 1970-х г. Его огромный архив распылен по государственным и частным собраниям.

Довоенные открытки выпускались Западно-Сибирским краевым советом ОПТЭ (Общества пролетарского туризма и экскурсий), издательством Новосибирского общества «Друг детей», типографией «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», Новосибирской фотомастерской Запсибтреста «Роскино», фотопредприятиями Запсиботделения Госкино, Запсиботделением «Союзпечать», издательством Новосибирского отделения «Союзфото» и другими.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткая история новосибирского самиздата

Дипломная работа Алексея Кретинина (Новосибирский государственный педагогический институт, исторический факультет, 1993 г.)

Автор хочет от всей души поблагодарить

— сотрудников Новосибирского УКГБ, без чьего вмешательства в жизнь студента-разгильдяя в 1984 г. не появился бы в Новосибирске «независимый журналист» и активист ряда политических организации некто А. Кретинин;

— их же — за любезные согласия на интервью в 1992-93 гг.;

— бывшего политзека, а ныне народного депутата РФ А. Мананникова, без которого путь автора в Самиздат был бы намного длиннее;

— бывшего политзека, а ныне председателя Фонда «Гласность» и редактора журнала «Гласность» Сергея Григорьянца — без которого автор работы вряд ли превратился из самиздатчика в журналиста;

— сотрудников видеогруппы «Гласность», сотрудников «Аэрофлота», солдат и офицеров ВВ в зонах конфликтов, активистов дем- и нацдвижений в Тбилиси, Ереване, Вильнюсе, Баку, Степанакерте, Шуше, Мардакерте, Риге, Таллинне, а также организаторов конфликтов на бывшей территории бывшей страны — без них автор вряд ли смог бы посмотреть на изнанку красивых лозунгов и слов;

— преподавателей НГПИ, благожелательно терпевших автора в стенах вуза в течение 6 лет и сумевших многому его научить;

— родителей моих, друзей моих — которые терпели, ждали и помогали.

Без всех вас не было бы этой работы.

А. К.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Новосибирский самиздат 1987-90 гг. как составная часть оппозиционного движения и фактор формирования гражданского общества.

Гл. 1.1. Понятийный аппарат работы.

Гл. 1.2. «Внутриутробный» период новосибирского самиздата (1987-88 гг.).

Гл. 1.3. Период «независимой печати» – полупрофессиональной негосударственной прессы (1989-90 гг.).

Гл. 1.4. Крах идеологизированной «независимой прессы» (1990 г.).

Гл. 1.5. Заключение. Новосибирский самиздат 1987-90 гг. как объект социо-психологического исследования.

ЧАСТЬ 2

Опыт использования самиздата в преподавании общественно-политических циклов на материале по истории общественно-политических движений в стране 1960-90 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приложение 1. Библиография новосибирской независимой печати.

Приложение 2. Новосибирские независимые издания, прошедшие каталогизацию в «Справочнике периодического самиздата».

Приложение 3. Способ и место печати независимых изданий Новосибирска.

Приложение 4. Тиражи новосибирских независимых изданий.

ВВЕДЕНИЕ

Ставшая расхожей поговоркой цитата «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», как убеждаемся на собственном опыте, актуальности не теряет. Наступающая на пятки ученых и педагогов, происходящая на глазах история требует осмысления ежедневно происходящих событий уже сегодня, не откладывая это в долгий ящик.

Осмысление истории необходимо не только в сугубо научных целях – оно также необходимо в целях педагогических, в рамках образовательных структур. Помимо канонического «государственного» курса истории существовал и существует «параллельный» исторический пласт, который можно назвать «коллективной памятью» и который порой радикально отличается от официального курса. Преподавание современной истории и политологии в контексте страны, стоящей «на переломе», в контексте ежедневно, ежеминутно меняющихся событий и представлений, должно, по мнению автора, строиться на стирании граней между научной историей и коллективной памятью, на попытках свести

воедино два эти параллельные потока знаний и информации. Сверхзадачей при этом является не только осознание дня вчерашнего в свете новых знаний и категорий, но и получение объективного представления о дне сегодняшнем.

Довольно успешная попытка «параллельной канонизации» параллельной истории (коллективной памяти) была предпринята в частности, в Польше, где в рамках параллельного (гражданского) общества действовала сеть так называемых «Вольных университетов» для слушателей разного возраста и социального положения (школьники, студенты, рабочие, активисты оппозиции).

Преподавательский состав «Вольных университетов» и «Товарищества рабочих университетов» формировался в основном из числа преподавателей польских вузов, разделявших идеи оппозиции. Участники этих семинаров, таким образом, получали два «официальных» разнополюсных курса истории, что подготовило психологическую и образовательную базу для будущей многомиллионной «Солидарности». По разным оценкам, в системе «Вольных университетов» с 1978 по 1980 гг. курсы польской истории прослушали около 200 тыс. чел. (что для 30-миллионной Польши является циф-

рой просто гигантской) (17, с. 42). Большинство слушателей позднее активно проявили себя в рамках движения к «гражданскому обществу» в Польше. Как отмечал один из лидеров «Солидарности» Збигнев Буяк, «с выпускниками «Вольных университетов» мы гораздо быстрее находили общий язык, чем с теми, кто пришел на фанатизме голого отрицания всего и вся. Эти люди (выпускники) прекрасно осознавали не только то, «куда идем», но и «кто мы, откуда мы». Ну, а без такой базы никакое сознательное движение к реформам, по-моему, просто невозможно». (12, с. 118).

Таким образом, преподавание истории людям, в нее включенным, помогало им не только понять прошлое, но и осознать современность. По мнению автора данной работы, подобное «включение в современность» истории крайне необходимо сегодня и сейчас в этой стране. Этого включения можно достичь введением в курсы истории и политологии (обществоведения) анализа происходящих событий.

Данную работу, таким образом, можно рассматривать не только как попытку исторического исследования, но и как возможную базу для разработки курсов преподавания некоторых аспектов истории общества последнего десятилетия в старших классах, а также в рамках преподавания политологии.

У автора имеется определенный опыт преподавательской работы с использованием материала, ставшего основой настоящего диплома. За период с 1987 г. по настоящее время этот опыт состоит из:

1. Курса лекционно-семинарских занятий «Теория и практика сибирского самиздата (1987-89)», Московская школа Профсоюза независимых журналистов, декабрь 1989 г.;
2. Курса лекций «История правозащитного движения в СССР (60-90 гг.)», «Вольный демократический семинар», Фонд молодежной инициативы Новосибирска, февраль—апрель 1990 г.;
3. Лекций по истории дем. движения СССР (60-90 гг.), 10-я школа-гимназия Новосибирска, 11 класс, март 1992 г.;
4. Цикла занятий «Общественные движения в СССР 1960-1990 гг.», НГПЛ, план – апрель-май 1994.

Кроме этого, автор в качестве участника и содокладчика принимал участие в ряде теоретико-практических конференций: «Советский самиздат: пути развития», Москва, ноябрь 1989 г., Исследовательский центр М-БИО; «Независимая пресса России: вчера и завтра», Москва, май 1990 г., Исследовательский Центр «Freedom House» (США) совместно с Независимым институтом социально-политических исследований (Москва); «Будущее страны», Вильнюс, ноябрь 1990 г., Исследовательский отдел «РС-РСЕ», «International

Resistance» (США), Фонд «Гласность» (Москва), Аналитический центр «Саюдиса» и т.д.

При написании содержательной части данной работы автором использовались материалы архивов Исследовательского центра М-БИО, Исследовательского отдела «РС-РСЕ» (Мюнхен, Германия), частных архивов А. Суетнова (Москва), С. Григорьянца (Москва), А. Даниэля (Москва), А. Сальникова (Новосибирск), А. Сабурова (Новосибирск), а также архива автора. Кроме этого, были использованы записи интервью с редакторами ряда новосибирских независимых изданий, бывшими сотрудниками НО УКГБ, активистами демократического движения Новосибирска 80-х гг., а также личные воспоминания и практический опыт автора – с одной стороны, как автора и редактора ряда независимых изданий Москвы и Новосибирска, активиста демдвижения 80-90-х гг., с другой стороны – как преподавателя, пытавшегося использовать полученный опыт и накопленный материал не только и не столько в процессе собственно преподавания, сколько в процессе формирования активной и независимой гражданской позиции людей – посредством как преподавания, так и, не в последнюю очередь, межличностного общения.

Содержательная часть данной работы разбита на 5 частей: введение в тему; 3 части – рассмотрение предмета исследования (новосибирского самиздата) по периодам (подробнее о периодизации – в ч. 2.1); попытка социо-психологического анализа самиздата на новосибирском материале. Кроме этого, в качестве самостоятельной части, в работу включена методическая часть, основанная на опыте использования автором материала данной работы в преподавательской деятельности.

Отдавая себе отчет в огромном количестве существующего материала по истории самиздата и демдвижения 80-90-х гг., пока не включенных в научный оборот, автор рассматривает данную работу не как всеобъемлющее и претендующее на полноту исследование, а, скорее, как первую попытку прикоснуться к сложной и непростой теме.

ЧАСТЬ 1

НОВОСИБИРСКИЙ САМИЗДАТ 1987-90 гг. КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

1.1. ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ РАБОТЫ

Термин «гражданское общество» практически с начала перестройки занял прочное место в советской и российской политической публицистике. Отсутствие такого общества в СССР стало одной из причин публицистического объяснения практически всех бед в истории советского периода. Отсутствие такого общества называлось в качестве одной из причин возможной неудачи реформ. В возникновении первых зачатков «гражданского общества» усматривались обнадеживающие признаки того, что реформы в этой стране все-таки возможны. Можно привести большое количество примеров употребления публицистами этого термина, но можно ограничиться и двумя-тремя, пусть не самыми характерными, но вполне обыденными, привычными: «Говоря о проведении экономической реформы, нельзя не напомнить, что реформа не сдвинется с места, если будет проводиться в вакууме, при отсутствии гражданского общества – тех самых людей, которые эту реформу способны провести» (В. Селюнин. «...И тогда реформа пойдет», «Гласность», № 22, 1989 г.); «В светлых лицах пареньков-школьников на демократических митингах, в студенческих пикетах, в свободолюбии (порой нарочито-показном) рок-тусовки видим то, чего была лишена страна, что вызревало в ночных бдениях «шестидесятников» на московских кухнях – гражданское общество, будущее России» (А. Нуйкин, «Пришло новое время», «Гласность», № 22, 1989 г.).

Налицо явная необходимость определиться в терминах. Польский философ Лешек Колаковский, один из авторов концепции «гражданского общества», так определял предмет своих исследований: «Мне представляется, что граждан-

ское общество можно описать как целостную систему независимых от государства самоуправляющихся объединений суверенных индивидов и свободно устанавливаемых связей между ними. Духовной основой этого общества является гражданское самосознание – ответственность личности и одновременно способность к гражданскому неповиновению во имя защиты своих прав и свобод» (8, с.31). Мысль понятна – в отличие от системы тоталитарного государства (в рамках которого не имеют смысла ни термин «общество», ни термин «общественное мнение»), осуществляющего тотальный контроль и тотальное управление всеми сферами жизни, гражданское общество предполагает выражение воли граждан через государство, основной функцией которого становится защита гражданских прав и свобод. Не «народ для государства», а «государство для граждан». Речь шла о формировании внутри тоталитарного общества – общества «параллельного», основанного на демократических началах – которое, в конце концов, должно было «вытеснить» тоталитаризм.

Одним из важнейших факторов формирования «гражданского общества» идеологами этой модели общественно-го устройства признается независимая пресса, в условиях тоталитарного общества и тотальной цензуры существующая в виде самиздата. Независимость прессы служит гарантией права граждан на получение объективной информации о жизни общества, и, таким образом, своеобразным гарантом контроля за действиями ответственных перед обществом органов управления. Можно привести широко цитируемое (и не утратившее от этого своей уникальности и самодостаточности) высказывание одного из «отцов-основателей» Конституции США Томаса Джефферсона: «Так как основой нашего правительства является мнение народа, то охрана этого права является нашей главной целью; и если бы мне было предоставлено решить, должны ли мы иметь правительство без газет или газеты без правительства, я бы, ни минуты не колеблясь, предпочел последнее».

Термин «самиздат», впрочем, как и большинство терминов, имеет несколько общепринятых значений. С начала 60-х годов под «самиздатом» понимались преимущественно литературные произведения, которые по тем или иным причинам (в основном – идеологическим) не могли быть опубликованы в официальных издательствах и приходились в машинописных, а порой и рукописных копиях. Изобретателем слова «самиздат» принято считать московского поэта Николая Глазкова, который на самодельных «книжках» своих стихов в том месте, где обычно ставятся выходные данные, ставил метку «сам-себя-издат» (своеобразно пародируя названия крупнейших издательств стра-

ны «Госиздат» и «Политиздат»). В литературном «самиздате» по стране, преимущественно в среде научной и технической интеллигенции, расходились не только произведения современных авторов, но и «переиздания» книг, изъятых из «официальной» литературы – произведений Булгакова, Ахматовой, Пастернака, Бабеля, Мандельштама и т.д. Кроме того, с появлением первых оппозиционных режиму групп значение термина «самиздат» распространилось на расходившиеся по неофициальным каналам заявления, обращения и прочие документы оппозиционеров.

Позднее к этим документам присоединились самостоятельные произведения, не столько литературного, сколько «политического» и «хроникального» направления – стенограммы судов по политическим делам (первой из них стала стенограмма суда над ленинградским поэтом Иосифом Бродским, обвиненным в «тунеядстве», сделанная корреспондентом «Литературной газеты» Фридой Вигдоровой), статьи на злободневные политические темы, хроника событий, письма политзеков из тюрем и лагерей.

С конца 1968 г. эти документы стали использоваться в русскоязычных передачах «Голоса Америки», «Би-Би-Си», «Немецкой волны», «Голоса Израиля», а также «Радио Свобода», широко публиковаться в западной печати. С декабря 1968 г. у диссидентов (так вслед за западными СМИ стала именовать инакомыслящих советская пропаганда) появилось свое информационное издание – «Хроника текущих событий», выходившая с перерывами (обусловленными арестами постоянно сменяющейся редакции) до конца 1983 г. С 1982 по 1984 г. на смену «Хронике» пришел «Бюллетень «В» («Бюллетень «Вести»», издание которого было прекращено после полного ареста редакции в январе 1984 г.

Термин «самиздат», расширив свое первоначальное значение, стал применяться для определения неофициальных (выпущенных нелегальным или полулегальным путем) изданий. Именно в этом значении термин «самиздат» будет применяться в данной работе.

С 1987 г., после объявления амнистии политзаключенным и общей либерализации режима на территории СССР появляется большое количество неофициальных изданий (чаще для их описания применяется определение «независимая печать»). По данным московского библиографа Александра Суетнова, профессионально занимающегося классификацией и описанием самиздата, в 1987 г. на территории страны появилось 32 независимых издания, в 1988 – еще 74, в 1989 г. – 382 (!) (32, с. 8).

Официальные органы и пропаганда резко критиковали появление самиздатовской периодики, практически против всех редакций применялись явные и полуживые методы дав-

ления (от изъятия тиражей, погромов редакций – редакцию московского журнала «Гласность» громили сотрудники милиции в присутствии прокурора, уголовное дело по факту трех поджогов редакции газеты «Панорама» было прекращено – до избияния сотрудничающих с самиздатом авторов, лишения их официальной работы, исключения из вузов и т.д.), но тем не менее официально самиздат не был запрещен и сыграл свою роль как в формировании «гражданского общества» в СССР, становления и развития новых политических партий и движений, так и в формировании нового для СССР типа журналистики, близкого к общепринятому в мире.

Самиздат послужил мощнейшим катализатором процессов формирования негосударственных политических организаций и движений на территории бывшего СССР. Основное количество самиздата выходило в городах – центрах политической активности.

По сведениям А. Суетнова, Новосибирск по количеству самиздатовских изданий вошел в «десятку» городов с наибольшим их числом – Москва, Ленинград, Минск, Киев, Рига, Львов, Вильнюс, Свердловск, Новосибирск, Саратов. Если отбросить столицы ныне независимых республик и пересчитать данные для России – то Новосибирск занимает четвертое место по «самиздатовской» активности, оставляя позади Горький, Красноярск, Пермь, Псков, Ярославль. Четыре из 17 отмеченных в каталоге новосибирских изданий («Вестник ДД», «Пресс-бюллетень СиБИА», «Северный телеграф» и «Сибирский курьер») вошли в список «рекомендованных составителем» изданий (что говорит о высоком уровне публиковавшихся материалов). Для сравнения: из 161 включенного в список издания, 60 – московские, 26 – ленинградские, 24 – «ближнее зарубежье» (СНГ и Прибалтика) (32, с. 11).

На примере самиздата можно легко проследить общественно-политические процессы, происходившие в стране, так как самиздат не только явился одним из мощнейших их катализаторов, но и одновременно отображал их на своих страницах. Таким образом, самиздат можно рассматривать не только как источник информации по новейшей истории страны, но и как факт этой самой истории. Особенно ярко эта двойная роль самиздата прослеживается на местном (в данном случае – новосибирском) материале.

По мнению автора, процесс появления и развития новосибирского самиздата можно разбить на три периода:

1) «камерный», «внутриутробный» – когда первые издания выходили тиражами до 50 экз. и использовались в основном для внутреннего употребления в неформальных группах;

2) период «независимой прессы» – период расцвета самиздата, выхода его на широкий круг читателей;

3) крах «идеологизированного» самиздата, потеря им «массового» читателя.

Легко убедиться, что предложенная автором периодизация самиздата органично ложится на общую картину общественно-политической жизни страны 1987-1990 гг.: появление первых неформальных групп, выработка ими собственных идейных платформ и установок, затем – мощный всплеск социальной активности, появление на базе этих групп массовых движений и «фронтов», и как итог – реформация движений в малочисленные по списочному составу политические партии парламентского типа, строящиеся по западному образцу (в США, например, численность Демократической партии составляет всего... 9 тыс. официальных активистов при отсутствии фиксированного членства – что не мешает «демократам» регулярно приводить своих ставленников в Белый дом).

Таким образом, на примере самиздата можно рассмотреть и проследить процессы, характерные в 1987-90 гг. для общественно-политических движений в целом.

1.2. «КЛУБНЫЙ» ПЕРИОД НОВОСИБИРСКОГО САМИЗДАТА (1987-88 гг.)

Появление советского самиздата периода перестройки напрямую связано с именами диссидентов, освобожденных в результате так называемой «горбачевской» амнистии политзаключенных января-ноября 1987 г. С июля 1987 г. в Москве стал выходить информационный бюллетень «Гласность» (превратившийся к январю 1988 г. в 300-страничный журнал, в котором выступали ведущие деятели оппозиции различных направлений: Р. Медведев, Г. Померанц, В. Аксютин, З. Гамсахурдиа, О. Румянцев, А. Сахаров, В. Буковский и т.д.) под редакцией освобожденного в феврале 1987 г. правозащитника Сергея Григорьянца; с августа – еженедельная информационная газета «Экспресс-Хроника» под редакцией Александра Подрабинека, автора книги «Карательная психиатрия», вышедшего на свободу в марте 1987 г. Появление этих и им подобных изданий шло в русле продолжения основных принципов демократического и правозащитного движения СССР 60-70-х гг.: «Власть, уважай свои законы!» В ин-

тервью парижской газете «Русская мысль» 14 июля 1987 г. С. Григорьянец заявил, что название журнала «Гласность» было выбрано отнюдь не случайно: «Если Горбачев всерьез намерен осуществлять реформы в стране, то нашему изданию ничего не грозит. Если же это только очередная пропагандистская кампания... Посмотрим, как он на виду у всего мира сможет придушить журнал, носящий название объявленной им политики!»

Самиздат «перестроечного периода» с первых шагов заявил о своих притязаниях на признание властями закона о свободе печати.*

Когда «Гласность» стала поступать в Новосибирск, потребовались люди, прежде всего в деле распространения. Откликнулось около 20 человек. Примечательно, что практически все они в последующее время связали свою судьбу как с неформальным движением, так и с различными независимыми изданиями. Таким образом, через посредство самиздата начался период формирования из одиночек групп единомышленников-оппозиционеров.

Именно эти люди образовали сначала «Читательский клуб журнала «Гласность». На заявление с просьбой зарегистрировать клуб в качестве юридического лица и установить на ул. Советская стенд для материалов журнала секретарь Железнодорожного райисполкома (подпись на бланке с ответом была абсолютно неразборчива) ответил 13 декабря 1987 г. отказом, ссылаясь на «отсутствие соответствующих нормативных актов», а также на то, что «разрешение на установку газетных стендов выдается только редакциям официально существующих изданий». Впоследствии, в январе 1988 г., клуб преобразовался в «Пресс-группу «Гласность» (это были первые организованные группы демопозиции в Новосибирске). Тираж 200-страничного московского журнала в Новосибирске был доведен до 50 экземпляров, что способствовало расширению круга читателей и облегчало поиск единомышленников. Перепечатка на пишущих машинках, размножение фотоспособом, дважды удалось использовать находящиеся на некоторых предприятиях города светокопировальные машины «Эра», что было большим риском для работавших на этих машинах людей – копировальные аппараты находились под строгим контролем, в случае обнаружения использования «Эры» в неслужебных целях виновному в лучшем случае грозило

* *От составителей:* в этом месте пропущено 13 страниц текста. Как можно догадаться, здесь явно присутствовало описание картины московского самиздата тех лет и вступление к истории развития самиздата новосибирского. Выделенное жирным курсивом – восстановлено из контекста.

увольнение с работы. Стоит напомнить, что до 1990 г. в УК РСФСР существовали «политические» статьи, под которые попадало «изготовление, хранение, распространение клеветнических материалов, порочащих советский общественный и государственный строй».

Помимо распространения журнала, с января по октябрь 1988 г. «Пресс-группа» подготовила и передала для публикации в «Гласность» 14 статей и более 30 заметок, касающихся общественно-политической и экономической ситуации в Новосибирской области.

Особое внимание уделялось независимым общественным инициативам, будь то демонстрация студентов в поддержку Горбачева, дискуссия в НГПИ о роли Сталина в истории страны, митинг по итогам 19-й партконференции КПСС или литературный вечер общества «Память». Впрочем, «Пресс-группа» не только выступала в роли «транслятора» последних известий из Сибири в Москву, но и сама организовывала общественно-значимые акции (как, например, сбор подписей за передачу строящегося в Новосибирске нового здания ВПШ на нужды города). Собственно журналистская деятельность не являлась для членов группы самоцелью и самооценностью, воспринимаясь как один из возможных и необходимых аспектов общественной деятельности. Грубо говоря, самооценка участников группы склонялась к определению преимущественного направления деятельности как «политического», а не «журналистского».

Эта самооценка определяла и облик трех первых собственно новосибирских независимых изданий, появившихся в 1987-1988 гг. Первым из них стал «Журнал революционного марксизма» (редактор Михаил Бутин), выпускавшийся «Социально-философским клубом» новосибирского Академгородка. Группа, выступавшая «за обновление марксизма, применение теории Маркса к ситуации и задачам сегодняшнего дня, очищение марксистской теории от позднейших искажений» (7), объединяла около 10-15 студентов и аспирантов Новосибирского университета, молодых сотрудников институтов СО АН СССР. Первый выпуск журнала (по имеющимся у автора работы сведениям, его тираж составил 12 экземпляров при объеме 40 машинописных страниц) был скомпанован преимущественно из анонимных (или подписанных псевдонимом) работ членов клуба, доказывавших необходимость возвращения к «чистоте марксизма». Второго выпуска журнал не имел – вероятно, ввиду отсутствия уже в конце 1987 г. среди либеральной интеллигенции Академгородка спроса на марксистскую идеологию. Тем не менее, свою роль в формировании неомарксистского, некоммунистического течения в оппозиции журнал, несомненно, выполнил – так, один из авторов журнала и активистов

«СФК» Сергей Крупенько сегодня является лидером Новосибирской организации РКРП.

Следующим по времени (март 1988 г.) появился журнал «Новая жизнь», основателем, редактором и единственным в первый год существования автором которого стал инженер завода «Труд» Валерий Орехов. Первый номер (машинописный, около 70 страниц) был выпущен тиражом 5 экземпляров и состоял из «статей редактора, посвященных критике ленинизма и сталинизма» (1). Кроме этого, в мае 1988-го были помещены материалы 1-го съезда «Демократического союза» (ДС). Номер, заявленный «мартовским», таким образом, вышел двумя изданиями: 2 экземпляра со статьями Орехова появились в марте, еще 3 с дополнениями о съезде – в мае.

После этого журнал прекратил существование на год, по заявлению самого редактора в связи с тем, что «весь материал пересылался в центральную партийную прессу (имеется в виду ДС – А.К.)» (16). Однако первый номер первого партийного издания ДС – газеты «Свободное слово», – вышел в ноябре 1988 г., за все время существования газеты в ней «ни разу не публиковались ни статьи В. Орехова, ни материалы, подготовленные его людьми» (из интервью с редактором «Свободного слова» Эдуардом Молчановым).

История показательна не только для журнала «Новая жизнь», но и для новосибирского самиздата вообще – перерывы в выпуске изданий объяснялись, как правило, либо передачей материалов «в Москву», либо конфискацией подготовленных номеров органами госбезопасности. Не стоит удивляться, взяв в руки полную подшивку того или иного независимого издания и обнаружив «провалы» в нумерации – это те самые «пропавшие» выпуски. Что же касается «Новой жизни», то журнал возобновил свой выход в 1989 г. с № 4. №№ 2 и 3 никому из самиздатчиков и библиографов видеть не довелось. Остается верить (или не верить) редактору издания «на слово».

И, наконец, с сентября по декабрь 1988 г. выпускала свой журнал «Транзит» «Пресс-группа «Гласность». В 6 номерах (тираж каждого составил 20 экземпляров, объем – от 20 до 30 машинописных страниц) содержались перепечатки наиболее интересных материалов московской «Гласности» (Рой Медведев, «Сладкая жизнь Галины Брежневой»; Петр Сиута, «Новочеркасская трагедия 1962 г.»; философские эссе Григория Померанца и т.д.), а также сообщения о митингах в Новосибирске и о деятельности местных политически активных группировок. С целью увеличения числа читателей и единомышленников каждый номер выходил не только в «журнальном», сброшюрованном варианте, но и в виде стенгазеты объемом 3-4 ватманских листа, которые вывешива-

лись в вузах города – в НГПИ, НЭТИ, НГУ, НИНХ. Интересно, что ни в одном из вузов не предпринимались попытки снятия материалов группы.

Издание журнала было прекращено в связи с выездом на постоянное жительство в США и Израиль в течение октября-декабря 1988 г. трех выпускающих редакторов «Транзита» — Тамары Котляревской, Ирины Золотаревой и Бориса Грибановского, а также в связи с началом выпуска «Пресс-бюллетеня СиБИА» и переходом в него последнего редактора «Транзита» (автора настоящей работы).

Говорить о каком-либо непосредственном влиянии самиздата первого периода на широкое общественное мнение вряд ли правомерно – издания предназначались в основном для внутригруппового распространения. Однако если вести речь, в частности, о «Транзите», то более или менее можно определить как состав читательской аудитории, так и примерное количество читателей. По оценкам социологической лаборатории НГУ, стенную печать вузов читало регулярно 44% студентов (14, с.8). Таким образом, только «стенные» выпуски «Транзита» собрали аудиторию около 5-5,5 тыс. человек. В результате опроса автором работы 32 активистов ДС, бывших в 1988 г. студентами новосибирских вузов, выяснилось, что 27 из них (более 80%) регулярно читали «настенный» «Транзит». Более подробных данных, к сожалению, не имеется.

Об отсутствии влияния самиздата на широкое общественное мнение говорит и отсутствие конкретно к самиздату интереса со стороны 5-го отдела УКГБ по НСО (т. наз. «идеологического отдела»). По сведениям, любезно предоставленным автору работы одним из бывших руководителей 5-го отдела, «оперативная работа в 1988 г. по самиздателям если и велась, то только в связи с их деятельностью в ДемСоюзе и других подобных организациях.

Единственное, что делалось непосредственно по самиздату – усиливался контроль за использованием множительной техники. По этому поводу в сентябре 1988 г. мы получили специальную шифротелеграмму из КГБ СССР Той же телеграммой предписывалось проведение оперативной работы в самиздате (внедрение своих людей, негласный контроль за содержанием материалов, определение круга информаторов самиздата), однако руководством Управления было доложено в Москву о нецелесообразности проведения подобных мероприятий в Новосибирске из-за незначительности существующего периодического самиздата и отсутствия сколь-нибудь серьезного его влияния на общественное мнение.

Кроме того, по мнению наших специалистов, работали самиздатчики тогда крайне непрофессионально и никакой

утечки закрытой информации через них быть не могло». (Интервью с Л. М., 10 апреля 1993 г. В 1988-1990 гг. Л. М. занимал должность замначальника 5-го отдела УКГБ по НСО и непосредственно курировал деятельность политизированных неформальных групп).

Впрочем, стоит отметить, что точка зрения УКГБ не совсем соответствовала истине, – начавшийся формироваться круг информаторов (будущих корреспондентов) работал вполне серьезно и профессионально – достаточно сказать, что именно через «Пресс-группу «Гласность» был передан в Москву (а затем – и на «РС») текст постановления ЦК КПСС от 27 сентября 1988 г. «О мерах по противодействию антисоциалистическим силам, пытающимся создать параллельные КПСС структуры власти».

Текст постановления, имевший гриф «секретно», был получен «Пресс-группой» уже 30 сентября. Что же касается низкой оценки местными органами безопасности самиздата как фактора формирования общественного мнения, то, по мнению автора, сотрудники КГБ фактически перепутали причину и следствие: не членство в ДС являлось причиной занятий тех или иных людей самиздатом, а именно самиздат «вытягивал», «выявлял» и давал возможность проявить свою активность будущим активистам демопозиции.

По мнению автора, на «Транзите» в декабре 1988 г. закончился «камерный», внутриутробный процесс развития новосибирского перестроечного самиздата. Заполненные перепечатками и морализаторскими наукообразными трактатами, малотиражные и известные крайне узкому кругу людей издания выполнили свою сверхзадачу – сконцентрировали вокруг себя заинтересованных, политизированных людей, заявили о своем появлении на политической арене Новосибирска, послужили катализатором и своеобразным стержнем формирования не политизированных, но политических, независимых от властей, организаций.

Подобно русской литературе, вышедшей из гоголевской «Шинели», все действующие сегодня демократические партии Новосибирска вышли из ДемСоюза. Но для автора настоящей работы не вызывает сомнений то, что сам новосибирский ДС появился именно из самиздатовской и околосамиздатовской среды. Костяк его на первых порах составили люди из «Пресс-группы «Гласность», много сделавшие для пропаганды идей ДС и привлечения общественного внимания к его деятельности. На «информационных встречах» со студентами вузов, где присутствовало от 100 до 300 чел., ведущие представлялись не только «сотрудниками «Гласности», но и «активистами ДС», распространяя документы и идеи ДемСоюза.

Политики-неформалы «первой горбачевской» волны

породили не только политиков – из выпускаемых ими «изданий для себя» родились «издания для всех». Образно говоря, «самиздат» эволюционировал в «независимую (неподцензурную) прессу». Это было началом нового, качественно нового этапа.

1.3. ПЕРИОД «НЕЗАВИСИМОЙ ПЕЧАТИ» – ПОЛУПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕССЫ

В ноябре 1988 г. в Новосибирске появилось первое независимое издание чисто информационного содержания – «Информационный бюллетень о деятельности неформальных организаций города». Выпуском бюллетеня занимался Игорь Богданец – инженер-программист, сотрудничавший с «Пресс-группой «Гласность». Распечатываемый на машинке тиражом от 50 до 100 экземпляров, бюллетень представлял собой одностороннее издание с двумя рубриками: «Что было» и «Что будет». В стандартный выпуск бюллетеня входило 10-12 кратких (5-7 строк) информации о происшедших событиях (митинги, заявления, сообщения) и о тех мероприятиях, которые неформалы намеревались провести в ближайшее время. Раздача очередных выпусков бюллетеня проходила по воскресеньям в Нарыском сквере – в организованном «Пресс-группой» и ДемСоюзом «Новосибирском Гайд-парке». Здесь можно было прослушать запись (через громкоговоритель) последней передачи «Судьбы Сибири» «Радио Свобода», обменяться мнениями о последних событиях, получить свежий московский самиздат, документы демопозиции. Примечательной чертой бюллетеня было отсутствие идеологизированности – информация подавалась без оценок и комментариев, свои информации в бюллетень давали все неформальные группы – от ДемСоюза до «Памяти». Всего вышло 14 выпусков бюллетеня в течение 3-х месяцев (ноябрь 1988 – январь 1989 г.).

В декабре 1988 г. в Новосибирск вернулся из Москвы один из основателей «Пресс-группы «Гласность» Алексей Мананников. В течение полугода своего «московского периода» он работал в группе редакторов журнала «Гласность» и информационного агентства «Ежедневная Гласность», стал одним из инициаторов создания Профсоюза независимых журналистов СССР. По предложению Мананникова, группа новосибирских самиздатчиков обсудила проект создания общесибирского информационного агентства. В рамках агентства предполагался выпуск двух периодических изданий – публицистической газеты «Сибирская трибуна» (периодичность – 2 раза в месяц) и еженедельного информаци-

онного пресс-бюллетеня.

В качестве первого этапа по созданию независимого информгентства с января по февраль были налажены тесные связи с самиздатчиками 11 городов Сибири и Дальнего Востока (Томск, Омск, Иркутск, Чита, Красноярск, Барнаул, Хабаровск, Владивосток, Магадан, Улан-Удэ, Якутск), обсуждена идея создания агентства и технические подробности будущей работы.

С февраля информация из этих городов стала поступать в Новосибирск, обрабатываться и в виде готовых блоков (8-14 сообщений) передаваться на «Радио Свобода» (связи с «РС» были установлены через московскую «Гласность»), а также в «Ежедневную Гласность». Это позволило новосибирским сотрудникам будущего агентства получить навыки по приему информации по телефону (вплоть до таких технических мелочей, как подключение к телефонной сети записывающей аппаратуры), редактирования, организации работы корреспондентов, проводились поиски издательской базы для тиражирования будущих изданий.

С февраля 1989 г. был начат выпуск газеты «Сибирская трибуна» (редакционная группа – А. Мананников и А. Крестинин). За два месяца было выпущено три номера издания. Хотя первоначальный замысел не удался – не получилось наладить регулярность выпуска, материалы поступали хаотично, бессистемно, возник новый для самиздатчиков вопрос – необходимости компенсации материальных затрат на выпуск газеты, то есть – необходимость платного распространения номеров, сегодня редакторская группа «СТ» не склонна расценивать время, потраченное на газету, впустую пропавшим.

«СТ» оказалась тем самым «переломным» изданием, с которого для новосибирского самиздата начался новый период – период «независимой печати».

Самиздат первого периода имел несколько характерных признаков: малый и нестабильный тираж, отсутствие периодичности, отсутствие концепции издания, бесплатное распространение. Независимую прессу (второй период самиздата) характеризовали стабильные и достаточно высокие тиражи, более-менее установившаяся периодичность (или, по крайней мере, стремление к таковой), четкое концептуальное разделение изданий (трудно спутать по стилю, манере изложения, подбору материалов, скажем, «Пресс-бюллетень» и «Сибирский курьер»), платное распространение. Это последнее было обставлено следующим образом: в выходных данных присутствовала фраза: «Издание «Имярек» распространяется бесплатно, на издание одного экземпляра редакция затрачивает около NN коп.» – приобретающий издание человек как бы получал его бесплатно, «жертвуя»

фиксированную сумму. Это было необходимо ввиду того, что издательская деятельность попадала под разряд перечисленных в законодательстве «незаконных промыслов», и, кроме того, создавало у читателя ощущение причастности к «общему делу».

Значительно улучшилось полиграфическое исполнение изданий, точнее, оно стало именно полиграфическим (тираж в 5-10 тыс. экз. на пишущей машинке размножить, мягко говоря, затруднительно). Самиздат этого периода вполне можно назвать «полупрофессиональной» прессой.

«Полу-» – просто потому, что изданиям этого периода были присущи черты определенного дилетантизма – излишняя эмоциональность и категоричность, отсутствие налаженной практики проверки информации, и – как обратная сторона законодательной нерегламентированности статуса независимой прессы – практическое отсутствие ответственности за обнародование недостоверной информации. Тем не менее, по сравнению с самиздатом, для негосударственной печати период «независимой прессы» был несомненным шагом вперед.

Сходные процессы стремления к профессионализму происходили и в группах оппозиции: появилось более-менее четкое внутреннее деление по специфике работы (группы подготовки листовок и плакатов, технического обеспечения митингов, группы по разработке определенных тем и документов, группы обеспечения порядка и т.д.), появились освобожденные работники (в Новосибирском ДС таких было 2 на почти 150 членов организации), отвечавшие за ведение всей оперативной работы, четко прорабатывались темы и содержание выступлений на митингах и порядок их проведения и т.д.

Самиздат просто-напросто отражал общее стремление оппозиции к профессионализму.

Таким образом, «СТ» стала последней газетой «чистого» самиздата для Новосибирска, своего рода «экспериментальным» изданием. Это касалось всех сторон существова-

Участники первой демократической демонстрации в Новосибирске (2 июля 1989 г.), одним из основных организаторов которой был Алексей Кретикин (на фото в центре)

ния «обычной» газеты. Грубо говоря, будущие редакторы самиздата на практике работы в «СТ» приобрели необходимые в работе навыки. При печати первого номера была предпринята нестандартная попытка тиражирования газеты фотоспособом (пересъемка оригинала на фото пленку, с уменьшением размера при печати на фотобумаге) – здесь была попытка использовать уже имевшийся к тому времени способ тиражирования известного красноярского самиздатского журнала «Диссидент».

Однако, из-за непомерно больших затрат и трудоемкости, эта технология была отвергнута (больше к ней ни одно издание Новосибирска не возвращалось).

Была найдена полиграфическая база (тираж номера газеты доходил до 200 экз.), отработаны чисто технические моменты подготовки оригинал-макета для тиражирования (проблема, доселе не стоявшая перед самиздатом), на практике проверены и отработаны способы организации корреспондентской сети.

Отдельно встал вопрос распространения газеты (нерешенность этого вопроса была одной из основных причин прекращения выпуска «СТ»).

В течение марта, в результате непрерывного «мозго-

вого штурма», инициативная группа по созданию агентства отработала окончательную модель агентства и информационного бюллетеня. В конце марта, по предложению новосибирцев, 14 самиздатчиков из разных городов Сибири подписали заявление о создании Сибирского информагентства (СиБИА) со штаб-квартирой в Новосибирске.

Фактическим руководителем и главным редактором агентства стал А. Мананников. Целями агентства были заявлены «Сбор и распространение объективной информации о событиях, происходящих в Сибири; информационное содействие в координации деятельности общественных групп и объединений в общесибирском масштабе; помощь органам власти, общественным организациям и населению как в Сибири, так и за ее пределами в осознании общесибирских проблем и в поисках путей их решения». Организаторы СиБИА обратились с предложением о сотрудничестве к независимым журналистам Сибири, а также к «журналистам, занятым в контролируемых государством СМИ». В заявлении была выражена надежда на то, что «цели агентства найдут понимание как у сибирского народа, так и у представителей власти» (18).

Таким образом, СиБИА было заявлено не только как средство централизации сибирской независимой прессы, но и как некий объединяющий политический центр Сибири. Была заявлена не только общедемократическая, но и «автономистская» позиция этого центра – создатели СиБИА считали, что именно игра на противоречиях «Центр—Сибирь» поможет набрать политический вес и авторитет у населения Сибири, и, следовательно, расширит базу потенциальных читателей.

9 апреля 1989 г. тиражом 50 экземпляров был выпущен № 1 «Пресс-бюллетеня СиБИА». В отпечатанном на папирсной бумаге 6-страничном бюллетене была помещена свежая (максимум 2-3-дневной давности) информация о событиях в 6 (помимо Новосибирска) городах Сибири.

Сам подбор информации (экологический митинг в Братске; административные суды по делам «неформалов» в Иркутске, Красноярске, Новосибирске, Бердске; забастовки в Кузбассе, голодовка врачей в Омске, предстоящие митинги в Новосибирске и Красноярске и т.д.) показывал, что основной упор СиБИА будет делать на освещение социально-значимых событий, не находящихся отражения в официальной печати.

До № 7 включительно «ПБ» выходил в машинописном виде, часть номеров была размножена на ксероксе и светокопировальных машинах, возможность использования которых была найдена во время работы над «Сибирской трибуной». Уже с № 2 тираж издания стабильно составлял 100

экземпляров. Частично экземпляры распространялись бесплатно, частично – продавались «неформалам» и сочувствующим во время воскресных собраний в Нарымском сквере.

Сделав заявку в качестве объединительного центра сибирской демопозиции, «ПБ» большое внимание уделял деятельности политизированных организаций Сибири: на его страницах отразилась деятельность (акции, заявления, съезды, аресты активистов и т.д.) политических партий и движений, историко-просветительских обществ, национальных объединений, культурных, религиозных, литературных объединений, клубов и объединений избирателей.

Наибольшим вниманием «ПБ» пользовались ДемСоюз (в №№ 9-10 «ПБ» за 1989 г. были полностью опубликованы программные документы ДС) и организации, ставящие своей целью борьбу за «сибирскую автономию» (Комитет «Сибирь», Союз объединения Сибири («СОС») и т.д.). Фактически, «ПБ» стал печатным органом несуществующей единой оппозиционной организации Сибири, а еще точнее – сам являлся и центром этой организации, и ее печатным органом.

Однако «журналистская» оболочка информагентства мешала восприятию СиБИА как политической организации. Необходимо было создание своеобразной «крыши» в виде политической организации.

Перед 2-м Съездом Профсоюза независимых журналистов СССР (Вильнюс, май 1989 г.) СиБИА на правах «Информационной секции» вошло в образованную в начале 1989 г. в Новосибирске Сибирскую правозащитную ассоциацию «Вена-89», а два редактора СиБИА – А. Мананников и А. Кретинин – стали членами Президиума «Вены».

СиБИА формально вошло в «Вену» в качестве «Информационного комитета», оставаясь на деле независимым и активно используя финансовые и организационные возможности СПА.

СПА же, в свою очередь, активно использовала для повышения своего авторитета популярность «ПБ» и СиБИА в среде оппозиции.

На Съезде ПНЖ СССР в Вильнюсе издатели «ПБ» установили тесные контакты с активистами и руководством Партии национальной независимости Литвы, имевшей к тому времени солидную полиграфическую базу. На этой базе, на средства СПА «Вена-89» был отпечатан первый «типографский» тираж «ПБ» (№ 8, 28 мая 1989 г.). 4-тысячный тираж был доставлен в Новосибирск в первых числах июня, и на Празднике города 3-4 июня активисты ДемСоюза провели массовую акцию по продаже «ПБ». Весь тираж разошелся в течение двух суток, что позво-

лило без помех отпечатать следующий, 9-й номер, уже 6-тысячным тиражом.

Кроме того, акция по распространению «ПБ» стала своеобразным «боевым крещением» для распространителей самиздата – впервые люди в массовом порядке платили деньги за приобретение неформальных изданий. Одновременно с налаживанием сети распространителей начались постоянные конфликты с сотрудниками милиции, задерживавшими распространителей под предлогом «торговли в неподобающем месте» (в «ПБ» такие конфликты подавались в качестве «гонений на независимую прессу»).

Шел постоянный рост числа корреспондентов СиБИА, росла география распространения «ПБ». К июню 1989 г. «ПБ» имел налаженную сеть из 18 корреспондентов практически во всех крупных городах Сибири и Дальнего Востока, в 14 городах «ПБ» распространялся «по подписке» – деньги за 3-месячную подписку пересылались непосредственно в адрес редакции, в ответ шли номера «ПБ». Буквально от номера к номеру рос тираж «ПБ» – от 4 тыс. № 8 до 10 тыс. № 10.

Судя по имеющимся у автора сведениям, в конце июня – начале июля власти страны, обеспокоенные ростом тиражей самиздата (и одновременно ростом оппозиционных настроений в обществе – в частности, в связи с событиями в Тбилиси, Оше, началом 1-го Съезда народных депутатов СССР), решили неявно нанести удар по наиболее читаемым и многотиражным изданиям.

Не имея официальных документов о принятии подобного решения, можно только предполагать, что цепочка «случайных» происшествий с самиздатом июня-июля 1989 г. имеет некие связующие звенья: 22 мая – погром в редакции журнала «Гласность» (Москва), устроенный сотрудниками милиции под предлогом «незаконного занятия помещения (при этом похищены архивы журнала, готовые номера, компьютерная техника)»; 28 мая – заведение уголовного дела на редакцию журнала «Диссидент» (Красноярск) по обвинению в «клевете» на председателя КГБ В. Чебрикова; 29 мая – избиение сотрудников газеты «Радикал» (Якутск) «неизвестными»; 1 июня – «неизвестными» обокрадена редакция газеты «Экспресс-хроника» (Москва), причем «воры» унесли только архивы, компьютерные дискеты с информацией, записные книжки, а дорогостоящие миниатюрные компьютеры просто разбили ломami; и т. д. и т. п.

По мнению автора, именно в этом контексте надо рассматривать заведение уголовного дела на издателей «ПБ» по обвинению в частно-предпринимательской деятельности.

30 июня тираж № 10 «ПБ» был задержан в Новосибирске

ком аэропорту без каких-либо законных оснований.

Было объявлено о заведении дела, в знак протеста против этого группа руководителей и активистов «Вены-89» объявила голодовку перед памятником Ленину в Новосибирске. Голодовка вылилась в непрерывный 7-суточный митинг, количество участников которого доходило до 10-12 тыс. человек, дважды участники митинга разгонялись милицией и спецназом, руководители акции получили от 5 до 10 суток ареста.

Именно в период голодовки впервые обнаружилось, что тон и направление «ПБ» (крайне радикальное, не предусматривающее диалога с несогласными) устраивает далеко не всех активистов оппозиции. На гребне «стремления к диалогу», к более спокойным и взвешенным оценкам действительности в Новосибирске летом 1989 г. появились газета «Сибирский курьер» и «Вестник Демократического движения».

Примечательно, что редакции обеих редакций располагались в Академгородке, в научной среде, не склонной к радикализму.

Оба издания выходили при непосредственной поддержке СПА «Вена-89», и, таким образом, СиБИА в качестве «Информационного комитета» СПА обязано было принять на себя заботы по тиражированию этих изданий в Прибалтике и доставке их в Новосибирск.

Однако среди руководителей СиБИА возобладало стремление к монополизму (и не только на информацию в рамках Сибири, но и на доходы от издательской деятельности). В результате резкого конфликта издания-«конкуренты» были лишены возможности печататься в Прибалтике, более того – под различными предлогами СиБИА удержало у себя заплаченные за печать деньги. Это послужило и одной из причин конфликта СиБИА с «Веной».

Фактически прекратив работу в СПА, СиБИА занялось формированием через пресс-бюллетень чисто «вождистского» движения во главе с А. Мананниковым (анализ формирования самиздатом современных политических мифов, в том числе «мифа о герое» рассмотрен автором в гл. 1.4).

Бесспорно, что перелом 1989-90 гг. был пиком новосибирской независимой прессы. Заработав достаточный политический авторитет на проведении голодовки и митингов, независимая пресса получила возможность активно влиять на формирование общественного мнения. Нельзя не признать, что крайне радикальная политика и лексика того же «ПБ» имела довольно значительную поддержку в обществе. Так, по данным социологического опроса, проведенного ВЦИОМ в 6 крупнейших городах Сибири в декабре 1989 г., 26% опрошенных заявили, что в случае вы-

боров готовы голосовать за кандидатов ДемСоюза (чья политическая линия была наиболее близка «ПБ»). Для сравнения – за КПСС были готовы голосовать 15%, за Союз рабочих – 12%, за «Память» – 3% опрошенных (3).

Однако, одновременно с «триумфальным шествием независимой прессы» стали проявляться тенденции отказа ряда журналистов от сотрудничества с чересчур радикальными изданиями, стремление к подаче идеологически неокрашенной информации, отказу от политической ангажированности. Если в январе 1989 г. только 4 новосибирских самиздата работали на неполитизированные информагентства и радиоцентры, то к декабрю их число достигло 11, а к концу 1990 г. – 16.

Независимая пресса старалась «бить врага его же оружием», считая, что в борьбе хороши все средства – в том числе развязный тон, передержки и умолчания, выдача недостоверной и непроверенной информации.

Особенно характерно эти качества независимой новосибирской печати проявились в период подготовки и проведения выборов народных депутатов РФ 1990 г. Эти выборы знаменовали собой, по мнению автора, краткий и непродолжительный заключительный период истории новосибирского самиздата 1987-90 гг. – крах «идеологизированного» самиздата.

1.4. КРАХ ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ «НЕЗАВИСИМОЙ ПРЕССЫ»

Начало 1990 г. ознаменовалось появлением у демократической оппозиции Новосибирска своего «межпартийного» центра – Клуба избирателей. Созданный при городском Фонде молодежной инициативы на переломе 1989-90 гг., КИ оказал серьезное влияние не только на общественно-политическую обстановку в городе, объединив на период выборов практически все оппозиционные организации и активистов, но и на независимую прессу. Впервые за все время полулегального существования, независимые издания города (так же, впрочем, как и оппозиционные группы) сумели получить сколь-нибудь легальный статус – в помещении Клуба избирателей работали общественные приемные практически всех независимых изданий города.

Формировавшийся усилиями КИ избирательный блок «Новая волна» включал в себя (в результате подписания совместного заявления с неопределенно-общедемократической фразеологией) не только комсомольских активистов из Новосибирского горкома и обкома (разрабатывавших направления реформ в комсомоле в рамках так назы-

ваемой «Сургутской платформы», и слывших «диссидентами от комсомола»), но и «выдвиженцев» новосибирской демопозиции – будущих депутатов городского и областного Советов, а также будущих народных депутатов РФ А. Мананникова и А. Манохина.

Для руководимого А. Мананниковым «Пресс-бюллетеня» тема выборов на полгода стала центральной. Пропаганда «своих» кандидатов велась методами, вызвавшими в результате резкий отток из «ПБ» сотрудников и читателей: публиковались «рекомендательные» списки (за кого следует голосовать), однако никакого представления «демократических» кандидатов (даже на уровне минимальной биографии) не было – как бы подразумевалось, что кандидаты хороши уже тем, что они подписали демократическую платформу «Новой волны». Прекращена была всякая полемика на страницах «ПБ» с поддержавшими избирательный блок комсомольскими функционерами, с «Демократической платформой КПСС». Широко использовались приемы дискредитации кандидатов противоположной политической направленности, причем ряд публиковавшихся «компрометирующих» предвыборных материалов граничил с клеветой и личными оскорблениями (так, в «ПБ» кандидат В. Б-в назван «преступником», «халатным и некомпетентным человеком» (26); кандидат А. М-й – «фашистом»; кандидат В. З-в – «профессиональным палачом»; журналисты областных официальных газет – «холуями» (25); кандидат С. Л-й – «махинатором» (24) и т. д. – и это небольшая выборка всего из 3-х выпусков «ПБ» непосредственно перед выборами).

Единственным кандидатом блока «Новая волна», чьи платформа и биография были опубликованы в «ПБ», стал редактор «ПБ» А. Мананников.

Сложилась парадоксальная ситуация – претендовавший на роль объединительного центра всех сил демократической оппозиции Новосибирска «ПБ» проводил явно вождистскую линию, персонифицируя все демократическое движение города только в А. Мананникове. На одном из заседаний круглого стола оппозиции в Клубе избирателей редактор «Гражданского пути» А. Сальников прокомментировал эту ситуацию таким образом: «Читая «ПБ» убеждаешься в том, что демократическое движение Новосибирска на Мананникове началось, из него одного состоит и вместе с ним закончится. «ПБ» сегодня можно переименовать в «Героический эпос о борьбе Мананникова с новосибирской партотратией, милицией и ГБ».

Достаточно просмотреть подшивку «ПБ», чтобы убедиться в правоте такого резкого высказывания: «...Блок кандидатов «Демократическая Россия» для нас, новосибир-

цев, ...та политическая поддержка, что оказана Ельциным и другими членами МДГ лидеру новосибирских демократических кандидатов А. Мананникову. ...возможность победы Мананникова на выборах видится уже не как локальный успех местных демократических сил, это – отголосок победы Ельцина в Свердловске, это – успех демократических кандидатов во многих городах России и Сибири... Пожелаем же нашей России не свернуть с правильного пути!», «...Замер город, замерла Россия, замерла граница. Он (Мананников) набрал больше всех голосов в первом туре выборов, завоевал тех, чьи сердца открыты человеческой симпатии» (27). Нелишне отметить, что упоминаемая телеграмма Ельцина призывала поддержать «Мананникова, Манохина, Харенко» – в материалах же «ПБ» она превратилась в «поддержку лидера новосибирских демократических кандидатов Мананникова»).

В ситуации, когда СибИА («Информкомитет СПА «Вена-89») фактически уничтожил конкурирующие издания «Сибирский курьер» и «Вестник ДемДвижения», «ПБ» стал единственным независимым изданием Новосибирска, и, учитывая растущий интерес к оппозиции и ее прессе, заранее был обречен на успех.

Выборы стали переломным моментом для новосибирской оппозиции и, соответственно, для оппозиционной прессы.

Закончившись убедительной победой Мананникова (на обработку общественного мнения было брошено все: тираж «ПБ» поднят до 15 тыс. экземпляров, выпущено около 20 тыс. листовок, передачи на «Радио Свобода» повествовали только о борьбе «лидера новосибирской оппозиции» (о работе независимых журналистов Новосибирска на западные СМИ будет рассказано ниже), они обернулись расколом демократической оппозиции на два лагеря – крайних радикалов, не гнушающихся популистскими заявлениями и считающих, что в борьбе все средства хороши, и «умеренной» оппозиции, считающей невозможным делать политику «грязными» руками. Автор в данном случае может подкрепить этот тезис рядом примеров, наиболее яркий из которых – публичное заявление Мананникова на страницах городской прессы о том, что «в ДС я никогда не состоял». Сразу после выборов, в апреле 1990 г. в интервью независимой газете «Гражданский путь» Мананников заявил, что «в ходе предвыборной кампании совершенно ни к чему, исходя из интересов этой кампании, подчеркивать лишний раз близость к ДемСоюзу» (4). Рядом с текстом интервью газета опубликовала факсимильное заявление Мананникова о вступлении в ДС, написанное им в сентябре 1989 г.)

Результатом осознания того факта, что «ПБ» перестал

быть «общепозиционным» изданием, стало появление в Новосибирске в 1990 г. нескольких новых изданий – «Сибирское время», «Гражданский путь», «Сибирский социал-демократ». С огромными трудностями возобновил свою работу «Сибирский курьер». В отличие от перечисленных выше изданий, просто прекративших всякие контакты с СибИА, редакция «СК» заявила, что считает своим долгом «вынести сор из избы». Результатом «вынесения сора» стал скандал по поводу публикации в «СК» материала «Ум», «честь» и «совесть» нашего города», в котором Мананников на конкретных примерах обвинялся во лжи, перекривании фактов, нечистоплотности в политике и финансах, – после публикации материала «ПБ» объявил редакцию «СК» «агентами КГБ».

Появившиеся в результате раскола «общедемократической» оппозиции партии первым делом брались за выпуск собственной прессы. Но и «Сибирское время» (издание новосибирских социал-демократов) и «Свободная демократическая Сибирь» (газета сторонников сибирского автономизма) успехом у публики не пользовались – волна политизированности, подхлестнутая выборами, сходила на нет, да и качество изданий оставляло желать лучшего: заполнены они были, в основном, перепечатками. «СДС» успела выйти 2 раза, «СВ» – 3, после чего прекратили свое существование. Единственным изданием, появившимся в 1990 г. и сумевшим выпустить 6 номеров, стал «Гражданский путь» местного отделения ДС.

Газета в живом ироничном тоне давала комментарии событиям городской политической жизни, беспристрастно с одинаковым пристрастием критикуя и демократов, и коммунистов. Однако, после прекращения существования новосибирского ДС, закрылось и это, финансируемое им издание.

24 июня 1990 г. вышел последний № 27 (66) номер «ПБ». Причины прекращения выпуска самого массового независимого издания города были predeterminedены политикой его редактора: в результате неприятия политических методов Мананникова после избирательной кампании от него отошли не только новосибирские демократы, но и большая часть корреспондентов СибИА в городах Сибири и Дальнего Востока, поток информации катастрофически сокращался (в последнем номере «ПБ» опубликованы информации из 6 городов Сибири – в отличии, скажем, от конца 1989 г., когда СибИА имело сеть корреспондентов в 16 городах Сибири), а публицистические статьи оппозиционного направления массовый читатель к этому времени мог спокойно читать в официальной прессе, стоящей гораздо дешевле самиздата.

Большинство ушедших из СибИА журналистов нашло работу в информационных агентствах – как региональных, так и центральных, где была сделана ставка именно на неидеологизированность, беспристрастность информации.

По словам бывшего иркутского корреспондента СибИА В. Прокопьева, ныне сотрудничающего с еженедельником и информагентством «КоммерсантЪ» (Москва), «мы за время самиздата «выкрикнули» все, что хотели и могли, ну а теперь можем спокойно и профессионально работать. После самиздата пропадают последние иллюзии – «ангелов» нет нигде и беспристрастно нужно смотреть на оба лагеря: и «правых», и «левых». Стоит отметить, что большинство пришедших из самиздата журналистов обладают хорошими профессиональными навыками: работа в условиях «неофициальной» добычи информации многому научила. Хороший профессиональный уровень многих новосибирских самиздатчиков был признан и западными средствами массовой информации.

С июля 1989 г. на основании материалов «ПБ» и эксклюзивных материалов, подготовленных сотрудниками СибИА на «Радио Свобода» начала выходить специальная программа «Судьбы Сибири».

С июня 1989 г. «ПБ» переводится в Мюнхене (Германия) на немецкий и английский языки и входит составной частью в «информационный бюллетень РС-РСЕ», – внутрен-

нее издание, которым пользуются как сотрудники этих радиостанций, так и специалисты-политологи Госдепартамента США, Института Гювера и ряда исследовательских центров США и Германии.

Помимо «ПБ» редакция «РС» регулярно использовала в передачах материалы практически всех независимых изданий Новосибирска. Сотрудники «ПБ» по заявкам телекомпаний CBS и CNN подготовили несколько видеорепортажей о событиях в Новосибирске.

Редакция газеты «Сибирский курьер» с октября 1989 по июнь 1991 г. готовила еженедельные обзоры событий в Сибири для программы «События, факты, комментарии» радиостанции «Голос Америки», обзоры сибирской печати и событий в Сибири для информационного агентства Associated Press (сотрудничество продолжалось и после прекращения выхода газеты).

С 1988 г. информация о новинках новосибирского самиздата и оригинальные материалы новосибирских авторов появляются на страницах газеты «Русская мысль» (Париж). Краткие аннотации новосибирских изданий помещали выходящий ежедневно в Париже информационный бюллетень Glasnost O'quotidiane («Ежедневная Гласность») и издающийся в Мюнхене ежедневный бюллетень «Вести из СССР» (выходит на русском, английском, немецком языках). Материалы независимых журналистов Ново-

сибирска неоднократно помещал журнал Glasnost, издаваемый в США «Центром за демократию» и неправительственной организацией Freedom House. Обзоры новосибирского самиздата трижды (июль, октябрь 1989 г. и февраль 1991 г.) помещала газета «Новое Русское слово» (США). Материалы новосибирских независимых журналистов также использовались в журнале «Посев» (Франкфурт).

На Западе неподцензурная пресса СССР воспринималась как независимая от властей точка зрения на происходящие события и надежный источник информации, не передаваемой официальными изданиями – этим можно объяснить большое количество контактов посещавших Новосибирск официальных западных предста-

Алексей Крети́нин (слева) и Дми́трий Учайкин во время пуща 1991 года получают новости из Москвы по телефону

вителей и корреспондентов с сотрудниками независимой прессы. Так, только в течение 1989 г. редакция «Сибирского курьера» принимала у себя сотрудников экономического и политического отделов Посольства США в СССР, политического отдела Посольства Франции, корреспондентов Agence France-Presse и радио France International, руководителя русской службы «Голоса Америки», представителей польской «Солидарности».

По каналам Профсоюза независимых журналистов СССР специально для сибирских независимых журналистов от «Интернационала Сопротивления» (Resistance International, США) были получены 3 гектографа Metro, один из которых, оставшийся в Новосибирске, в течение 1989-91 гг. неоднократно использовался для оперативного тиражирования листовок различными организациями демократической направленности (по понятным причинам причастные к перевозке гектографов в Новосибирск журналисты не любят распространяться об этой операции – достаточно сказать, что появление во время голодовки у памятника Ленину на центральной площади города летом 1990 г. одного из гектографов (дошедшего в Новосибирск нелегально через три границы), на котором на виду у всех размножались оперативные материалы по голодовке, было полной неожиданностью для сотрудников милиции и КГБ).

С помощью Бюро информации и печати «Солидарности» в Польше были отпечатаны на русском языке и пересланы в СССР «Пособия независимому печатнику», в которых квалифицированно описывалось более 40 способов «оперативной полиграфии», пригодной как для тиражирования листовок, так и для выпуска полноценных газет и журналов в подпольных условиях. Более 30 экземпляров «Пособия» прошло через Новосибирск в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Именно по рекомендациям «Пособия» в период обострения внутренней обстановки в СССР в конце 1990 г. новосибирским отделением ПНЖ были организованы и оснащены всем необходимым 4 пункта оперативного тиражирования.

Примечательно, что ни один из этих пунктов не был обнаружен «соответствующими органами». В настоящее время пункты вместе с оборудованием находятся в законсервированном состоянии.

Новосибирские независимые издания депонированы в ряде крупнейших библиотек и в фондах исследовательских центров за рубежом. Полные подборки новосибирской неподцензурной прессы имеются в «Международной библиотеке современной документации» (Париж), Исследовательском центре РС-РСЕ, Библиотеке Госдепартамента США.

История новосибирского самиздата закончилась довольно необычно — своеобразным «возвращением на круги своя», новой попыткой получить официальный статус.

В сентябре 1990 г., после принятия Закона о печати, официально подали заявки на регистрацию и были зарегистрированы два бывших «неформальных» издания: «Этап» (бывший «Пресс-бюллетень») и «Сибирский курьер». Однако ни одного номера этих изданий в «официальном» виде так и не вышло – трудности перехода к выпуску полностью профессиональных газет оказались для разношерстных коллективов двух редакций непреодолимыми.

1.5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. САМИЗДАТ КАК ОБЪЕКТ СОЦИО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривая самиздат как один из факторов формирования гражданского общества, необходимо отметить, что формирование это шло не только благодаря самому факту существования свободной прессы (самиздата), но и под непосредственным содержательным влиянием самиздата на существовавшую общность, именовавшуюся «советским народом». Без понимания того, какие методы (осознанные и неосознанные) применялись самиздатом для влияния на общественное мнение, феномен самиздата невозможно понять и оценить в полном объеме. Возникает необходимость проведения своеобразного психолого-политологического анализа «независимой прессы».

Первый вопрос, который возникает – вопрос мотивации. Причем относится это и собственно к самиздату, и к людям, им занимавшимся.

Социологические исследования, проводившиеся Профсоюзом независимых журналистов СССР в конце 1990 г., дают следующую картину. 74% редакторов независимых изданий имеют высшее образование (причем 65% из этого числа – высшее гуманитарное); 18% – незаконченное высшее, либо продолжают обучение в вузах. 17% от общего числа ранее имели отношение к официальной журналистике. 92% респондентов заявили, что имели до начала «самиздатовской» деятельности конфликты с властями по политическим мотивам. Для 48% респондентов деятельность в самиздате является единственным источником существования, еще 21% считают, что средства, получаемые в результате этой деятельности, являются существенным подспорьем в их бюджете.

Род деятельности до начала «самиздатской» карьеры различен (студент, разнорабочий, экскурсовод, переводчик,

инженер). Только 2 человека из 147 указали, что последней «досамиздатской» работой была работа в «официальных» изданиях. Возрастной состав: 42% – в возрасте от 20 до 35 лет, 18% – от 35 до 45, 37% – от 45 до 55 лет, 3% – свыше 55 лет (11, с. 47).

Таким образом, основной костяк «перестроечного» самиздата составили люди двух возрастных групп – либо те, чья молодость пришлась на окончание хрущевской и последующей «оттепели» (т.е., те, кого можно отнести к так называемым «шестидесятникам»), либо те, чье сознательное детство и юность пришлись на расцвет «застоя» (то есть, те, кто составляет сегодня основу социально-активной части общества).

Автора работы прежде всего интересовали социальные мотивации прихода в самиздат людей второго типа. По результатам обработки ряда интервью с бывшими редакторами и сотрудниками новосибирских независимых изданий в качестве основного мотива выявилось желание повысить свой социальный статус (подобным образом охарактеризовали мотив начала «самиздатской» карьеры 11 из 16 опрошенных).

Незначительную часть составили те, кто объясняет свой приход в самиздат идеологическими причинами (таких оказалось только 2, еще 10 заявили этот мотив в качестве второго по значимости).

Учитывая данные опросов, проводившихся ПНЖ СССР, можно сделать вывод, что схожие мотивы характерны для лидеров советского самиздата в целом (см. выше – деятельность большинства опрошенных ПНЖ редакторов самиздата относилась отнюдь не к категории социально-престижных профессий). Мотивация «социальный статус» характерна не только для самиздата, но и для общественного движения вообще. И не только в СССР, но и в странах соцлагеря – Богдан Боруевич, один из руководителей польской «Солидарности», таким образом характеризовал польское подполье 80-х годов (куда, естественно, входил и самиздат): «Реже всего встречаются мотивировки политического характера. Людей с конкретной политической программой в подполье встретить немного. Так и мои побуждения относятся, прежде всего, к сфере этики, хотя какую-то роль сыграло и самолюбие. Самолюбие человека, которого принуждают принять что-то, чего он ни за какую цену не примет; человека, которому противно бояться клочка бумаги. Власть издает какой-то декрет, и все прячутся по углам... Чтобы преодолеть этот парализующий страх, я начал подписывать первые номера «Информационного бюллетеня» своим именем и фамилией. Но, кроме того, я это сде-

лал попросту со злости» (12, с. 142).

Владислав Фрасынюк, редактор подпольного общепольского бюллетеня «Солидарность» так охарактеризовал привлекательность социального статуса «самиздатчика»: «Издательская деятельность – специфическая форма борьбы с тоталитарным правлением, ибо вольное слово достигает широких масс. Приблизительно можно считать, что конспиративная печать доходит до миллиона поляков. С другой стороны, оргструктура полиграфии и распространения печати относится к наиболее тщательно оберегаемым секретам подполья. Таким образом, нелегальная издательская деятельность – с точки зрения общественного резонанса, массовая форма сопротивления, а с точки зрения числа людей, прямо ею занятых, – в высшей степени элитарная» (12, с. 110).

Итак, самиздат делался прежде всего людьми, неустрашенными тоталитарными структурами общества. И, хотя талант – дело спорное, нельзя не согласиться с тем, что люди эти были далеко небесталанны – не в последней степени благодаря им сегодня мы живем в совершенно другой стране, нежели в 1987, и уж тем более – в 1977 г.

Попытка проанализировать собственно тексты самиздата (и как исторический документ, и как один из «рычагов творения» истории) дают крайне любопытную картину.

Прежде всего, исследователю бросается в глаза крайняя идеологизированность самиздата, ангажированность его в системе координат «правые – левые», «демократы – консерваторы». Идеологизированность нацеливает человека не на осознание, осмысление, а на конкретное действие. Сильная идеология – это не сухое древо познания, а спичка, поджигающая эмоции. Идеология действует не на сознание, а на подсознание человека.

Именно поэтому идеология не может жить и развиваться без создания своего мифа (или целой системы мифов).

Таким образом, самиздат не мог не сотворить свой миф – свою «волшебную страну», свою систему координат и точек отсчета. Именно миф, а не сказку. «Разница между мифом и сказкой вот в чем: сказочник осознает, что его истории полны вымысла; когда же сказители верят в истинность своих баек, их повествование становится мифом» (6, с. 64).

Политический миф появляется там, где нужно влияние, где необходимо поднять людей на активные действия. Миф не выдумывается сознательно с этой целью, но интуитивно выстраивается по вполне определенным законам: он – целенаправлен, каждая его часть имеет особую функцию. Он – коллективное бессознательное творение создающих его социально-активных личностей (в нашем случае одним

из творцов является самиздат) с целью обоснования законности и своевременности их, стремлений, желаний и ненависти.

На материале новосибирского самиздата автор выделил и попытался проанализировать три основных мифа-постулата: «мы – гонимые», «тайный враг» и «страна на краю пропасти». (По мнению автора, эти постулаты являются основой практически всех существующих либо существовавших политических мифов, однако это предположение здесь не рассматривается, как выходящее за рамки данной работы).

Миф «мы – гонимые», с которым пришли в самиздат его авторы и редакторы, многократно использовался на страницах новосибирских независимых изданий. «Неформалы» и «демократы» постоянно испытывают притеснения и гонения со стороны властей, причем воспринимают это как само собой разумеющееся. Достаточно привести в качестве наиболее характерного примера анализ содержания 5-го номеров «Пресс-бюллетеня СиБИА» (как наиболее тиражного и известного издания) за 1989 г. («№№ 24-28 за период с 17 сентября по 15 октября 1989 г.). Из 103 сообщений, информации и материалов, опубликованных в этих выпусках, 64 так или иначе касаются преследований «неформалов» со стороны властей – от действительно серьезных случаев неправомерного задержания и избиений активистов до банальных задержаний распространителей самиздата за торговлю в неподобающем месте, подававшихся в качестве политических преследований. И стиль, и форма подачи информации наводят на мысль, что главное для самиздата – утверждение как «нам плохо», конкретные же обстоятельства имеют смысл лишь в качестве доказательств этого «бесспорного» тезиса. Важной частью структуры «мы – гонимые» является представление о несправедливом положении тех слоев общества, к которым обращена пропагандируемая идеология.

В грубом виде это выглядит так: «Кому-то живется лучше и причем за наш счет». Автор не делал сравнительную количественную выборку из самиздата по этой теме, ограничившись лишь несколькими цитатами: «Каргасковский р-н, пос. Тымск (Томская обл.) – в августе отправлено 4 т стерляди в Москву. Спецзаказ. Оклад же рыбака 75-80 рублей плюс до 30 коп. с выловленной тонны на бригаду. Чем жить? Что кушать?» (22); «Коммунисты всегда на чеку! С криками «No pasaran!» два дюжих слушателя новосибирской ВПШ выволокли из храма партийной науки В. С-ва, который пытался пройти в буфет. Редакция <...> выражает уверенность, что ни одна крошка с партийного стола не попадет в рот менее идейно убежденных граждан» (21);

«Сибирь не только не ввозит основные продукты питания, но и является источником сельскохозяйственного сырья для других регионов» (29).

Психологический смысл утверждения «мы – гонимые» дает мощный стимул к действию. В основе всякого действия лежит потребность, иными словами – некоторая «плохость». Сказать «вам плохо» – значит заложить основу для призыва к действию. «Постулат о несправедливости, осуществляемой по отношению к группе (народу, классу), дает последнему особые права – прежде всего, это право на восстановление справедливости, право чего-то требовать для себя, право брать, и в конечном итоге – право на ответную несправедливость» (6, с. 65).

Представление о гонимости не только мотивирует действия, но и «развязывает руки» при выборе средств, позволяет воевать: раз действительность несправедлива, то ее разрушение – благо. Действие постулата усиливается, если в «гонимые» записывается весь народ – употребление понятия «мы» в самиздате подразумевает именно такое толкование («Почему зарплата, получаемая нами, определяется расценками чиновников из Госкомтруда? Почему местные профсоюзы во всех вопросах ориентируются на инструкции ВЦСПС? Профбюрократы лучше знают наши проблемы? Стоят с нами в одних очередях? Или мы отовариваемся в их спецраспределителях?») (19)

Представление «мы – гонимые» требует для своей полноты наличия гонителей, создания пресловутого «образа врага». Причем, очень важное качество «врага» то, что он тайный, невидимый, на него нельзя указать пальцем («партократия», «аппарат»). Враг – нигде, и враг – везде. Неизвестны «их планы», «замыслы» – они остаются в тайне; планируются вражеские козни «теневыми фигурами».

Очень показателен в этом отношении пресловутый № 30 «Пресс-бюллетеня СиБИА», озаглавленный «Мафия на страже закона». Основная идея номера в том, что все руководство Новосибирской области (первый секретарь ОК КПСС, председатель облсовета, начальник УВД, облпрокурор) – ставленники... бывшего заведующего административным отделом ОК КПСС Н. Г., давно ушедшего на пенсию. Якобы Н. Г. и стоявшие за ним «высокие лица» таким образом покрыли Новосибирск «паутиной партийно-мафиозной структуры». Причем из «высоких покровителей» напрямую названы только два (Чурбанов, Лигачев), остальные фигурируют в качестве «скрытой и мощной «волосатой лапы» в Москве.

Можно привести и более общий пример из того же пресс-бюллетеня: «Не Горбачев управляет страной, а стоящая за ним мощная референтура, способная не только раз-

рабатывать планы, но и внедрять их в жизнь» (31). Говорится о «грамотной референтуре» – но кто ее видел, где она? Мозговой центр законспирирован, он остается в тайне. Психологический смысл этой характеристики заключается, по всей видимости, в том, что врагу тайному легче приписать могущество, ум, силу. Таинственность – важнейшая характеристика образа врага, без которой мифология была бы невозможна.

В этой системе мифа не меньшую роль играет и хитроумие врага. Приведем упоминавшийся выше № 30 «Пресс-бюллетеня»: чиновник из ОК КПСС создает разветвленную мафиозную цепь задолго до «перестройки», когда и так вся власть была в его руках (дар «ясновидения»?!). Кроме этого, поскольку «мы стоим на грани пропасти» (об этом постулате речь впереди), – все, что может поставить под сомнение этот тезис, вызвать оптимизм, должно быть переосмыслено по логике хитроумного плана врага («Горбачев толкает демократов в Советы, в которых они не смогут работать из-за саботажа партаппарата, – и в результате люди, видя, что ничего не меняется, естественно, поддерживают любого претендента на роль диктатора, навещающего порядок железной рукой» (15)). В систему переосмысления включаются не только политические, но и экономические события («Дефицит товаров, искусственно создаваемый партаппаратом с целью дестабилизации обстановки в стране...» (15))

Отсюда вытекает третья характеристика врага – он всепроникающ, имеет отношение ко всем происходящим в стране событиям. Не допускается и мысли о естественном, стихийном характере событий. Враг – абсолютное зло, и вредит он сознательно, а не по незнанию.

Третья и четвертая характеристики «образа врага» позволяют упростить картину мира. Вместо множества разнообразных причин тяжелого положения страны выдвигается в качестве объяснения всего и вся одна причина – злая воля врага, к которой все и сводится. Кроме того, в столь просто устроенном мире и способ его улучшения однозначен – достаточно поменять злую волю на добрую, и все будет в порядке.

Итак, используя такую структуру образа врага, самиздат в качестве «идеологического рупора демократов» достигает следующего:

- 1) картина мира упрощается;
- 2) смена власти указывается в качестве очевидного пути спасения;
- 3) переосмысливаются в негативном ключе все события, дающие основания для оптимизма;
- 4) вопрос «как строить?» подменяется вопросом «как

бороться с теми, кто мешает строить?».

Более того – в такой системе координат «гонимые» выглядят как единственные возможные «спасители» всех и вся.

Но существование треугольника «гонимые–гонители–спасители» может продолжаться вечно. Стабильная система не может дать стимула к активному действию – такой стимул дает нестабильность. Именно потребность в нестабильности является основой третьего постулата, широко используемого самиздатом и внедряемого в общественное сознание с его помощью. Это – «страна на краю пропасти». «КПСС, не желая отказаться от химерных социалистических идей, по существу, ведет страну к краху» (4).

Чисто апокалипсический сюжет, тем не менее, развивается отнюдь не по канонам библейского «Апокалипсиса»: спасение видится не в том, чтобы через смерть возродиться к жизни, пройти через катастрофу, а в том, чтобы в последний момент принципиально изменить все, что может быть изменено, разоружить врага и не оказаться в пропасти. Идеологическая структура «на краю» оказывается мощнейшим стимулом для начала активных действий: действовать нужно немедленно, сегодня, сейчас, причем шаги в этой ситуации могут быть только сверхрешительными («Только угроза ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАЧКОЙ (выделено в оригинале – А.К.) может заставить нынешний ВС РСФСР считаться с мнением народа» (20)). «Апокалипсическое сознание» повышает субъективную значимость активного действия, удовлетворяет одну из самых могущественных потребностей – в повышении значимости своего «я» через прикосновение к чему-то большему, чем ты сам.

«Сила мифологической идеологии – в ее простоте. Все поделено на друзей и врагов. Друзья полны благородства и ума, враги готовят нам погибель. Причины событий исчерпываются желаниями действующих лиц. В таком мире легко сориентироваться, выбрать себе ведущего и объект для ненависти» (6, с. 69).

«Недиалогичность» всегда отмечалась в качестве одной из сущностных характеристик тоталитарных обществ. Внедрение тоталитарных мифов возможно только тогда, когда отсутствует диалог. Как только диалог начинается, тоталитарный миф разрушается даже самим фактом диалога.

На основании вышеприведенного анализа можно охарактеризовать самиздат как крайне «недиалогичный», а, следовательно – тоталитарный. Тоталитарность его прослеживается и в языке – происходит своеобразная ритуализация языка, появление устойчивых повторяющихся штампов («грязная провокация партократии», «очередные происки аппарата», «сплоченные демократические

силы», «избранники народа» и т.д.). Более того – в рамках общего мифа (его составляющие разобраны выше) самиздат творил мифы-образы политических лидеров дем. оппозиции.

Ю.М. Лотман отмечал, что сотворение общего мифа без «мифа о герое» невозможно. Первым условием сюжетного текста (по классификации Лотмана, сюжетный текст – текст, отвечающий на вопрос «как это случилось?», или «каким образом это произошло?») «Сюжетные тексты всегда описывают событие. Все, что нарушает стабильное состояние или предсказуемое течение вещей, – является событием и может сделаться основой сюжета» (13, с. 97), таким образом, самиздат можно рассматривать в качестве именно сюжетного текста, он является утверждением некоторой структуры мира, разделенного «недоступной чертой», границей, через которую жители этого мира не могут перейти. Все персонажи располагаются в свойственных им пространствах. Лотман приводит в качестве примера русские сказки с «царством живых» и «царством мертвых».

Лишь один – он и делается героем мифа – обладает большей свободой действия, чем все остальные: физической, умственной, нравственной или социальной. «Это герой, который благодаря своей смелости пересекает запретную для других черту, всегда – не такой, как все. Он способен на необыкновенные действия и с ним случаются необычные происшествия» (13, с. 98).

Герой является именно тем действующим лицом, благодаря которому происходит событие (экстраординарное действие).

Для новосибирского самиздата героем стал М., в большей или меньшей степени «пропутешествовавший» по страницам всех изданий. Любое событие, любой поступок героя вызывает немедленный отклик самиздата, в то время как более значительные события, но без участия героя, освещаются гораздо скупее. Событие становится событием (и информационным поводом для самиздата) только тогда, когда герой принимает в нем участие. Для сравнения можно привести 2 публикации из «ПБ» № 15, 16 июля 1989 г. – о рядовом митинге в Нарымском сквере Новосибирска (собралось около 100 чел.) с участием М. помещена заметка в 65 строк, о митинге иркутского «Мемориала» с участием более 2 000 чел., закончившемся столкновениями с милицией – 15-строчная заметка.

Герой – воплощение всех возможных положительных качеств, он – великий и простой одновременно, его цель – благо народа, все остальные – лишь фон к его фигуре («...он никогда не улыбается фотографам, но лучик в его светлоголубых глазах выдает необыкновенную силу чувств. Он

матеежник. Он родился в Сибири и связан с ней. В апреле 1989 г. Алексей и несколько независимых журналистов организовали независимое агентство СиБИА. «Мы хотим только того, чтобы сибиряки и другие люди знали, что происходит в Сибири», – говорит Алексей...» (23).

Герой описывается только с использованием превосходных эпитетов, а также ритуализированных языковых штампов («борец за демократию», «признанный лидер демократической оппозиции»).

Исследователи-языковеды отмечают, что отказ от ритуализации языка в тоталитарной системе «практически выглядит отказом от соучастия» (10, с. 39). Практическое подтверждение этого тезиса можно проследить на полемике 2-х новосибирских изданий: «Сибирского курьера» и «Пресс-бюллетеня СиБИА». В № 15 (май 1990 г.) «СК» поместил материал об одном из лидеров новосибирской оппозиции («демагерь») М., где была сделана попытка показать некоторые настораживающие моменты в деятельности этого человека, ставшего к тому времени народным депутатом РФ.

Газета заявила свою позицию таким образом: «Если уж выступать за отсутствие зон, закрытых для критики, то – до конца. В конце концов, люди должны иметь полную информацию о своих лидерах – пусть и не укладывающуюся в рамки образа «демократа в белых одеждах» (30).

Немедленно после этого редакция «СК» и персонально автор статьи были обвинены «ПБ» в сотрудничестве с органами КГБ (28). Более того – пропавший неизвестно каким образом из редакции «СК» черновик материала был воспроизведен в «ПБ» со значительными сокращениями тех мест, опровергнуть которые было невозможно.

Материал, таким образом, был превращен в бессмысленную подборку малозначительных фактов (что не могло не дискредитировать «СК»).

Языковые структуры, слова и метафоры являются очень действенным аргументом для социума, что всегда использовалось пропагандой. Истинность информации в этом случае отходит на второй план, становится маловажной. Предпочтение отдается пристрастному, идеологизированному комментарию (характерный пример – помещенная в «ПБ» № 10 (11 июня 1989 г.) заметка об очередном задержании распространителя «ПБ»: «В отделе милиции старший лейтенант Б. (в «ПБ» фамилия приведена полностью – А.К.) изъял у В. шесть экземпляров бюллетеня и пожертвовал читателям. Редакция напоминает г-ну Б., что для изъятия чего-либо нужны веские основания, иначе это называется грабежом. Редакция настаивает на возвращении экземпляров бюллетеня и пожертвований чи-

тателей, которые предназначались не лейтенанту Б. на пропой души, а на продолжение нашего издания». В этом же номере бюллетеня помещено опровержение «неточности» этой информации – все номера и деньги были возвращены в тот же день.

Первая заметка помещена в начале раздела «Наши корреспонденты сообщают», объемом 10 строк, извинение – на последней странице внизу, объемом в 2 строки.

«Чем дальше мысль от истины, тем сильнее тянется к ней толпа», – отмечает венгерский социопсихолог Бела Хамваш, – это явление в рамках социопсихологии названо *residuum*’ом (остатком). *Residuum* не имеет смысла, но побуждает к действию, и, оставаясь иррациональным, никогда не может достичь какой-либо цели и остается бесплодным.

Это типичная форма мышления толпы, хотя и не имеет ничего общего с мыслью, так же как и миф. Миф существует, потому что толпа не может мыслить, осознать, соразмерять.

Миф – это сгусток страсти, желания, инстинкта. Миф, *residuum* – характернейший признак бессознательного действия толпы» (34, с. 58).

Можно констатировать, что деятельность самиздатчиков блестяще подтверждает тезис не единожды охаянного ими марксизма: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Сформировавшиеся как личности в среде тоталитарного общества (пусть и на периферии его, пусть и отвергаемые им), эти люди создали тоталитарный самиздат, который, в свою очередь, сформировал вместо гражданского общества общество глубоко тоталитарное, хотя и под демократическими лозунгами. На ум приходит клиническая метафора, и, что самое грустное, она не кажется слишком смелой.

Описанная классиками психиатрии трехфазная эволюция шизофренического бреда представляет собой схему,

Новосибирское отделение Демократического Союза, 1989 г. Второй слева – Алексей Кретишин

куда без особого насилия над действительностью укладывается вся деятельность самиздата по созданию нового идеологического мифа под «демократической» вывеской.

Взрыв утопической энергии напоминает острый психоз; как и в случае с пациентом эта стадия носит творческий, продуктивный характер: бред непрерывно обогащается, обрастает подробностями, расцветает диковинными цветами.

Миф еще не сложился. Далее наступает фаза стабилизации, миф приобретает упорядоченные формы. Пациент живет внутри созданной им системы бредовых идей и представлений, как живут в доме, построенном своими руками. Наконец, в третьей фазе творческие и конструктивные потенции мифа иссякают, бред теряет внутренний смысл и связность, бледнеет и рассыпается. Им больше не живут.

Больной уже никого не хочет убедить и тупо повторяет одни и те же словосочетания; еще немного – и они превратятся в междометия. Врачи знают, что означает этот распад речи – крушение бредовой системы знаменует необратимый распад личности. Нечто подобное можно наблюдать на примере российской действительности – и не только в рамках самиздата.

Итак, самиздат не сумел (да и не мог – заметим в скобках) сформировать гражданское общество. Причин тому много.

Одной из них, при сравнении с польским опытом, можно назвать отсутствие в СССР общества как такового.

По словам одного из лидеров «Солидарности» Збигнева Буяка, польская концепция гражданского общества в условиях тоталитаризма (Буяк называет такое общество «подпольным» или «параллельным») «переносила ответственность за силу и формы сопротивления с лидеров на общество. Ведущие деятели варшавского подполья сделали основной упор на массовую деятельность, приобретавшую разнообразные формы. С одной стороны, борьба на предприятиях, в особенности за право продолжать профсоюзную деятельность; с другой – многообразные общественные начинания, например, создаваемые в церковных приходах комитеты помощи (взятые под опеку репрессированных), независимая печать и издательства, советы народного образования, культуры и науки, сеть центров Товарищества рабочих университетов. Только пестрая мозаика сопротивления – считали в Варшаве – может стать противоядием монополистическим действиям властей, а всякая попытка объединить сопротивление порождает опасность поражения. Тоталитарному государству следует противопоставить общество, которое сознает свою самоценность, а не организацию, которая в ходе длительной деятельности неизбежно заразится бациллой тоталитаризма» (12, с. 82).

В условиях СССР (России) демопозиция использовала польскую концепцию, что называется, с точностью до наоборот.

Широко использовалась концепция «лидерства» (организации и издания, выстраивавшиеся под определенных «вождей»), широта форм сопротивления подменялась унификацией и направленностью лишь на политику, попытка создания единых унифицированных организаций и изданий («ДемРоссия» и «СибИА» – как наиболее яркие примеры такой унификации). В результате построенное общество оказалось не социализированным, а лишь политизированным. Строительство организаций, возникновение изданий шло не от потребностей общества, а от потребностей лидеров. Более того – именно эти искусственно созданные образования и начали формировать общество. По мнению автора, можно принять в качестве внутренней мотивации самиздата следующую версию. Попытавшись вписаться в рамки существовавшего тоталитарного общества на равных с существовавшими официальными изданиями, самиздат потерпел неудачу (попытки официально зарегистрировать самиздат в 1988 г. окончились ничем), после чего самиздат приступил к процессу формирования «своего», «параллельного» обще-

ства, в котором смог занять место, равноценное месту госизданий в тоталитарной системе (в расцвет самиздата – 1989-90 гг. никаких попыток регистрации изданий не предпринималось, более того – декларировался принципиальный отказ от регистрации в госорганах: «В ответ на предложение горсовета зарегистрироваться официально, редакция хочет заметить, что: 1) Газета «Гражданский путь» распространяется на территории г. Новосибирска (Новониколаевска), Новосибирский горсовет никакого отношения к этому городу не имеет. 2) Альфонсам платят тогда, когда они что-то могут в постели. Импотентам не платит даже такая непритязательная женщина, как редакция... НЕзаконная власть оказалась еще и НЕвластью (так в тексте – А.К.)» (5).

Деятельность самиздата, несомненно, принесла ряд положительных моментов:

- приход в журналистику через самиздат «новой волны» авторов, отказавшихся в своей деятельности от идеологических штампов и считающих главным принципом журналистики принцип «факт, а не комментарий» (из более 40 авторов и редакторов самиздата в Новосибирске в настоящее время 11 чел. работают в ряде новосибирских изданий, в сибирских и центральных информационных агентствах);
- приучение общества к мысли о нормальности существования разных точек зрения и нормальности права на их обнаружение;
- самиздат послужил своеобразным катализатором в процессе создания многопартийной системы (большинство сегодняшних политических лидеров города «сделаны» самиздатом, либо прошли через работу в нем в качестве авторов и редакторов).

Автор рассматривает данную работу как предварительную попытку описания самиздата, осознания места самиздата в сложных и неоднозначных процессах, проходивших в последние годы в стране.

По мнению автора, данный текст может служить своеобразным толчком к началу работы по действительно научному исследованию сложной проблемы, которая именуется «самиздат».

ЧАСТЬ 2

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ НА МАТЕРИАЛЕ ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В СТРАНЕ 1960-90 гг.

Американский педагог Дж. Брунер писал, что образование преследует, в сущности, всего 5 основных целей:

1. Внушить ученикам уважение к их собственному разуму и веру в его возможности;
2. Внушить им, кроме того, уважение к силе мысли, влияющей на положение человека, его обязанности и социальные контакты;
3. Обеспечить их набором работающих моделей, облегчающих анализ устройства того общества, в котором они живут, и анализ положения, занимаемого в нем тем или иным человеком;
4. Привить уважение к способностям и обязанностям человека как представителя своего вида, к его истории, его потенциалу и его человечности;
5. Внушить учащимся, что дело человеческой эволюции не завершено (2, с.388).

Пожалуй, период современной истории страны, как никакой другой, дает возможность реализации всех 5 целей. На стыке истории и реальной жизни, на живом современном неоднозначном и увлекательном материале легче проводить процесс обучения закономерностям развития общества и страны, учить видеть исторические события во всей их неоднозначности и неравномерности, учить анализировать эти события, выявляя при этом их суть. «В любой дисциплине нет ничего более существенного, чем присущий ей способ мышления. В ее изложении самое важное – представить ребенку как можно более раннюю возможность усво-

ить нужный способ мышления: фиксируемый подход к фактам, формы связи между ними, надежды, шутки и разочарования, неотделимые от него. Одним словом, лучшим введением в предмет является сам предмет. Ученику следует сразу дать возможность решать задачи, строить догадки, спорить об их правильности, – словом, ввести его в самую гущу проблем данной дисциплины» (2, с. 389).

Во введении автор мельком коснулся имеющегося у него небольшого опыта преподавания проблем современной истории страны на материале общественно-политических движений и инициатив последнего десятилетия. Автор считает (и это подтверждается его опытом), что использование нестандартного «сегодняшнего» материала помогает ученикам не только осознать ответственность себя как гражданина за историю и будущее своей страны, но и через «историю вчерашнего дня» включиться в сегодняшнюю реальную жизнь.

Игорь Кон отмечал, что сегодняшнее ускорение технического и социального развития делает опору на опыт прежних поколений недостаточной, поэтому сегодня культура переносит центр тяжести с прошлого на современность. Для старшеклассников это означает ориентацию уже не столько на старших, сколько на современников, равных (или близких) им по возрасту и положению (9, с. 176).

Потребность в том, чтобы осознавать свою жизнь не как серию случайных, разрозненных событий, а как цельный процесс, имеющий определенное направление, преемственность и смысл – одна из важнейших ориентировочных потребностей личности. И помочь этому процессу можно через осознание сегодняшней истории страны. Проводимые автором курсы лекций и семинаров по проблемам современной политической истории страны как раз и пытались помочь в решении этой задачи.

Разработанные курсы в каждом отдельном случае имели свою специфику, обусловленную различием как целей семинаров, так и составом участников. К примеру, лекционно-семинарский курс в Московской школе Профсоюза независимых журналистов СССР имел двойную цель – как общепросветительскую (дать представление участникам семинара о месте самиздата в общей истории демократического и правозащитного движения в СССР), так и технологическую (представить обобщенный опыт работы сибирских самиздатчиков, его специфические черты; обучить участников основным практическим методам работы журналиста, редактора, макетчика, выпускающего; дать представление об основных способах оперативного тиражирования печатных материалов, обучить ряду способов печати). Возрастной состав участников (средний возраст – 26 лет), их

социальный статус и подготовка (43 редактора независимых изданий, подавляющее большинство – с высшим или незаконченным высшим образованием) диктовал методику проведения занятий. Лекционные занятия строились по следующей форме: 20-минутная лекция по отдельной теме («Первые независимые СМИ в СССР – «Хроника текущих событий» и «Бюллетень «В»; «Независимые демократические издания Новосибирска», «Самиздат Восточной Сибири», «Самиздат и органы правопорядка – юридический ликбез» и т.д.), после чего в течение 25 минут ответы на вопросы или, по просьбе аудитории, дополнительный рассказ о практике работы того или иного издания на конкретных примерах и в конкретных ситуациях. Семинарские занятия, проводимые методом «рассказа с показом», дополнялись демонстрацией работы с той или иной множительной техникой, после чего участники непосредственно пробовали повторить процесс работы с целью закрепления теоретических навыков. В качестве вспомогательных средств широко использовались демонстрации тех или иных изданий, а также слайдов и фотографий.

При проведении лекций в рамках «Вольного демократического семинара» и в рамках изучения старшеклассниками общественно-политической истории страны, автор использовал ту же схему подачи материала, исключив, естественно, практические занятия, исходя из только общепросветительской (а не технологической) цели занятий.

Большой упор был сделан на привлечение иллюстративного материала и ТСО: использовались слайды, схемы, магнитозаписи, независимые издания, листовки, книги. В качестве удачного опыта (судя по реакции аудитории) автор может отметить проведение лекции в виде 45-минутной слайдпрограммы со сплошным видеорядом (слайды), построенной на компоновке «встык» цитат из официальной прессы и материалов демдвижения, в сопровождении магнитозаписей песен Александра Галича и Владимира Высоцкого.

После окончания лекции-слайдпрограммы проводилось обсуждение с ответами на вопросы. Автор отмечает, что привлечение «живых» исторических документов и материалов способствовало более полному усвоению материала, создавая определенное эмоциональное настроение у участников семинара. В обоих случаях (ФМИ и школа №10) возрастной состав участников был приблизительно одинаков – 15-17 лет.

В настоящее время автор заканчивает разработку курса лекционных занятий по заказу Новосибирского государственного педагогического лицея. Курс, состоящий из 12 занятий, имеет целью дать представление о демократическом движении СССР, о людях, его составлявших, о направ-

лениях их деятельности, о внутренней структуре движения (национальные, религиозные, правозащитные и т.п. объединения, самиздат, «параллельная» культура и искусство). Автор считает, что данный лекционный курс может быть использован в рамках преподавания как современной истории, так и политологии. В качестве образца при разработке курса лекций автор использует опыт преподавания современной истории, успешно применяющийся в средней школе Чикагского университета (США) преподавателем Эриком П. Беллом. В разработанных Беллом методиках преподавания широко применяются принципы, заимствованные в пограничных с историей науках (в частности, в социологии). В рамках изучения истории Америки после 2-й мировой войны Беллом разработан ряд курсов по отдельными темам, в совокупности охватывающих все стороны современной американской общественно-политической жизни и истории.

В качестве основного принципа при разработке методики преподавания Белл выработал постулат «При изучении главного периода необходимо сформулировать главные проблемы». Наиболее важные проблемы для изучения отбираются по следующим критериям:

- они были важны для рассматриваемой эпохи;
- они помогают понять сегодняшнюю страну; их место среди других проблем;
- их способность порождать споры как в среде историков, так и в другой среде;
- их способность пробуждать интерес к прошлому и будущему (33, с. 290).

По каждому вопросу дается небольшая подборка текстов, показ главных точек зрения: фрагменты выступлений, аргументы сторон, статистические данные и т.д.

За одно занятие заслушиваются 3 подготовленные учениками по предварительным заданиям сообщения продолжительностью по 12 мин., после каждого обязательно проводится обсуждение. Методика применялась в группах из 15 учеников в возрасте 14-16 лет. Сообщения могут основываться на анализе статистических данных, законодательных актов, а также исторических документов того или иного периода. Занятия носят недирижерный характер.

Французский историк М. Ферро считает, что методика преподавания, выработанная Беллом, являет собой редкий случай введения в реальности общественной жизни. «Это знакомство с историей не есть изучение прошлого ради прошлого, оно помогает разобраться в проблемах нашего времени» (33, с. 289). Новые методы отодвигают последовательный рассказ на второй план, на уровень второстепенной информации. Учебник выступает как бы в роли словаря; к

нему обращаются за ориентирами, а не за заключительным выводом, в меньшей степени – за анализом. Рассказ, занимательный факт играют здесь роль украшения.

В качестве иллюстрации использования методики Белла, автор может привести разработку планов 2-х (из 12) лекционно-семинарских занятий курса истории «Общественные движения в СССР 1960-90 гг.», связанные с предметом рассмотрения данной работы – самиздатом.

(Полный курс состоит из следующего цикла лекционно-семинарских занятий:

- зарождение правозащитного движения в СССР: причины, поводы;
- «параллельная» культура, «шестидесятничество»;
- первые попытки создания независимой от государства системы распространения информации;
- «пражская весна», кризис правозащитного движения;
- национальные движения в СССР;
- Хельсинский процесс, признание «прав человека» общечеловеческой ценностью;
- разгром правозащитного движения 1981-83 гг.;
- появление новых общественных инициатив, последствия «разрыва с ветеранами»;
- политика «гласности» и «перестройки», ее влияние на возрождение правозащитных и демократических групп;
- самиздат нового поколения;
- появление массового демократического движения в СССР;
- новые политические партии и движения в современных условиях.)

ЛЕКЦИЯ № 3

Тема занятия: Первые попытки создания независимой от государства системы распространения информации. «Хроника текущих событий».

Цель занятия: на конкретно-историческом материале дать представление о роли СМИ в жизни общества, о необходимости независимости СМИ от государства.

Задача занятия: научить учеников анализу событий на основе сопоставления разных точек зрения, привить умение вести дискуссию, оппонировать докладчику

Учебные материалы: подборки публикаций газет «Правда», «Известия» 1968—83 гг. по имеющим общественное значение проблемам (вторжение в Чехословакию, суды над диссидентами, права человека и т.д.), подборки сообщений «Хроники текущих событий» по тем же проблемам, книги: Л.Алексеевой «История инакомыслия в СССР. Советский

период», Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», В. Красина «Без оправдания».

Технические средства обучения: магнитофон, слайдпроектор, слайды – фотохроника рассматриваемого периода, а также из частных архивов диссидентов; магнитоаппарат песни А. Галича «Мы не хуже Горация».

Структура занятия:

Оргмомент (2 мин.)

Лекционная часть – вводная лекция, в содержании которой даются разные точки зрения на роль СМИ в формировании общественного мнения, оценка советских СМИ официальными органами и дем. движением, попытки создать независимую сеть распространения информации («ХТС», «Радио Свобода»), реакция официальных органов на эти попытки (10 мин.).

Прослушивание магнитоаппарата песни А. Галича «Мы не хуже Горация» с демонстрацией слайдов. (3 мин.).

Просмотр подборки слайдов по вторжению в Чехословакию (чередование фотохроники из советских и зарубежных СМИ) (5 мин.)

Доклад с анализом освещения официальной прессой и самиздатом вторжения в Чехословакию и суда над Красным-Якиром с демонстрацией слайдов, посвященных дем. движению этого периода (10 мин.).

Обсуждение лекции и доклада. Вопросы для обсуждения:

1. Влияние государства на СМИ – беда или благо?
2. СМИ в условиях тоталитарного государства.
3. Цена «внутренней свободы» – адекватна ли сделанному?

(На обсуждение отводится 13 мин.)

Объявление темы следующего урока, список рекомендованной литературы, тема для следующего доклада (2 мин.)

ЛЕКЦИЯ № 11

Тема занятия: Появление массового демократического движения в СССР

Цель занятия: на конкретно-историческом материале дать представление о причинах появления массовых демократических организаций в СССР, формировании демократической оппозиции на всех уровнях вплоть до высших органов власти.

Задача занятия: научить учеников анализу событий на основе сопоставления разных точек зрения, привить умение вести дискуссию, оппонировать докладчику

Учебные материалы: подборки публикаций газет «Прав-

Групповое фото периода предвыборной кампании В.П. Мухи, 1999 г. Первый слева — Алексей Кретинин

да», «Известия», «Советской Сибири», «Пресс-бюллетеня», «Сибирского курьера», документов МДГ, «ДемРоссии», других общественных организаций и партий, предвыборных программ, подборки информационных сводок ТАСС, «Постфактума», «Ежедневной Гласности».

Технические средства обучения: магнитофон, слайдпроектор, слайды — фотохроника рассматриваемого периода; магнитопись последнего выступления А.Д. Сахарова на заседании МДГ.

Структура занятия:

Оргмомент (2 мин.)

Лекционная часть — вводная лекция, в содержании которой даются разные точки (по материалам прессы) на демократическую оппозицию; формирование «образа врага» в лице демопозиции официальной прессой, контрпропаганда демократов; статистика по выборам в народные депутаты РФ 1990 г., создание дем. оппозиции на Съезде, появление «ДемРоссии», в сопровождении слайдов фотохроники (13 мин.).

Прослушивание магнитописи последнего выступления А.Д. Сахарова с демонстрацией слайдов. (3 мин.).

Доклад с анализом проведения демократическими си-

лами предвыборной компании (на примере Новосибирска), позиции официальной прессы и самиздата, внешние и внутренние причины успеха проводимой самиздатом агитационной компании с демонстрацией слайдов, посвященных дем. движению этого периода (10 мин.).

Обсуждение лекции и доклада. Вопросы для обсуждения:

1. Причины возникновения массовых демократических организаций в начале 1990 г.

2. «Официальная» и независимая пресса — две стороны одной медали?

3. Роль и место оппозиции в переходный период.

(На обсуждение отводится 15 мин.)

Объявление темы следующего урока, список рекомендованной литературы, тема для следующего доклада (2 мин.)

Ферро заметил, что «сколько школ, столько и учебников, столько и различных видений прошлого и настоящего. В недрах хаоса развивается более позитивное знание, не столь идеологизированное и опирающееся на достижения социальных наук» (33, с. 295). Задержка с осмыслением наслаивающихся событий переходного периода, который в настоящее время переживает страна, отставание образовательных структур от осознания меняющейся картины мира, в конечном счете, больно ударит не только по процессу образования вообще, но и по будущему страны (граждан которой формируют эти структуры). Нетрадиционные ситуации требуют нетрадиционных реакций. Именно с этой точки зрения автор попытался использовать нестандартный для российской школы педагогический опыт Белла — для приближения истории к современности, для получения возможности введения учеников в историю, и через нее — в современность.

Симптоматично, что главу, повествующую о методике работы Белла, Ферро в своей книге «Как рассказывают ис-

торию детям в разных странах мира» назвал «Обновление» истории». Именно так можно сформулировать ту сверхзадачу, которую, хоть в малой части, пытался решить автор данной работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Игорь Кон отметил, что для планомерного и систематического руководства формированием личности старшеклассника очень важно учитывать возможности и механизмы воздействия основных институтов социализации, понимая под «социализацией» совокупность всех социальных процессов, благодаря которым индивид усваивает определенную систему знаний, норм и ценностных ориентаций, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. «Это понятие значительно шире понятий «образование», «обучение» и даже «воспитание» (9, с. 177).

По мнению Кона, институты социализации (в том числе – пресса и общественные организации) играют в становлении личности человека никак не меньшую роль, чем собственно образовательный процесс в рамках школы или вуза. В данной работе предпринята попытка ввести институты социализации непосредственно в образовательный процесс в качестве предметов преподавания (в конце концов, всегда полезно знать механизмы действия Того, Что На Тебя Влияет, «как именно» Оно это делает).

На первом этапе работы автор не предполагал, что она получит не только и не столько историческое, сколько педагогическое звучание – слишком трудно было абстрагироваться и взглянуть со стороны на то, что было основным содержанием, основным делом твоей жизни на протяжении почти десятка лет. Понимание того, что это Дело стало сегодня историей (к счастью или к несчастью – вопрос второй) пришлось к автору с большим трудом. С еще большим трудом приходило осознание того, что в качестве истории это Дело может и должно стать объектом преподавания.

И совсем неожиданным было осознание того факта, что проводившиеся автором семинары на содержательной базе этого Дела являются фактом Преподавания, Обучения...

Говоря об исторической, содержательной части данной работы, автор не может не отметить ряд как положительных, так и отрицательных моментов. К положительным можно отнести то, что это первая (насколько известно ав-

тору) попытка написания исторического очерка одного из течений независимого общественного движения страны современного периода – самиздата. Несомненным плюсом автор считает тот факт, что (как ему кажется) ему удалось отойти от пристрастно-оценочного взгляда на события последних лет, проследить и понять неоднозначность как действий, событий, людей, так и их последствий. С «горячей» головой можно делать политику, но не науку.

Таким же плюсом является попытка введения того непростого и неоднозначного материала, каким является действительность независимых общественных движений, в процесс образования в качестве исторического, иллюстративного и аналитического материала.

Недостатками работы, по мнению автора, являются, в первую очередь, неполнота, определенная фрагментарность рассмотрения предмета исследования. С одной стороны это было сделано совершенно сознательно – выявлять тенденции и анализировать проще на ярких, характерных примерах; с другой стороны – является результатом большего и лучшего знакомства авторов именно с описываемыми яркими примерами. В то же время автор осознает, что рассмотрение фактов и событий, не попавших по тем или иным причинам в данную работу, может определенным образом скорректировать и результаты проведенного анализа, и полученные выводы. Недостатком работы является также рассмотрение автором только одного (условно называемого «демократическим») течения общественных движений (не подверглись рассмотрению и анализу ни «неокоммунистическое», «неомарксистское», ни «патриотическое» течения). Но – «идущий за мною сильнее меня», и, кроме того, автор намерен не останавливаться в исследовании темы лишь данной работой, рассматривая ее скорее как «заявку темы».

Отрицательной чертой данной работы, по мнению автора, является ее применение (до последнего времени) для преподавания в довольно специфических (по возрастному и социальному составу) аудиториях.

Тем не менее, автор намерен исправить данный недостаток в процессе преподавания лекционно-семинарского курса в Новосибирском государственном педагогическом лицее весной 1994 г. К сожалению, педагогическая часть работы построена только на личном преподавательском опыте автора по данной теме – автор узнал о преподавании схожего курса, разработанного специалистами Московского открытого университета, в ряде лицеев и школ столицы, а также о разработанном московским историком и библиографом Александром Суетновым лекционным курсе по теме общественно-политических движений в

СССР слишком поздно. (В январе 1992 г. А. Суетнов приглашен для чтения своего курса в Оксфордский университет, а также в ряд институтов и колледжей США. У автора работы имеется договоренность с Суетновым о совместной работе по разработке курсов и методик преподавания по данной теме после возвращения Суетнова из-за рубежа (июль-август 1993 г.) – на стадии завершения данной работы).

Автор надеется, что данная работа хоть в малой степени сможет помочь обратить внимание историков на день сегодняшний, а педагогов – на новый, возникающий и развивающийся у них на глазах, материал для преподавания.

Неоднозначность и необычность как материала, так и подходов к нему может и должна послужить базой для столкновения полярных точек зрения, в результате которого высекается искра Знания, Истины. В конце концов, постулат «Любые рассуждения на эту тему считать еретическими» («Молот ведьм»), относится не к педагогике и истории, а только к породившей его инквизиции.

От которой, заметим в заключение, и педагогика и история очень сильно отличаются...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- (1) Белик С., Исаков В., Найбергер Г. «О группе «Свобода» и ее деятельности». – Новая жизнь, № 4, июнь 1989 г.
- (2) Брунер Дж. «Психология познания», М., «Прогресс», 1977 г.
- (3) «Век XX и мир», № 12, 1990 г.
- (4) «Гражданский путь», № 3, апрель 1990 г.
- (5) Ibid, № 4, май 1990 г.
- (6) Давыдов Д., Розин М. «Три кита» советской политической мифологии». – «Даугава», № 12, 1990.
- (7) Журнал революционного марксизма, Новосибирск, № 1, 1987
- (8) Колаковский Л., «Общество граждан», Лондон, ОРИ, 1988 г.
- (9) Кон И. «Психология старшеклассника», М., «Провещение», 1982 г.
- (10) Кронгауз М, к. филол. н., МИАИ, выступление на круглом столе «Язык и праязык политиков» – «Знание-сила», № 12, 1991.
- (11) «Лицо самиздата. Результаты социологического опроса редакторов независимых изданий СССР спе-

циалистами ВЦИОМ» – «5 Съезд ПНЖ СССР Москва, 14–15 декабря 1990 г.», М., «Пласность», 1991 г.

(12) Лопинский М., Москит М., Вильк М. «Нелегалы», ОРИ, Лондон, 1987 г.

(13) Лотман Ю. М., Цивьян Ю. Г., «Природа киносюжета» – «Даугава», № 7, 1989.

(14) «Многотиражная и стенная печать в вузе» – Отчет социологической лаборатории НГУ по социологическому опросу студентов новосибирских вузов, декабрь 1988 г.

(15) «Новая Жизнь», № 7, март 1990 г.

(16) Орехов В. «О работе журнала «Новая жизнь» – «Новая жизнь», № 4, июнь 1989 г.

(17) «Польское подполье – документы и факты», ОРИ, Лондон, 1984 г. Годовой доклад Министерства госбезопасности ПНР Совету министров ПНР, декабрь 1980 г.

(18) «Пресс-бюллетень СиБИА», № 1, 9 апреля 1989 г.

(19) Ibid, № 8, 28 мая 1989 г.

(20) Ibid, № 24, 17 сентября 1989 г.

(21) Ibid, № 25, 24 сентября 1989 г.

(22) Ibid, № 26, 1 октября 1989 г.

(23) Ibid, № 1(40), 7 января 1990 г.

(24) Ibid, № 6 (45), 11 февраля 1990 г.

(25) Ibid, № 7 (46), 18 февраля 1990 г.

(26) Ibid, № 9 (48), 25 февраля 1990 г.

(27) Ibid, № 12 (51), 13 марта 1990 г.

(28) Ibid, № 26 (65), 17 июня 1990 г.

(29) «Свободная демократическая Сибирь», № 3, июль 1990 г.

(30) «Сибирский курьер», № 15, май 1990 г.

(31) «Сибирский социал-демократ», № 3, август 1990 г.

(32) «Справочник периодического самиздата», М., 1990 г.

(33) Ферро М. «Как рассказывают историю детям в разных странах мира». М., «Высшая школа», 1992.

(34) Хамваш Бела, социопсихолог, «Когда господствует толпа» – «Социум», № 9, 1991 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

БИБЛИОГРАФИЯ НОВОСИБИРСКОЙ НЕЗАВИСИМОЙ ПЕЧАТИ

До настоящего времени новосибирский самиздат (как, впрочем, и самиздат всего бывшего СССР) был исключен из научного оборота в качестве объекта исследования. Что же касается библиографического описания независимых новосибирских изданий, то автору работы известно только две подобных попытки – это справочники независимой печати СССР, выпущенные Московским бюро информационного обмена и Высшей комсомольской школой при ЦК ВЛКСМ. В обоих справочниках описан и каталогизирован ряд новосибирских независимых изданий.

В «Справочнике периодического самиздата», изданном в Москве в феврале 1990 г. Московской независимой общественной библиотекой (составитель Александр Суетнов, включает в себя описание 760 независимых русскоязычных изданий СССР по состоянию на январь 1990 г.), каталогизированы и описаны 17 новосибирских изданий. Аннотации содержат данные о персональном составе редакций, контактные телефоны, данные о выходе первого номера, периодичности, объеме, тираже, способе печати. В справочнике отсутствует классификация изданий по их направленности («политические», «религиозные», «литературные» и т.д.). По мнению А. Суетнова, подобная классификация определенным образом искажает общую картину положения самиздата, поскольку «жесткого» деления провести невозможно («литературные» издания охотно помещают политизированные эссе, «политические» – печатают стихи и прозу и т.д.).

Из 17 отмеченных в каталоге новосибирских изданий 4 («Вестник ДД», «Пресс-бюллетень СибИА», «Северный телеграф» и «Сибирский курьер») вошли в список «рекомендованных составителем» изданий.

Для сравнения: из 161 включенного в список издания, 60 – московские, 26 – ленинградские, 24 – «ближнее зарубежье» (СНГ и Прибалтика). По результатам опроса новосибирских «самиздатчиков», «Справочник» М-БИО признан наиболее адекватно отражающим положение новосибирского самиздата. Надо отметить, что скрупулезность и отсутствие конъюнктурных политизированных влияний характерны для всех библиографических работ А. Суетнова.

Нелишне отметить, что «Справочник», выпущенный характерным для самиздата способом (компьютерная верстка оригинал-макета с последующей офсетной печатью) и чисто «самиздатовским» тиражом (200 экз.), рассылавшийся преимущественно редакторам ведущих независимых изданий страны, сам стал оригинальным примером «независимого издания», и, как таковой, – объектом исследования А. Суетнова.

Выпущенный в январе 1990 г. Научно-исследовательской частью Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ (ВКШ ЦК ВЛКСМ) «Каталог-справочник неформальных самодеятельных организаций и независимой прессы СССР» (М., 1990, под редакцией д. ф. н. профессора В.Ф. Левичевой), как видно из тиража (500 экз.) предназначался в первую очередь для ориентации высшего и среднего слоя комсомольских функционеров в многообразии общественных организаций и независимой печати страны. Насколько известно, это первое «официальное» справочное издание, включающее в себя попытку каталогизации и библиографии самиздата конца 80-х гг. По имеющимся сведениям, подобные издания выпускались дважды 5-м Управлением КГБ СССР (как своеобразное «пособие» для сотрудников управления, занимавшихся самиздатом и неформальными организациями), и дважды, в сильно сокращенном виде – Общим отделом ЦК КПСС.

В обзорной статье «Самодеятельная пресса» дважды упомянут издававшийся в Новосибирске «Пресс-бюллетень СибИА» (авторы справочника, правда, предпочитают употреблять аббревиатуру «СИБ ИА», однако более правильно использовать написание, принятое редакцией «Пресс-бюллетеня»). Первый раз – в качестве примера «чисто информационного издания» (с. 198) (что показывает знакомство авторов справочника преимущественно с первыми номерами пресс-бюллетеня), второй – когда речь идет о попытке классификации изданий по популярности. Авторы справочника включили «Пресс-бюллетень» во вторую (в их классификации) группу изданий – «идущих за первым десятком лидеров, уступающих им по тиражу, полиграфическому исполнению, качеству материала, актуальности» (с. 199).

В справочнике представлено 431 издание, из них 17 – новосибирские. Проведена классификация изданий по «направлениям деятельности»: информационных – 20 (1); общественно-политических – 226 (11); литературно-художественных – 71 (2); религиозно-философских – 49 (0); национально-культурных – 15 (0); музыкальных – 26 (3). В скобках приведено количество включенных в тот или иной раздел новосибирских изданий. В аннотациях даются сведения

о времени выпуска первого номера описываемого издания, чьим органом оно является, количество выпущенных номеров, тираж.

Однако для отдельных изданий эти сведения приводятся в сокращенном виде (например, без указания тиража либо количества выпущенных номеров), а для некоторых изданий аннотация ограничивается одной фразой (Например – «Гражданин» (Бердск) – Независимое издание»). В отличие от самиздатовских библиографических справочников М-БИО, аннотации «Каталога-справочника» ВКШ при ЦК ВЛКСМ сильно урезаны и не дают практически никакого представления о характере рецензируемого издания, а подчас – и прямо дезинформируют читателя.

Так, «Вестник демократического движения» никогда не ставил целью давать «информацию о деятельности неформальных групп Новосибирска» (как утверждается в «Каталоге»), а был печатным органом созданной представителями либеральной интеллигенции новосибирского Академгородка организации «Демократическое движение»; «Сибирский курьер» был изданием Профсоюза независимых журналистов СССР, а не «газетой правозащитных движений Сибири» (как опять же утверждает «Каталог»). Особенно обращает на себя внимание абсолютно фантастическая аннотация, характеризующая СибИА как «прямого наследника «Информационного центра ВСПК-РЕАС» (существовавшей только на бумаге организации либерально-социалистического толка).

Привлекает внимание и нетрадиционная расшифровка аббревиатуры СПА «Вена-89» как «социально-политической ассоциации» (в реальности – «Сибирская правозащитная ассоциация»). Ряд упомянутых в «Каталоге» изданий (например, орган ИПО «Память» «Непрядва») неизвестны ни библиографам самиздата, ни коллекционерам, ни архивистам и, по всей вероятности, являются фантастическими и никогда не существовавшими. Изучение «Каталога» оставляет впечатление, что его авторы имеют о рассматриваемых ими объектах довольно приблизительную информацию, полученную из вторых рук.

Очевидно, что редакторская группа не удосужилась даже поверхностно ознакомиться с многими из рецензируемых изданий. Кроме этого, редакторская группа явно испытывала давление определенных политических стереотипов, что не могло не повлиять на объективность и полноту сведений «Каталога» (более полно, чем «демократические», описаны «патриотические» и «левые» издания, в том числе и давно прекратившие существование ко времени выхода «Каталога»).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

НОВОСИБИРСКИЕ НЕЗАВИСИМЫЕ ИЗДАНИЯ, ПРОШЕДШИЕ КАТАЛОГИЗАЦИЮ В «СПРАВОЧНИКЕ ПЕРИОДИЧЕСКОГО САМИЗДАТА»

В «Справочнике периодического самиздата», изданном в Москве в феврале 1990 г. Московской независимой общественной библиотекой (составитель Александр Суетнов, включает в себя описание 760 независимых русскоязычных изданий СССР по состоянию на январь 1990 г.), каталогизированы и описаны 17 новосибирских изданий:

1. Вестник демократического движения; Демократическое движение за перестройку (Г. Фалькович, С. Коковин, С. Петин и др. – Новосибирск, апрель 1989. – Период. не указана. 0,5 печатн. л. (принтер+ксерокс), 1989, 1. #
2. Журнал революционного марксизма: Социально-философский клуб/ М. Бутин. – Новосибирск, 1987 В. Харьков. В МНОБ не имеется.
3. Информбюллетень о деятельности неформальных организаций города./И. Богданец. –Новосибирск, ноябрь 1988 – 1 с., (машинопись), 1988, 1-5. 1989, 6 (Издание прекращено).
4. Новая жизнь./Вал. Орехов. Новосибирск, май 1988 (Нерегулярно), 80 с. (машинопись) 1988, 1, 1989, 2-3
5. Память: Рукописный орган историко-патриотического общества «Память»/Ред. не указана. Новосибирск. 1988. (Крайне нерегулярно). 8 с. (принтер) 1988, 1-3.
6. Память: Вестник патриотического движения «Память»/И. Богащенко. Новосибирск. декабрь 1988. (Нерегулярно) 40 с. 1988, 1-2.
7. Пламя: (Орган издания «Трибуна перестройки»)/Б. Тапров. Новосибирск. 1988. Период. не указана. 7 с. (машинопись) 1988, 1 (Издание прекращено)
8. Северный телеграф: Дайджест советской и зарубежной прессы./А. Дроздецкий, М. Клименко и др. Новосибирск. 1988, 1 раз в два мес. (машинопись+ксерокс) 40 с.
9. Сибирский курьер: Независимая еженедельная газета. СПА «Вена-89»/А. Кретинин, В. Емельянов, С. Терехов. Академгородок. июнь 1989. Еженедельно. 4—6 полос. (принтер+ксерокс) 1989, 1-9. # *
10. Сибирская трибуна: Независимая газета /А. Кретинин. Новосибирск. март 1989. (Нерегулярно) 4 с. (ксерокс+—

фотокоп.) 1989, 1-3. В МНОБ не имеется.

11. Спектр: Журнал новосибирского регионального отделения Информационного объединения политклубов Урала и Сибири (РИОС)/Игорь Кузнецов и др. Новосибирск. май 1988 1 раз в два мес. 100 с. (машинопись) 1988.

12. Свеча: Литературный альманах/Игорь Батенев. Новосибирск. 1988

13. Пресс-бюллетень СиБИА/А. Мананников, А. Кретинин, И. Богданец и др. Новосибирск. апрель 1989. еженедельно. 12 с. 1989, 1-32. # *

14. Собор: Литературно-религиозный журнал/Максим Клименко. Новосибирск. Ноябрь 1989. нерегулярно. 100 с.

15. Магазин: Музыкально-литературный журнал/В. Герц. Новосибирск. 1989. В МНОБ не имеется

16. Люки: Сюрприз. Литературно-художественный альманах/Ред. не указана. Академгородок. 1988 33 с. (принтер) 1988, 1-3.

17. Гражданин: Трибуна Бердского отделения демдвижения/М. Пикалов, Ю. Шпедт и др. Бердск. Август 1989. дважды в мес. 8 с. (машинопись+ксерокс) 1989. 1-2. #

ПРИМЕЧАНИЕ

Значком « # » отмечены издания с тир. более 200 экз.;

значком « * » – издания, рекомендованные составителем сборника для ознакомления.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

СПОСОБ И МЕСТО ПЕЧАТИ НЕЗАВИСИМЫХ ИЗДАНИЙ НОВОСИБИРСКА

«СЕВЕРНЫЙ ТЕЛЕГРАФ»

Оригинал – машинопись, с июня 1989 г. – компьютерный набор. Печать – офсетная, на печатной базе Партии независимости Литвы, Вильнюс. Первые номера (с 1 по 3) имели машинописный тираж не более 20 экз.

«ПРЕСС-БЮЛЛЕТЕНЬ СиБИА» («ЭТАП»)

Номера с 1 по 7 печатались машинописью, тиражом до 40 экземпляров. Номера 3 и 5, кроме этого, размножались на аппаратах типа «ксерокс», «Эра», «РЭМ» тиражом до 200 экз. С 8 номера оригинал – компьютерный набор, Печать – офсетная на печатной базе Партии независимости Литвы, Вильнюс (при поддержке СПА «Вена 89»). Тиражи – с 4 тыс.

(8 номер) до 15 тыс. (с 12 номера), затем – падение до 10, 8 тыс. в конце 1989 г.). «Этап» – офсетная печать в типографиях Новосибирска, набор на лазерном принтере (впервые для Новосибирска переход на профессиональную издательскую технику). Тираж – 5-1 тыс.

«СИБИРСКАЯ ТРИБУНА»

Оригинал – машинопись, размножение – фотоспособом с уменьшением, а также на аппаратах светокопировального типа. Единственное издание в Новосибирске, использовавшее фотоспособ для тиражирования.

«СИБИРСКИЙ КУРЬЕР»

Оригиналы номеров 1 и 2 печатались смешанно машинописью и компьютерным набором, с 3-го номера – полностью компьютерный набор с элементами ручного оформления (заголовки, иллюстрации). Впервые в Новосибирске появление фотоиллюстраций в самиздате (низкое качество). Печать офсетная, номеров 1-9 – на печатной базе Партии независимой Литвы, Вильнюс (при поддержке СПА «Вена-89»); номеров 14-16 – на печатной базе Народного фронта Латвии, Рига. Тираж 1 номера – 1 тыс., номеров 3-5 – 3 тыс., с 6 номера – 5 тыс., номера 14-16 – 10 тыс. Номер 13 отпечатан с ксерокопий оригинала в Москве, на печатной базе Профсоюза независимых журналистов тиражом 1 тыс., распространялся только в Москве.

«ГРАЖДАНСКИЙ ПУТЬ»

Оригинал – машинопись с элементами ручного оформления (заголовки). Печать – офсетная, на печатной базе партии ДС (точнее, при посредничестве ДС печать в Таллинне, Эстония). Тираж первого номера 3 тыс., затем – 5 тыс.

«ВЕСТНИК ДД» (Академгородок)

Оригинал – компьютерный набор. Печать – офсетная, на печатной базе Партии независимой Литвы, Вильнюс (при посредничестве СПА «Вена-89»). Тираж стабилен.

«ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЕСТНИК»

Машинопись. Тираж раздавался полностью в Нарымском сквере во время еженедельных сборов по воскресеньям. Тираж стабилен.

«ГАЗЕТКА»

Оригинал – рукописный и машинописный, размножение на ксероксе.

«СИБИРСКИЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ» («СИБИРСКОЕ ВРЕМЯ»)

Оригинал – машинопись, печать офсетная на печатной базе Народного фронта Латвии, Рига. Тираж стабилен.

«НОВАЯ ЖИЗНЬ»

Оригинал – машинопись. Номера 1-3 тиража не имели, размножались машинописью от 3 до 5 экз. С номера 4 – печать офсетная, на базе Демпартии Советского Союза («Партия Льва Убожко»).

«ГРАЖДАНИН» (Бердск)

Оригинал – компьютерный набор, печать офсетная на печатной базе Партии независимой Литвы, Вильнюс (при посредничестве и поддержке СПА «Вена-89»). Тираж стабилен.

«СВОБОДНАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ СИБИРЬ»

Оригинал – компьютерный набор с элементами ручного оформления (заголовки). Печать офсетная на печатной базе НФЛ, Рига. Тираж стабилен.

«ТРАНЗИТ»

Тиражирование с помощью машинописи, часть – на аппаратах типа «Эра». Тираж стабилен.

«ПАМЯТЬ»

Оригинал – машинопись, компьютерный набор. Тиражирование – ротапринт. Тираж стабилен.

«ВЕСТНИК ИПО «ПАМЯТЬ»

Тиражирование с помощью машинописи. Тираж стабилен.

«РУССКИЙ ВЕСТНИК»

Оригинал – компьютерный набор. Печать – ротапринт. Тираж стабилен.

«ГОЛОС ТРУДА» (Томск—Новосибирск)

Оригинал – машинопись. Печать – ротапринт на неустановленной базе в Томске. Единственное издание в городе, имевшее двойную редакцию. Тираж стабилен.

«ГРАДУ И МИРУ»

Оригинал – машинопись с элементами ручного оформления (заголовки). Печать – на базе партии ДС, Москва. Тираж стабилен.

«ВСХОДЫ»

Оригинал – машинопись, компьютерный набор. Печать – на базе НФЛ, Рига. Тираж стабилен.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ТИРАЖИ НОВОСИБИРСКИХ НЕЗАВИСИМЫХ ИЗДАНИЙ

«Вестник ДД» – 1 000 экз.

«Вестник ИПО «Память» – 20 экз.

«Всходы» – 3 000 экз.

«Газетка» – 30 экз.

«Граду и миру» – 5 000 экз.

«Гражданин» (Бердск) – 1 000 экз.

«Гражданский путь» – 3 000 экз.

«Голос труда» – 3 000 экз.

«Информбюллетень» – 40 экз.

«Новая жизнь» – 1 000 экз.

«Память» – 1 000 экз.

«Пресс-бюллетень» («Этап») – 12 000 экз.

«Русский вестник» – 5 000 экз.

«Свободная демократическая Сибирь» – 5 000 экз.

«Северный телеграф» – 3 000 экз.

«Сибирская трибуна» – 50 экз.

«Сибирский курьер» – 10 000 экз.

«Сибирский социал-демократ» («Сибирское время») – 5 000 экз.

«Транзит» – 20 экз.

Тиражи, «объявленные» в выходных данных газеты, зачастую не совпадают с реальными – завышение либо занижение их было обусловлено конкретными факторами. Например, «объявленные» в выходных данных тиражи «Пресс-бюллетеня СибИА» после июля 1989 г. намерено занижены – для дезориентации милиции в случае повторной попытки изъятия тиража, т.к. тираж дробился при отправке и доставлялся по частям. «Объявленный» тираж трех последних номеров «Сибирского курьера» искусственно занижен не по вине редакции – во всех трех случаях печать номеров шла в 2 этапа, после продажи тиража на полученные деньги допечатывался второй тираж того же номера без изменения матрицы.

В то же время редакторы практически всех изданий склонны преувеличивать размер тиражей в частных беседах.